

Петр Алешкин

# *В джунглях Москвы*

Роман



Петр Алешкин

**В джунглях Москвы. Роман**

«Издательские решения»

**Алешкин П.**

В джунглях Москвы. Роман / П. Алешкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833594-5

В произведениях Петра Алешкина всегда острые ситуации, конфликты с неожиданными поворотами, поэтому критики считают, что он привнес в русскую литературу новый прием — поток действия. В романе «В джунглях Москвы» показана полная приключений драматических ситуаций судьба молодого человека, приехавшего покорять столицу.

ISBN 978-5-44-833594-5

© Алешкин П.  
© Издательские решения

# Содержание

Часть первая. Ванёк	7
Глава первая	7
1	7
2	8
3	9
4	10
5	13
6	16
7	20
Глава вторая	23
1	23
2	25
3	28
4	30
5	33
6	34
7	35
Глава третья	37
1	37
2	38
3	39
4	40
5	40
6	42
7	44
Глава четвертая	45
1	45
2	46
3	49
4	50
5	52
6	54
7	55
Часть вторая. Алёша	59
Глава первая	59
1	59
2	60
3	60
4	62
5	64
6	65
7	66
Глава вторая	68
1	68
2	70
3	71

4	73
5	74
6	76
7	78
Часть третья	81
1	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

**В джунглях Москвы**  
**Роман**  
**Петр Алешкин**

© Петр Алешкин, 2016

ISBN 978-5-4483-3594-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Часть первая. Ванёк

### Глава первая

#### 1

В деревню Варюнька приехала в субботу. Был тихий, серый и грустный день. Один из таких, когда не хочется выходить из дому, когда приятно сидеть у окна и смотреть на замершие, почерневшие от осенней сырости деревья, на влажные листья, тяжело повисшие на ветвях, на пустынный луг, по которому изредка торопливо прокатится машина или трактор с прицепом.

От автобусной остановки Варя шла быстро, по сторонам не глядела, опасаясь встретиться с любопытными и насмешливыми взглядами односельчан. Шла и ежилась, представляя, как в каждой избе теперь у окна торчат бабы и обсуждают ее. Не могла же тетя Шура Пискарева не рассказать в деревне, как встретила их с Колькой Хомяковым в городском сквере между кинотеатром и универмагом. Дернул же их черт днем потащиться в кино! Ну ладно, посмотрели и шли бы себе туда, где меньше людей. Так нет! В скверике захотелось посидеть!.. Уж больно день тогда был хорош! Пригревало сентябрьское солнце. Терпко пахло опавшими листьями. Ветерок приносил запах грибной сырости. Тонкие струйки небольшого фонтана тихонько шелестели, будто нашептывали что-то кленовым листьям, покачивающимся на воде. Колька говорил Варюньке о фильме. Она слушала и не слушала. Ей было хорошо! Они шли под руку по аллее, выбирая скамейку, чтобы присесть. Вот тут-то и окликнула их тетя Шура, которая приехала в Москву за покупками и теперь отдыхала в скверике от толкотни в универмаге. Варюнька вздрогнула, растерялась. Она понимала, что ей не надо показывать своего смущения, пыталась справиться с волнением, но еще больше терялась и краснела. Ведь под руку ее держал Колька Хомяков, чужой муж! А он не только не смутился и не растерялся, но даже обрадовался встрече с односельчанкой, привет родителям передал... Нет, не могла тетя Шура не рассказать о встрече с ними. Оттого-то и не радовал Варюньку приезд в родную деревню, оттого-то и ежилась она, представляя, как смотрят на нее из каждого окна. Но она ошибалась. Заметила ее только бабка Игнатиха, которая ждала из райцентра свою внучку и поэтому не отходила от окна.

– Кто это пошел-та? – прильнула она к стеклу, щуря слезящиеся глаза.

Ее дочь лениво посмотрела в окно и, зевнув, сказала:

– Варюнька! Любаньки Егоркиной...

А Варюнька тем временем повернула с дороги на тропинку, которая напрямик пересекала луг, перепрыгивала лощинку и выходила на ту улицу, где стояла их изба. Серую шиферную крышу Варюнька увидела, как только свернула на тропинку. Увидела серое крыльцо, желтую дверь, три темных окна... «Дома ли мать? – подумала Варюнька. – Дома, конечно... Сидит, небось, у окна, прядет или вяжет, изредка бросает взгляд в окно и гадает, не дочка ли это торопится по лугу? А что, интересно, делает брат? Читает? Читать-то он любит!»

Мать шила, сидя у окна. Увидела дочь лишь тогда, когда она поднялась на крыльцо.

– Ой, ой, доченька приехала! – заойкала мать, отложила шитье, засуетилась и заторопилась к двери.

Варюнька поставила сумку на табуретку и обняла худенькие плечи матери.

– Ты надолго?

– Нет, мам, ненадолго... – ответила Варюнька, вытирая выступившие на глаза слезы. В последнее время она стала «мокроглазая», плакала, даже читая книги, часто не только над горькой долей героинь, но и от умиления. – А где же Ванёк?

Лицо матери, осветившееся тихой радостью при появлении дочери, такой красивой, умной, да, да, умной, ведь далеко не каждая девушка в их деревне поступила в институт, помрачнело, стало сухим. Мать считала, что Ванек отбился от рук.

– Поди узнай, где его носит, – ответила она. – Ужинать придет, и то хорошо!

– Ну и кобелина растет, – буркнула Варюнька, сделав сердитое лицо, хотя сейчас сердиться ей не хотелось. – Завтра же с собой увезу...

Она начала раздеваться. Мать суетливо помогала.

– Мам, я сама! – ласково говорила Варюнька.

– Ничо, ничо, – отвечала мать, забирая плащ у дочери и вешая его на гвоздь, вбитый в стену около двери, где рядом, на другом гвозде висели старенькая телогрейка и куртка брата.

## 2

А Ванек в это время шел по деревне. Неторопливо мерил улицу своими длинными ногами. Он заходил к приятелю Кольке Скворцу, но того не оказалось дома. Еще издали увидел Егоркин Валю Пискареву, тоже высокую, как и он, девушку с мягкими пухлыми щеками, и сердце его дрогнуло, как всегда при неожиданной встрече с ней. Ванек дружил с Валею уже два года, еще с девятого класса, но до сих пор смущался, видя ее. Егоркин спрятался за угол сарая и стал ждать с улыбкой, волнуясь все сильнее и сильнее. Когда шаги Вали зашуршали рядом, Ванек с криком выскочил из-за угла навстречу девушке и хлопнул в ладоши.

– Ой, дурачок! – смеясь, отпрянула назад Валя, и пухлые щеки ее заалели.

Егоркин сгреб ее в объятия и чмокнул в мягкую щеку. Девушка испуганно обернулась. Улица была пуста. Валя оттолкнула Ваньку, ласково говоря:

– Отстань! Мать увидит...

– Ну и что? Разве она не знает, что мы дружим?

– Совесть иметь надо!

– Ты куда топаешь? – спросил Ванек.

– В магазин.

– И я с тобой!

– Нет-нет! Не ходи, а то я вернусь.

– И я вернусь.

– Ну не дури! Прошу тебя, – притворно сердилась Валя.

Чувствовалось, что девушке приятна встреча с Егоркиным, приятно, что он ее обнял, приятно, что он хочет быть рядом с ней. Она и сама рада бы пройти сейчас под руку с Ваньком, но посчитала это не приличным. Неудобно перед людьми. Им только дай повод, сразу сплетни пойдут. Потом из дому стыдно будет выйти.

– Ты сегодня в клуб придеешь? – спросил Ванек.

– Не смогу, наверно... Работы ужас сколько! Устану.

Валя работала дояркой. Дел на ферме всегда было много. Валя уже привыкла и не очень уставала. Но она постеснялась сказать, что у нее сегодня банный день.

– Иди домой. Сестра твоя приехала, – проговорила девушка и направилась в магазин.

Значит, Варюнька приехала. Егоркин догадался, что приехала она за ним. После случая с бригадиром мать написала ей, чтобы она взяла его в Москву. Одного Ваньку мать отпускать не решалась.



### 3

Валя бодро шла по лугу. После встречи с Ваньком ей радостно было шагать по жухлой и влажной от вчерашнего дождя траве. Подходя к магазину, она заметила медленно выезжавшую из переулка машину Петьки Чеботарева, приятеля Егоркина. Петька постоянно заигрывал с ней. Обычно Вале нравилось внимание Чеботарева, был он, как и Ванек, высок ростом, но гибче, увереннее Егоркина, который был по подростковому неуклюж, и лицом Петька поприятнее, имел кучерявый чуб, но сейчас Вальке не хотелось видеть Чеботарева, слушать его шуточки. Она торопливо пошла к магазину, небольшому финскому домику, стены которого были когда-то выкрашены зеленой краской. Чеботарев все-таки увидел Валу и, как она предполагала, повернул свой грузовик. Догнал он девушку, когда она поднималась по ступеням.

– Здорово, Валуха! – высунул Чеботарев свою русую кучерявую голову из кабины. Рядом с ним сидел Колька Скворец, коренастый, со смуглым лицом, спокойный парень.

– Привет, – небрежно кинула Валя и взялась за ручку двери, показывая, что ей не до них.

Парни выбрались из кабины и направились следом за ней. В магазине Петька обогнал Валу и первым подбежал к прилавку. Продавщица Вера сидела на низеньком стуле и читала книгу. Из-за высокого прилавка виднелась только ее голова с коротко остриженными, выюющимися на концах волосами. Услышав шум открываемой двери, она оторвалась от книги и вопросительно взглянула на вошедших.

– Взвесь-ка нам, Веруня, конфет. Грамм триста, – быстро сказал Чеботарев.

Вера нехотя поднялась и спросила:

– Каких?

– Самых лучших!

Девушка взвесила и подала кулек Чеботареву. Тот, любезно улыбаясь, наклонился к Вере и протянул ей кулек.

– Угощайся!

Сейчас Петька нравился самому себе, чувствовал себя истинным кавалером.

Вера усмехнулась, глядя на него. «Кривляка!» – подумала она, но руку в кулек сунула и вынула одну конфету. Чеботарев ей не нравился. Не нравились его пошлые шуточки, навязчивая бойкость, нахальство. Когда она приняла магазин, окончив торговое училище, Петька начал ухаживать за ней. Ухаживал он так усиленно и глупо, что она его возненавидела. Подруги передавали ей, что он хвастался, будто собирается на ней жениться.

Чеботарев протянул пакет Вале.

– А это тебе!

– Чей-то ты так расщедрился? – спросила Валя, вынимая конфету.

– Бери все! Бери, бери... Я в спортлото выиграл!

Когда ребята отъехали, Колька Скворец сказал Чеботареву:

– Что ты все с Валькой заигрываешь? У них с Егоркиным вроде бы по серьезному...

– Я тоже не баловаться хочу, – ответил Чеботарев, глядя на дорогу. – Нравится она мне! Давно нравится... Женится, что ли, он на ней? Ему еще в армию сходить надо, а за это время она все равно замуж выйдет... Так лучше я на ней женюсь, чем она кому-то достанется...

Мысль о женитьбе на Вале пришла Чеботареву минуту назад после замечания Скворца и очень ему понравилась. Как же он раньше об этом не подумал? Ванек-то еще сопляк! Семь девок сменит до женитьбы... На душе Чеботарева вдруг стало светло и приятно, словно он и впрямь выиграл в спортлото приличную сумму. Как же это раньше ему в голову не приходило, спрашивал он сам себя, радостно улыбаясь. Подумывать о женитьбе Петька стал после того, как побывал в квартире Андрея Пузанова на центральной усадьбе. Квартира у него была двухкомнатная в новом двухэтажном доме, обстановка городская: гарнитур, холодильник

ник, ковер на полу, телевизор и даже маленький низкий столик с журналами «Крокодил» и «Смена». Больше всего понравился Чеботареву столик с журналами и кресло рядышком. Пришел с работы, помылся в ванной, уселся в кресло возле столика и листай журналы, прислушиваясь, как позвякивает посудой на кухне жена. Или на диван ложись и играй с маленькой дочкой. А после ужина всей семьей телевизор смотреть! Чем не жизнь! Кстати, когда Чеботарев пришел к приятелю, он вместе с женой и дочкой телевизор смотрели. Вот тогда-то и защемила у Петьки душа! Да к тому же председатель намекнул ему, что, мол, двухкомнатную сразу выделит, если он женится. Третий дом на центральной усадьбе возводят. Масловка-то, деревня Петькина, последние годы доживает, все равно переезжать надо... Вот и стал он присматриваться к девочкам. Сначала приглянулась ему медсестра, но она вышла замуж за Славика Захарова, тоже шофера. Потом в деревне появилась Вера, продавщица. Долго увивался вокруг нее Чеботарев, но она ни в какую! Уперлась, и все! Валя ему нравилась давно. Без улыбочки, без шуточки в ее адрес мимо пройти не мог. Но все это так, несерьезно. Может, потому, что дружила она с Егоркиным, а они вроде считались приятелями, хотя Петька два года назад вернулся из армии, а Ванек еще ждал призыва. И только теперь, когда Скворец упрекнул Чеботарева и он начал оправдываться, ему в голову пришла такая чудесная мысль. Как же это он раньше не додумался? Ай-яй-яй! Грудь Петьки распирало от ликования, словно Валя уже дала согласие стать его женой. Теперь-то, он знал, жизнь его пойдет совсем по-иному! Теперь-то он может и Скворца с его Тamarочкой опередить!

Колька Скворец гулял со своей бывшей одноклассницей. Дело у них шло к свадьбе. Они подумывали сыграть ее зимой. Но ни Тamarочкины, ни Колькины родители об этом еще не знали.

## 4

Варюнька ела щи, а мать сидела напротив, горестно подперев щеку кулачком, и рассказывала о проделках сына:

– А на прошлой неделе что учудил! Бригадиру нашему, Сундуку, написал, что в карты его проиграли...

Варюнька поднесла ложку ко рту и застыла, глядя удивленно на мать.

– Да, вот так! Это Кузьмич, конюх, подучил их...

В деревне не любили бригадира. Прозвище у него было Сундук. Человек он упрямый, вздумает что, прав ли, не прав, а на своем стоит, в сторону не свернет, не уступит. Покричать любит, чуть что не по нем, так и поехал – не остановишь! Но эти грешки люди прощали, дело он свое знал. Не прощали иного: путал он частенько колхозное добро со своим, а других за это судил строго. Однажды ночью встретил Кузьмича, колхозного конюха, с мешком силоса, и пришлось тому водкой откупаться. Кузьмич, пользуясь тем, что на Сундука многие обиду держали, через некоторое время вечером за игрой в домино подговорил ребят в виде шутки написать бригадиру послание. Писать взялся Ванек. Ему под общий хохот стали диктовать письмо, предлагая разные варианты. Но Егоркин избрал сухой текст, без лишних слов и эмоций. Изменяя почерк, написал бригадиру, что его проиграли в карты и спасти может только отказ от бригадирства. Сундук получил письмо и в тот же день принес председателю заявление об уходе. Председатель посмеялся над ним и порвал заявление. Сундук остался бригадиром, но, как стемнеет, торопился домой, в поле не задерживался... А через неделю все выплыло. Проболтался кто-то. Разъяренный Сундук ворвался утром в избу Егоркиных. Ванек, увидев бригадира, сразу понял, что к чему. Бригадир здоров был когда-то, но теперь силы были не те, и ловкость пропала, одна злость осталась. Первый натиск Егоркин выдержал без особого труда, а потом мать вмешалась.

Мать, рассказывая о шалостях Ванька, печально качала головой.

– Он так и в армию не попадет, нет! В тюрьме скорей окажется...

У Варюньки от возмущения пропал аппетит. Ей не терпелось увидеть брата, пока не остыла. Ишь что творит, что выделяет!

– Ничего, завтра увезу! – строго проговорила она. – Не надо было тебе летом его в деревне удерживать, когда в институт не поступил. Ведь он рвался на завод...

– Жалко вас все, – вздохнула мать. – Хочется как лучше. Ведь ему в армию скоро...

Она вдруг засомневалась, правильно ли делает, отправляя сына в город. А вдруг он там в шайку какую попадет, запьет еще? Братья-то ее по отцу там, в Москве, отчаянными выросли. Старший Степка из тюрьмы в тюрьму перепрыгивает. Эх-хе-хе! Знать бы, где лучше? Мать представила, как она будет коротать одна длинные, зимние ночи, ждать в полудреме из клуба сына, забыв, что его нет, что он далеко. Да и ему каково ль будет там, среди чужих людей! Кто поворчит на него, удержит от дурного поступка? Мать представила все это и загрустила, запечалилась.

– Вот он, явился! – всхлипнув вдруг, проговорила она и промокнула глаза кончиком белого застиранного платка.

Варюнька выглянула в окно. К крыльцу, чересчур старательно обходя лужу, которая всегда появлялась под окнами избы после дождя и весной, когда таял снег, неторопливо шел, будто крался, выбирая куда ступить, длинный и по-мальчишески худой брат. Подойдя к крыльцу, он кинул быстрый взгляд в окошко, взялся рукой за столб и, наклонив голову, начал чистить подошвы сапог о железный обод колеса от комбайна, специально для этого лежащий около крыльца. Длинные прямые волосы, спадая на щеки, закрывали лицо «Дубинушка непутевая!» – хмуро думала Варюнька, готовясь накинуться на брата, как только он переступит порог.

Но Ванек не торопился. Он старательно очистил сапоги от грязи, осмотрел их со всех сторон и вдруг повернулся и побрел за сарай, присевший на одну сторону, отчего его дверь сильно перекосилась. Жалкий вид сарая сейчас остро бросился Егоркину в глаза. Он нахмурился и отвернулся, словно избегая его осуждающего взгляда. Весной завалится, подумал он, а мать одна ничего не сделает. Раньше надо было думать. Прохуdivшуюся крышу уборной он тоже раньше не замечал, вернее, она как-то не задевала душу. Уборную он построил сам три года назад, перед намечавшейся свадьбой Варюньки и Кольки Хомякова.

Хомякова в их семье уважали. Он в то время заканчивал институт, а ухаживать за Варюнькой начал, когда они еще учились в школе. Она тогда обидно, порой даже грубо подсмеивалась над ним. Но Колька все равно тянулся и тянулся к ней. Варюнька, добрая и отзывчивая дома и с подругами, с ним становилась капризной, ехидничала. Хомяков в таких случаях краснел, мрачнел и, подавленный, отходил от нее. Некоторое время старался избегать Варюньки, но вскоре незаметно оказывался рядом. После школы Колька поступил в институт и уехал в Москву. Он был старше на два года. Она заскучала, и когда Колька приезжал на праздники, становилась с ним кроткой и ласковой.

Окончив школу, Варюнька уехала в Москву и устроилась работать на фабрику. Дело шло к свадьбе, но Колька Хомяков вдруг поразил всю деревню: получив диплом, расписался с москвичкой, своей однокурсницей.

– Хватит тебе шуметь! – попытался остановить Ванек сестру, которая начала возмущенно отчитывать его, едва он появился на пороге. – Сам все знаю!

– Знаешь, а что же делаешь! Мать-то, смотри, из-за тебя еле ходить стала! Тебе кормить ее надо, а ты все норовишь за ее спину спрятаться! – кричала Варюнька. Она чувствовала, что слова ее не доходят до брата, и старалась распалить себя. Но, странно, злиться ей не хотелось. Понимала, что не совсем права.

– Хватит гудеть! Раз в год приедет – и сразу гу-гу-гу! – Ванек подошел к сестре, сел рядом и попытался обнять. – Ну и свекровка из тебя выйдет!

Варюнька сбросила его руку с плеча, но смягчилась.

– Бригадир чем тебе не угодил, а? – спросила она, стараясь говорить как можно строже. Нахмурила брови и отодвинулась от брата.

Ванек, не обращая внимания на слова и тон сестры, вновь попытался обнять ее, говоря:

– А ты, сеструха, как помидор стала. Круглая, румяная. Скоро мне подушки в город везти?

Мать вдруг засмеялась, вытирая мокрые глаза платком.

– Ну, вот и поговори с ним, – сказала она сквозь смех. – Ты ему про попа, а он тебе про пряники!

Варюнька резко хлопнула по костлявой спине брата.

– Здоровый вырос, дылдушка! А ума не нажил!

Ванек шутливо выгнулся, чувствуя, что гроза миновала, и, видя, что сестра намеревается стукнуть его еще раз, со смехом вскочил с сундука и отбежал к печке.

– Знаешь, как говорят: тридцать лет – ума нет, не жди – не будет, а мне до тридцати еще ого-го! Наберусь!

– Ты наберешься, наберешься! Последнее, что есть, растеряешь, – ворчала сестра.

– И еще говорят: двадцать лет – силы нет, не жди – не будет, – не слушал ее Ванек. – Мне до двадцати еще надо дожить, а смотри! – Он сгреб сестру и поднял на руки.

Она начала болтать ногами в воздухе, стараясь вырваться.

– Отпусти! Ну, отпусти же!

– Лампочку разобьете! – смеялась мать.

– Что ты все такая маленькая? – спросил Ванек, опуская сестру на сундук.

– Ты хотел, чтобы я была, как Валька твоя, да? – ответила сестра.

– А разве плохо?

– Чего же хорошего, – сказала Варюнька и засмеялась, обращаясь к матери: – Во, мам, смотри, как он мозги пудрить умеет, а?

– Он такой! – улыбалась мать. – Натворит и тут же выкрутится.

– Скажи, зачем бригадир письмо послал? Что он тебе сделал? – вновь стала наступать сестра, но уже не так сердито. – Не знаешь, что за такие штуки бывает?

– А ты что, забыла, как мы с тобой траву в кукурузе нарвали, а он ее забрал? Куда наша корова тогда делась, помнишь? А когда отец умер, лошадь он нам хоть раз без бутылки дал?

– Ну, вспомнил! Когда это было!

– Когда бы ни было, а было! Тогда мы во какие были. – Ванек показал рукой, какие они, по его мнению, были в то время. – Слова за себя сказать не могли. – Теперь пора пришла расплачиваться!

– «Пора пришла»! – передразнила мать. – Он и сейчас тебя в бараний рог скрутит. Жидок еще! Забыл, как он тебя надыся по избе гонял?

– Ой, гонял! Да если бы не ты, я бы его так погонял, что он дорогу бы к нашему дому забыл!

– Сиди уж, гоняльщик... Собирай свои вещи, завтра с первым автобусом на станцию поедem, – сказала Варюнька.

– Как! Завтра? – воскликнул Ванек.

Он знал, что мать наконец решила отпустить его в Москву. И все-таки слова сестры прозвучали для него неожиданно.

– Почему завтра? Завтра воскресенье. Можно и в понедельник уехать! Побудь хоть денек!

– Завтра поедem, – решительно проговорила сестра. – Мне в понедельник на занятиях надо быть!

## 5

К вечеру, когда день начал густеть, темные зелены на дальнем бугре стали удаляться и исчезать в медленно опускавшихся сумерках, Ванек с двумя пустыми ведрами отправился по меже вниз к речке. По ее берегу росли густые кусты ветел. На влажно-черной земле вспаханного трактором огорода кое-где серели вымытые дождями бока картофелин, не замеченные в борозде во время уборки. Мать пока не собрала их. Земля, за лето отдавшая все свои соки, отдыхала, набиралась новых сил. Ветлы на берегу реки стояли притихшие, привыкли к наготы осенней, дремали кротко, приготовившись в дремоте переждать колючие осенние дожди, зимние пронизывающие ветры и морозы, от которых ветви становятся хрупкими и ломаются при малейшем прикосновении. Егоркин смотрел грустно на землю, по которой он столько раз проходил с тяпкой, пропалывая картошку или лук, на притихшие ветлы, на хмурые облака, бежавшие неизвестно куда совсем низко над землей, и вспоминал недавний разговор со своим родственником Дмитрием Анохиным о том, что счастья в чужой стороне найти невозможно. Анохин постарше Ивана на шесть лет, работает он в Москве редактором в издательстве и учиться во ВГИКе на киносценариста. В августе приезжал в Маслово родителей навещать. Дима говорил, что и в родном краю можно всю жизнь промаяться, а уж в чужом... Он спрашивал: посчитай, сколько из Маслово в последние десять лет уехало ребят, и назови хоть одного, кто счастлив. Иван перебирал в памяти уехавших односельчан и убеждался в правоте Анохина. Одни спились, другие из города в город скачут, нет им места нигде, третьи в семьях не ужились, в одиночестве мыкаются. Теперь и его, Ивана Егоркина, очередь покидать дом настала. Почему так? Дома вроде никто не хаял деревенской жизни, сестра с недавних пор учится в Москве. Никто туда не тянул, не заманивал. Книжки если только? Книжки Ванек читать любил, но ни в одной из них не встретил такой деревенской жизни, какую видел вокруг себя, какой жил сам. Где-то была иная, радостная жизнь без больших забот и тревог. На родной земле ее не было, а узнать хотелось.

Иван зачерпнул воды из речки, поставил ведра на берегу и сел на сухую траву, стал думать с грустью о матери, оставшейся в одиночестве, о будущей жизни в городе.

– Варюньк, ты в клуб пойдешь? – спросил Ванек вечером у сестры.

– Чёй-та она там не видала? – ответила за Варюньку мать. – По грязи лазить. Посмотри, темнотища какая!.. Ты ступай, ступай один, не совращай! Тебя-то, я знаю, семью кобелями не удержишь! А нам поговорить надо...

– Ладно, я пойду, – сказал Ванек, натягивая резиновые сапоги с опущенными до самой подошвы голенищами.

Но, собравшись, не уходил. Топтался у порога. Ему хотелось попросить денег у сестры так, чтоб мать не узнала. Деньги нужны были ему для того, чтобы угостить ребят напоследок. Сам-то Ванек не тянулся к вину, да перед приятелями было неудобно. Скажут, удрал втихаря. Но, главное, можно кого-нибудь из ребят послать к тете Шуре Пискаревой за бутылкой и вызвать Валью. Она-то не знает, что он рано утром уедет, и в клуб, наверное, не придет. Значит, Ванек даже не попрощается с ней. Это особенно его огорчало.

– Варюньк, поди сюда... – позвал он сестру.

Она подошла.

– Дай мне пятерочку!

– Зачем тебе?

– Да, понимаешь, – сконфузился Егоркин. – Должен я Петьке Чеботареву.

– Завтра отдашь.

– Когда же, утром-то уезжаем. Я тебе завтра же отдам. Мне мама на дорогу даст!

– Ну ладно...

– Ты только тихо, чтобы мама не заметила.

– Да ладно, ладно уж.

На улице темь непроглядная. Казалось, ее можно было физически ощутить: протянешь руку и дотронешься до темноты. Неприятное ощущение, какой-то озноб, как всегда, когда Егоркин выходил из дому в такую темноту, охватил его. Захотелось вернуться к свету, в уют. Но Ванек пересилил себя, спустился по ступеням, обошел лужу возле избы, освещенную светлым квадратом из окна, нащупал калитку и прислушался. Кто-то шел по дороге по направлению к клубу. Грязь в ночной тишине громко чавкала под ногами. Петька, должно быть, решил Ванек. Не заходит что-то. Думает, я в клуб не пойду. Егоркин закрыл калитку и позвал:

– Петьк, это ты?

Шаги затихли.

– Это ты кому? Мне? – спросил голос из темноты.

– Извини, дядь Вась! Я ошибся!

Грязь вновь зачмокала под сапогами дяди Васи, колхозного пастуха. Ванек вдоль забора направился к Петькиной избе.

Чеботарев собирался в клуб. Егоркин как бы между прочим сказал, что завтра уезжает в Москву. Тот недоверчиво уставился на него.

– Не трепись!

– Чего мне трепаться?

– Ну и правильно! – поддержал Чеботарев. – Чего здесь околачиваться!

Потом, когда они шли по улице, Чеботарев спросил:

– А в Москве ты куда?

– На завод, – охотно ответил Егоркин. – Я еще летом хотел, да мать уговорила в деревне остаться. Я ведь все равно поступлю в машиностроительный.

– Поступишь! – недоверчиво хмыкнул Петька. – Туда желающих небось...

– Поступлю, – уверенно сказал Ванек. – В армию возьмут – после армии поступлю. Я и в этом году туда только балл недобрал...

Летом Ванек на завод не попал: мать отсоветовала. В институт готовиться можно и дома, говорила она. Даже лучше, никто мешать не будет. Учи себе и учи!..

Жизнь в деревне была привычной, а какая она в городе, неизвестно. Неизвестность манила Ваньку, но и пугала. Он решил отложить поездку до конца уборочной и пошел штурвальным на комбайн к своему приятелю Кольке Скворцу. Уборочная кончилась, но Егоркин остался дома. Теперь уж незачем ехать, думал он, все равно в армию призовут.

«Ишь, как здорово дело пошло! – думал Чеботарев. – Не успел подумать о Вальке, как Ванек сам с дороги убирается. Судьба, видать!»

– А Валька знает, что ты завтра уезжаешь? – спросил он.

– Нет, не знает... Слушай! – вдруг спохватился Егоркин, решив, что Петька может вызвать девушку. – Я тебе пятерку дам, сгоняй к тете Шуре, попроси у нее бутылку. И Вале скажешь, что я уезжаю. Пусть в клуб придет...

– Нет. К ним я не пойду, – отказался Петька.

– Почему?

– Не пойду, и все!

В клубе, когда пришли туда Петька с Ваньком, никого, кроме заведующего, не было. Завклубом Петрович раньше был трактористом, попал в аварию и сломал руку. Пока Петрович был на больничном, его уговорили временно принять клуб, а то его даже открывать некому: прежний заведующий уволился. Петрович так и остался завклубом. Он был заядлым игроком в домино и карты и, едва увидев приятелей, нетерпеливо зашуршал костяшками по столу.

– Ну что, погнались?

– Давай, Петрович! Сейчас мы тебя сделаем сыном козы!

– Вы хотя бы ноги хорошенько вытирали, – сердито сказал завклубом, взглянув на комочки грязи, отскакивающие от сапог ребят при каждом шаге.

Закряхтел, застонал под ударами костяшек крепко сбитый многострадальный клубный стол.

Потихоньку, по одному и группами собирались ребята. Девчат не было. Появлялись они обычно по воскресеньям, когда приезжали из школьного интерната, который находился на центральной усадьбе колхоза.

В начале семидесятых годов, когда молодежь из села потянулась в города, Масловка еще стояла крепко, насчитывала сотню дворов. Клуб ее в летние вечера был забит молодежью. Парни сюда съезжались со всех окрестных деревень. Потный гармонист рвал мехи гармони. Пол дрожал от девичьих ног, выбивающих дробь. Теперь молодые, обзаведясь семьями, перебираются на центральную усадьбу в новые дома со всеми удобствами.

– Ты, говорят, в город сматываешься? – спокойно и как-то равнодушно спросил у Егоркина Колька Скворец.

– Завтра с утрением...

Ванек уже остался «козлом» и уступил приятелю место.

– Так быстро? И банку не поставишь? Ты даешь!

Скворец презрительно усмехнулся и скорчил удивленную рожу, словно Егоркин совершил недостойный поступок, которого от него никак не ожидали. Колька с отцом выпили по стопке за ужином, и теперь он, решив, что не увидит сегодня Тамару, загрустил. По такой грязи с другого конца деревни она не придет. Отец не пустит. И вызвать нельзя! Однажды Скворец пытался, постучал в окошко над ее кроватью. А отец на крыльце оказался. Эх, и мчался Скворец по деревне! Если бы, говорит, время засекали, точно бы мировой рекорд зафиксировали на стометровке.

– Почему не поставлю, – обиженно отозвался Ванек на вопрос Скворца. – Я пятерку прихватил с собой. Сбегай к тете Шуре, может, у нее есть? И Валю заодно вызови...

– А что же ты сам? Тебе-то она не откажет...

– Нет, я пас. Иди ты, если хочешь...

Пискаревы появились в Масловке недавно. Четыре года назад. Приехали они из Челябинска. Тетя Шура родом была из Масловки, но ее во время войны, семнадцатилетней девчонкой, завербовали в Челябинск, на завод. Ох, как не хотелось ей туда ехать! До этого она дальше соседней деревни не отлучалась. Сколько слез было пролито!... Председателем тогда был Сундук. Никто и по сей день не знает, каким образом ему удалось получить броню на все четыре года войны. Поговаривали, будто бы у него друг в военкомате сидел. Но это лишь догадки. От Сундука зависела судьба семнадцатилетней Шуры. Он, зная, как не хочется ей уезжать в далекие края, вызвал ее к себе в кабинет и намекнул, что может убавить ей года, и она останется в деревне, если только согласится... Шура не согласилась.

После войны она вышла замуж в Челябинске и родила двух детей. Сын, Сергей, служил в армии. Муж к старости обо всем забыл, кроме вина. Тетя Шура не выдержала, развелась с ним и вернулась в деревню. Здесь купила избенку и стала работать в колхозе.

Чеботарев внимательно прислушивался к разговору Егоркина со Скворцом и, когда Ванек отказался пойти к тете Шуре, быстро предложил свои услуги.

– Давай деньги! Я сгоняю... Только не к тете Шуре... Я знаю куда...

– Дуй, – согласился Скворец.

Окна клуба осветила фарами машина. Пофырчав, она остановилась у входа.

– Механик приехал, – сказал Чеботарев, поднимаясь, чтобы идти за бутылкой. – Гад буду, работу нашел.

Хлопнула дверь, и вошел механик – молодой парень с приятным добродушным лицом и девичьими глазами. Слыл он в деревне человеком требовательным, энергичным и справедливым. Ненужную работу делать не заставлял, поэтому редко ему прекословили.

– Не поеду! Не уговаривай! – шутливо закричал Петька, едва механик открыл дверь.

– Я не за тобой, – засмеялся механик. – Ты мне завтра будешь нужен. Машина в порядке?

– Как часы!

– Скворцов, – обратился механик к Кольке. – Возле мельницы колхозный автобус застрял. Выручать надо. Мы машиной пробовали, не берет!

– Как кого выручать, так Скворцов! – проворчал Колька, но домино отложил, вылез из-за стола и взял свой магнитофон. – У меня, может, свидание сегодня!

Скворец после уборочной пересел с комбайна на трактор. Ворчал он сейчас просто так, знал, что в Масловке на ходу только его трактор. Остальные или на ремонте, или на центральной усадьбе.

– Не сбежит твоя Тamarочка. Не сбежит! – улыбнулся механик. – А если заскучает, я тебя заменю.

– Я те заменю! – поднял Колька кулак к лицу механика.

Петька принес бутылку мутного желтоватого самогона, ребята выпили и снова застучали костяшками домино. Егоркину как герою дня предложили сыграть вместо Скворца, но он отказался. Ванек заскучал, загрустил, думая о Вале, о том, что не удалось ему провести с ней последний вечер. Потом пришли мысли об иной жизни, которая ждала его впереди. Как сложится она? Найдет ли он свое место в Москве? Увлечется ли работой? Не придется ли ему мотаться по свету, как мотается бывший сосед Андрей Гринечкин, который всю Россию объездил, три жены сменил... Как оно будет там, в Москве?

Егоркин вышел на улицу. Постоял возле клуба. Неподалеку на волейбольной площадке еле различимы были в темноте два столба для сетки. Летом по вечерам здесь собирались ребята. Егоркин любил волейбол и умел играть. Высокий рост помогал ему быть одним из лучших игроков в деревне и в школе. Тихо было в деревне, даже собаки не лаяли. Прохладно, зябко. Ванек пожегся и вернулся в клуб. Там Петрович тормозил ребят, собираясь закрывать. Хмельные парни артачились, шумели, что еще рано, посидеть не дает. Но завклубом упорствовал, настойчиво выпроваживал их. Наконец ребята вышли из клуба. Петрович, чертыхаясь, долго ковырялся в темноте с замком. Закрыв, ушел, растворился во тьме. Шаги его по грязи и раздраженное бормотанье долго еще доносились из мрака.

## 6

Ребята стояли возле клуба и соображали, куда теперь податься. Домой идти никому не хотелось. Кто-то предложил наловить воробьев и пустить их в избу к бригадиру. Предложение понравилось, и они, пересмеиваясь, двинулись к ближайшей избе с соломенной крышей.

– Тихо! Тихо! – успокаивали ребята друг друга, подходя к избе.

– Тут стены, смотрите, какие высокие, не достанем!

– Достанем. Петька на Ваньку влезет. Они оба длинные.

– Нет, с Петькой я не хочу. Пусть кто-нибудь другой... Полегче, – шепотом возразил Егоркин.

Внутри его неизвестно отчего возникло и росло какое-то смутное раздражение против Чеботарева, неприязнь к нему.

– Ладно, я полезу, – согласился один из парней.

Чеботарев стал светить фонариком в воробьиные гнезда, которыми была утыкана вся крыша.

– Есть! – шепотом воскликнул кто-то.



– Это пух. Разуй глаза! – прошептал Чеботарев. – А вот и субчик!

В гнезде притаился взъерошенный воробей. Он втянул голову и испуганно хлопал глазенками, не понимая спросонья, откуда появилось столько света. Но улетать не улетал, ждал, что будет дальше.

– Тихо, а то улетит. Ванек, садись! – командовал шепотом Петька.

Егоркин присел у стены на корточки. Ему на спину, сняв сапоги, взобрался парень. Ванек начал осторожно подниматься, придерживаясь руками за стену. Парень, подняв голову, прихотился и быстро схватил воробья. Тот жалобно заверещал. Пыль и мусор из крыши посыпались на голову и за шиворот Ванька. И как только парень схватил воробья, из соседнего гнезда выпорхнул другой и упруго зашумел крыльями в темноте.

– Упустил... – чертыхнулся Петька.

– Нет, это другой, – ответил парень, слезая с плеч Егоркина. – Кусается, собака!

– Давай сюда!

Петька сунул воробья в карман и осветил фонариком соседнее гнездо. Пусто.

– Вот он! Смотри!

– Вижу. – И этот воробей оказался в кармане у Чеботарева.

– Хватит, – сказал Егоркин, стряхивая с себя мусор, когда поймали третьего воробья. – У меня за шиворотом ведро мусора...

К избе бригадира подходили не дыша. Она смутно серела в темноте.

– Стойте здесь! – шепнул Чеботарев и осторожно вошел в палисадник, подкрался к окну.

Форточка была приоткрыта. Петька, стоя в простенке, сунул воробья в щель, за ним остальных. Сделав дело, он толкнул форточку. Она с громким стуком распахнулась.

– Мяу-у-у!!! – заорал Чеботарев в форточку и неторопливо пошел к калитке.

Кто-то из ребят не выдержал и бросился удирать, но, чувствуя, что его порыв не нашел поддержки, робея, вернулся к забору.

В избе бригадира вспыхнул свет. За занавешенными окнами заметались тени, и послышалась ругань. Слышно было, как глухо гроыхнула дверь, и резко звякнул железный засов. Вот тут уж все ребята дали деру! Одна за другой всполошились собаки. Позади ребят слышался крик Сундука.

– Догонит – убьет! – прохрипел Чеботарев и прибавил ходу.

Ванек не отставал от него. Ребята рассеялись по сторонам. Егоркин слышал за своей спиной топот бригадировых сапог.

– Давай за катух! – схватил его за рукав Петька.

Они свернули за избу и притаились в омете за уборной. Недалеко от них, двора через два, рвалась на цепи собака. Ванек задыхался, но старался сдерживать дыхание. На него вдруг, как всегда после длительного бега, напала икота, и он уткнулся лицом в солому. Плечи его время от времени вздрагивали.

По улице с криком «Запорю, сволочи!» пронесся Сундук. Напротив избы, за которой в омете прятались ребята, он влетел в лужу и выругался. Чеботарев хихикнул. Ванек придавил его к соломе, и сам весь сжался, стараясь не икнуть громко. Неподалеку от них, отряхиваясь, ругался бригадир. Он постоял, постоял, прислушиваясь, и, не услышав ничего подозрительного, направился домой, бормоча себе под нос:

– Знаю я, чьи это шутки! Я этому Скворцу завтра крылья пообрываю!

Петька снова хихикнул. Ванек хлопнул его по затылку.

– Ты чо? – огрызнулся Чеботарев.

– Ничо! Сиди смирно!

– Хочешь, сейчас заору? Хочешь, а?

Егоркин встал и стряхнул солому с брюк. Одна за другой замолкали собаки. Только где-то в конце деревни тонким голоском заливалась собачонка.

Убегая от бригадира, Егоркин не заметил, за чьим ометом они спрятались, а теперь по серой шиферной крыше избы догадался, что прячутся они за избой Пискаревых.

– Фонарик у тебя? – спросил он.

– У меня.

– Давай сюда.

– Зачем?

– Нужен.

Взяв фонарик, Егоркин прислушался. Было тихо. Подошел к окну и посветил в комнату. Но нижние и средние стекла рамы были занавешены. Держась рукой за угол избы, Егоркин взобрался на высокую узкую завалинку и начал светить в верхнее стекло. Он нашарил лучом кровать и остановил его на лице спящей женщины. Это была тетя Шура. Она испуганно вскочила, прикрываясь простыней.

– Кто там? – крикнула она, закрывая ладонью глаза от света.

Ванек перевел луч на другую кровать. На ней с растрепанными волосами и обнаженными руками, жмурясь от света, в одной сорочке сидела Валя. Она, так же, как и мать, закрыла глаза ладонью.

– Я сейчас чапельник возьму, погоню! Ишь вы! – закричала тетя Шура.

– Валь, это я! – подал голос Ванек, продолжая светить на девушку. От волнения он снова начал икать. – Выдь... на минутку!

– Ты что? Набрался? Делать нечего? – громко и раздраженно сказала Валя. – Брось светить!

Ванек выключил фонарик.

– Я не... не пьяный! Выдь, поговорить надо...

– Не пьяный! Разве я не слышу. Иди проспись!

– Валь, на минуточку, – жалобно просил Ванек.

– Ступай, говорю. Я не выйду.

Егоркин опять осветил ее фонариком и постучал по стеклу.

– Валь, слышь!

– Не слышу! Свети не свети не выйду! – Девушка легла и спрятала голову под подушку.

– Валь, я завтра уезжаю! – еще громче застучал в стекло Ванек.

– Уедешь – приедешь! Спокойной ночи.

Больше она не отвечала. Он забарабанил сильнее.

– Стекло разобьешь, балбес! – не выдержали нервы у матери. – Иди спать, говорят тебе! Никуда она не пойдет!

Ванек разозлился и стукнул кулаком по стеклу. Посыпались осколки. Тетя Шура с криком сорвалась с постели. Вскочила и Валя.

– Петька, запри дверь! – крикнул Егоркин, все еще стоя на завалинке.

Чеботарев метнулся на крыльцо, но, видимо, не успел. Громыхнула дверь, раздались два удара по чему-то мягкому и вскрики Петьки. Загрохотали сапоги по ступеням. Ванек, не дожидаясь своей очереди, спрыгнул с завалинки и отбежал в сторону.

– Я вам полазаю под окнами! Завтра же стекло вставите! – ругалась тетя Шура.

– Вот собака! Кочергой огрела, – подошел Петька. – Шею повернуть нельзя... Зачем ты стекло высадил?

Егоркин не ответил. Они постояли, постояли и побрели по домам.

Мать проснулась рано. На улице за окном еще было темно. Она лежала, слушала посапывание сына и тихое дыхание дочери, думала разные думы. Жалко ей было детей своих. Кто их приласкает на чужбине? Вспоминала, как сама она трудно и долго приживалась на новом месте, в семье мужа. Жалко было и себя. Одна оставалась... Каково ль-то одной? Словом пере-

кинуться не с кем... Мать тихонько всплакнула в подушку. Стало немного легче. Вздыхая, поднялась и пошла готовить завтрак.

Егоркин проснулся, когда мать зажгла свет, но не вставал, лежал с закрытыми глазами. Он слышал, как сестра прошлепала босыми ногами к суднику умываться.

– Ладная ты, Варя, стала, – произнесла мать нежным голосом. – Замуж тебе пора выходить. Годы-то подошли, как бы в девках не осталась?

Варюнька насторожилась: к чему это мать ведет?

– Куда, мам, торопиться? Двадцать два только, успеется, – спокойно ответила она.

– Да уж не рано. Подружки давно повыскакивали!

– Повыскакивали, а теперь разводятся. Успею и я хомут надеть.

– Оно так... Да вот слухи всякие по деревне пошли. – Мать понизила голос, но Ванек все слышал. – Вчера я не осмелилась спросить... Говорят, гуляешь ты с Хомяковым. Правда ай нет?

В голосе матери чувствовалась тревога и одновременно надежда, что дочь развеет сомнения. Не может быть, чтобы ее дитя, кровиночка ее, спуталась с женатым человеком. У них в роду никогда такого не было. Это наветы недобрых людей.

Ванек сжался в постели, ожидая ответа сестры.

Испокон в деревне не было страшнее позора для девушки, как потеря чести. Однорукой, одноглазой легче было выйти замуж, чем порченной, нечестной, как называли такую здесь. Лет пять назад в Киселевке, соседней деревне, женился знакомый Егоркину парень и в первую брачную ночь обнаружил, что невеста его, пожившая в городе, нецелая, нечестная. В эту же ночь он выгнал ее из своей избы, не доиграв свадьбы, не побоявшись скандала. Жить с нечестной – позор! И в другой деревне был почти такой же случай: жених узнал, что невеста нецелая, прямо перед свадьбой, когда все было приготовлено, гости позваны. Но этот жених был не так смел, как Киселевский парень, поэтому он сам ночью сбежал из деревни, оставив записку. Второй год не показывается, опасаясь мести отца невесты. Поэтому-то и переживала так мать, из-за этого-то и затаил дыхание, сжался в постели Егоркин.

Варюнька ответила шепотом, но твердо, даже с вызовом, видимо, защищаясь этим:

– Да, мам, правда!

Ивана будто придавило к постели. Он даже дышать перестал и сжал плотнее ресницы: как бы не заметили, что он не спит. Скрипнула табуретка. Наверно, ошеломленная мать села.

– Что ты говоришь! Как же так? – испуганно прошептала она.

– Мама, мне двадцать два года... И я его, ты же знаешь... – Варюнька недоговорила.

– Он же женатый! Позор-то какой! – завсхлипывала мать. – Замуж надо выходить!

«Встречу в Москве, прибью!» – мрачно подумал Ванек о Хомякове. Он тоже был ошеломлен, на него будто бы навалилось непоправимое горе.

– Что же ты раньше его не примолвывала, а? Что же ты раньше крутилась от него, когда он холостой был! – продолжала шепотом мать. – Сколько он за тобой ухлестывал-то? Ить он раньше все вечера возле нашего дома проводил! Что же ты тогда его за нос водила?

– Дура была. Дура!

– А теперь поумнела! Когда он женился-то! Как же мне теперь людям в глаза смотреть?

– Гордая я тогда слишком была... Глупая! – Варюнька, видимо, села рядом с матерью и обняла ее. Голос сестры звучал примирительно. – Люблю я его... и тогда любила! И он меня любит. Только меня! И всегда любил, понимаешь? Я с ним счастлива, понимаешь ты это? И никто мне больше не нужен. Никто! Ты что, не хочешь, чтоб твоей дочери хорошо было? Счастья мне не желаешь?

– Дочка, да кто же своему дитю счастья не желает. Только счастье-то твое ворованное. Оно может другой стороной обернуться. Если бы ты вышла за него, да разве бы я не радовалась, глядя на вас! – Голос матери изменился. Она начала будто оправдываться.

– Ну не получилось у нас сразу, – пыталась успокоить ее дочь. – Кто не ошибается?  
– Он что, разводиться собирается?  
– Собирается, не решится никак. Ты же знаешь, какой он нерешительный.  
– Нерешительный! Как жениться на москвичке, так сразу решился... Поводит, поводит он тебя за нос да бросит.

– Мам, не беспокойся ты за меня. Все будет хорошо. Все.

– За кого же мне еще беспокоиться, как не за вас. Вон тоже ночью пришел грязный весь! Где только и был?

Мать, ворча, долго чистила куртку сына. А брюки вообще нельзя было отчистить.

– Деду-то давно не звонила? – спросила она о своем отце, Игнате Николаевиче Анохине, который еще после войны женился и жил в Москве, трое парней у него было от последней жены. Мать Любаньки погибла во время бомбежки Москвы. – Как он там? Не хворает?

– Вроде ничего. На пенсию собирается. Хватит, говорит, поработался.

– А Степка-то все в тюрьме? – спросила мать о своем старшем брате по отцу.

– Пишет, надеется, что скостят ему срок. Вроде бы он там на хорошем счету. Я тебе говорила или нет, что он женился там, в лагере.

– Ой, на зечке женился! – горестно воскликнула мать.

– Нет, он вроде перед арестом с невестой познакомился. Деду она понравилась, говорит, хорошая девка.

– Может, теперь за голову возьмется, образумиться, – сказала мать. – Ты Ванька к деду не вози, не надо его знакомить с дедьями, уж больно они отчаянные, втянут в какую-нибудь шайку и пойдет по тюрьмам... Будить его надо, а то еще на автобус опоздаете!

## 7

– Кто это у Шурки окно высадил? Не ты ли? – спросила мать, когда они всей семьей шли к автобусной остановке мимо избы Пискаревых.

– В честь чего это? – буркнул в ответ Ванек, не глядя на мать.

Подходя к избе Вали, он с тревогой думал, что выскочит сейчас тетя Шура и начнет распекать его на всю деревню за разбитое стекло. Что тогда? Вместе с тем ему очень хотелось хоть мельком увидеть Валью. В последний разочек! Она, наверное, не поверила вчера, что он уезжает. Подумала – просто так брякнул. На остановку, конечно, не придет. Народу там всегда много. И куда только люди едут?... Хоть бы издали взглянуть на нее! Ванек искоса поглядывал на двор Пискаревых. Там никого не было видно. Только пестрая кошка не спешно шла мимо омета, за которым прятались вчера Ванек с Петькой. Может, Валя еще с коровника не пришла? Может, сейчас встретимся? Егоркин посматривал вперед, туда, откуда могла появиться Валя. Но там маячил какой-то мужик да шли две женщины. Тоже, видно, к автобусу.

Варюнька несла сумку молча, думая о чем-то своем. Ванек после подслушанного разговора стеснялся на нее смотреть. Мать тоже молчала. Она чувствовала себя обиженной. Растила детей, думала, утешат на старости лет... Утешат, жди от них... Заболеешь, воды подать некому... И в то же время она понимала, что несправедлива сейчас к своим детям. Все уезжают! Все куда-то едут, едут... Век, что ли, такой пришел?

На остановке Ванек поставил чемодан возле сруба, посеревшего от времени, омытого дождями и высушенного солнцем. Дядя Петя Чистяков хотел избу поставить сыну. Думал, вернется из армии, женится, будет, где жить. Купил лес, поставил сруб, а сын пришел и подался в город. Стоит сруб, мокнет под дождями, защищает ожидающих автобуса от ветра. Земля вокруг него притоптана, особенно вокруг нижнего венца, бревна, торчащего из-под сруба. На нем, как всегда, сидели и курили мужики. Среди них был тракторист Мишка Кулдошин, парень с голубыми детскими глазами и всегда обветренным лицом. Летом, когда Ванек был

штурвальным на комбайне Скворца, Кулдошин работал с ними в одном звене и всегда помогал. Старенький Колькин комбайн часто ломался, а молодые ребята не во всем могли разобраться сами. Кулдошин, увидев Ваньку, спросил его:

– Это не ты, Ванек, вчера бригадиру полную избу воробьев напустил? Всю ночь, говорит, за ними гонялись!

– Нужен он мне, – передернул плечами Егоркин.

– Каких это воробьев? – подозрительно взглянула на него мать.

– А я знаю? Спроси у него!

Появились Чеботарев и Скворец. Колька пришел со своим японским магнитофоном, который он привез с Дальнего Востока, из армии, где служил в стройбате.

– Ну, Ванек, прощальную, любимую твою, – сказал Колька. – Костер у дороги!

От музыки, от печальных слов этой песни у Егоркина всегда становилось на душе тоскливо. А сейчас и без того было грустно и томительно, как всегда бывает, когда покидаешь родные места, а тем более в первый раз. Что там впереди? Что?

Егоркин до этого момента как-то не осознавал всей важности сегодняшнего дня. Сколько раз приходилось ему ожидать автобус у сруба, но уезжал он прежде на день-два, зная наперед, что скоро вернется. А теперь покидал деревню, может быть, навсегда. Будет, конечно, приезжать, но гостем, гостем по праздникам. Пристально, прощаясь, оглядывал он родные места: луг с пересекающими его телефонными столбами, появившимися уже на его памяти; тракторную базу, на которой этим летом возился с комбайном, готовя его к уборочной; зернохранилище – возле него когда-то был ток, и Ванек вместе с другими мальчишками воровал из вороха зерно, насыпая за пазуху. Потом они меняли у бабки Семушкиной зерно на яблоки. Ток давно перевели на центральную усадьбу, а бабка Семушкина умерла. Ванек смотрел на магазин, на тополя рядом с ним. Смотрел на зеленый финский домик тети Поли, сестры отца, на вишневый сад под его окнами... Сердце Егоркина дрогнуло. Мимо тети Полиного сада торопливо шла Валя. Ванек понял, что идет она к нему, к нему! Он сглотнул подступивший комок и метнул быстрый взгляд на приятелей. Когда она подошла совсем близко, Егоркин двинулся навстречу. Вспомнилась она вчерашняя, заспанная, в одной рубашке, вспомнилось, как не вышла к нему, и стало обидно, что не смог провести с ней последний вечер.

– Зачем пришла-то? Людей смешить... Не смешно! – глядя в сторону, буркнул Ванек.

– Дурак, я не знала, что ты уезжаешь! – тронула его за рукав куртки Валя.

– Давай хоть за угол зайдем, а то стоим, как на сцене, – покосился на приятелей Ванек.

Они зашли за угол сруба.

– Как же ты не знала, я тебе вчера говорил! – Он смотрел прямо в глаза девушке и чувствовал, что не те слова говорит, не те. Нашел время обиду выказывать. Последний же день! Последние минуты! Нужны сейчас совсем другие слова, другие!

– Говорил... Вспомни, как говорил... Стекло вон разбил!

– Ничего, вставьте другое. Стекла в магазине много. Копейки стоит, – продолжал он все тем же тоном. А перейти на нужный, сам не зная почему, не мог.

– Писать-то будешь? – держась за его рукав, словно он хотел убежать, а она удерживала, спросила Валя.

– Не буду, – грубо ответил Ванек.

– Это почему же? – опустила Валя голову. Пухлые щеки ее стали наливаться краской.

– Нужна ты мне! Я там городскую найду.

– Дурак ты! Дурак! – вскинулась Валя и, отпустив рукав, взмахнула рукой, пытаясь ударить Егоркина.

Он поймал ее руку и прижал к себе, ласково говоря:

– Ну что ты, что ты! Я же пошутил! Посмотреть хотел, как ты среагируешь!

– Вот... среаги... гировала бы... по шее! – всхлипывая, проговорила Валя и прильнула щекой к куртке Ванька. – Тогда б узнал!

– Я знаю, рука у тебя крепкая. Накачала на коровнике, – сказал Ванек, поглаживая пальцами волосы девушки, ощущая их приятный запах.

– Опять смеешься? – подняла Валя заплаканные глаза, но не отстранилась.

– Я не смеюсь! Ты вправду сильная... Вон вчера Петьку кочергой огрела, у него шишка на шее с гусиное яйцо!

И снова почувствовал, что не те слова говорит, не те, что хотелось.

– Это не я! – засмеялась девушка. – Это мать. Я не выходила.

– Ты тут смотри, если он приставать станет, гони его! Ладно?

– Это кого же?

– А того... Петьку!

– Ты что?

– Я ни что! Гони, говорю, и все!

– Ты наверно, того! – Валя поднесла ладонь ребром к своему лицу и помахала пальцами. – Он на меня и не смотрит!

– Не смотрит – так посмотрит... – начал Ванек и недоговорил.

Из-за угла донеслось:

– Ванек! Автобус!!

Егоркин вздрогнул и неловко клюнул в мягкую Валину щеку. Девушка потянулась к нему губами. Ванек наклонился и краем глаза увидел выбежавшего из-за угла Чеботарева. Валя тоже его заметила и, едва коснувшись губ Егоркина, отстранилась. Часто вспоминал потом он этот короткий поцелуй, и казалось ему, что никогда не касался он более нежных, более сладких губ.

## Глава вторая

### 1

Поселившись в заводском общежитии, Егоркин пошел к сестре.

Вернулся, когда стемнело, и на улицах зажглись фонари. Комната его оказалась не запертой на ключ. Ванек потянулся к выключателю и увидел на своей кровати спящего человека. Егоркин удивился. Помедлил: включать или не включать свет? Потом все-таки включил. Парень лежал лицом к стене, прямо в костюме, обняв руками подушку в белоснежной, при свете лампочки, наволочке и не отреагировал на включенный свет. «Пьяный, должно!» – тревожно подумал Ванек. Он нерешительно топтался у двери. Разбудить? Несмело подошел к спящему, стараясь не топать. Здоровый! Кровать мала. Ванек легонько потрогал его за плечо.

– Отстань! Дай поспать, – буркнул парень, не оборачиваясь.

Ванек постоял рядом, подумал, потом решительно затеребил:

– А ну вставай!

– Отстань, говорю! – рявкнул парень, не отрывая голову от подушки, отмахнулся и рукой чуть не угодил Егоркину по лицу.

– Вставай, быстро! – разозлился Ванек, взял его за шиворот и потащил с кровати.

Парень вскочил, ухватил Егоркина за куртку и толкнул к двери, цедя сквозь стиснутые зубы:

– Какого черта тебе надо? Ты откуда взялся, а?

Возмущенный Ванек, в свою очередь, схватил его за грудки и прижал к дверцам шкафа.

– Ах, ты так? – прохрипел парень.

Егоркин чувствовал, что ему не справиться с ним, и лихорадочно искал выход из положения. Как отступить? Но тут распахнулась дверь, и вошли двое ребят. Один, небольшого росточка, худощавый, был в кожаной кепке с большим рулоном ватмана под мышкой, второй, покоренастей, покрепче, – с сумкой на длинном ремне через плечо. Увидев сцепившихся ребят, парень в кепке бросил рулон на кровать и кинулся разнимать, спрашивая сердито:

– Вы чего не поделили, а? Чего сцепились?

– Он на моей кровати спал... Я его разбудил, а он драться... – тяжело дыша, проговорил Ванек, поправляя куртку и чувствуя облегчение.

– Это тебя поселили к нам? – спросил Егоркина неожиданный защитник, разглядывая его. – Давай знакомиться. Меня Володей зовут. А это Борис, – указал он на другого, темноволосого курчавого парня, который уселся на стуле, положив замшевую сумку на кровать рядом с рулоном, и невозмутимо наблюдал за происходящим. Потом Володя кивнул в сторону драчуна: – Андрей!

– Царев! – четко произнес Андрей, не глядя на Егоркина.

– Иван, – сказал Ванек, насмешливо посмотрел на Царева, почесал нос и добавил: – Егоркин!

– Ты, салапет, мне не нравишься! – проговорил Царев.

– А я не девка, чтоб тебе нравиться!

Егоркин сел на свою кровать. Он понял, что Царев раздражен. Начни сейчас юлить перед ним, хуже будет. Уйти, что ли, из комнаты? Нет, подумает, струсил...

– Ты в каком цехе работать будешь? – спросил Володя, видя, что новенький с гонором, уступать не хочет.

– В сборочном...

– С нами, – улыбаясь, кивнул Володя Цареву, стараясь его смягчить.

– Ладно, приходи завтра. Я тебя работать научу, – буркнул Андрей.

Царев был и в самом деле раздражен. Испортил ему настроение мастер Набоков: закричал на весь участок, чтобы он болты по полу не разбрасывал. Не мог спокойно сказать. Царев грубо ответил. Они поругались... Потом в общежитии Андрей не обнаружил на доске ключа от своей комнаты, что окончательно вывело его из себя. Слоняйся теперь по общежитию, жди, когда вернется парень, с которым он жил в комнате. Вечно, гад, забывает повесить ключ на доску. Володя дал ему ключ от своей комнаты, чтобы он в ней подождал, а тут этот носатый сопляк появился.

Володя снял кепку, повесил ее на вешалку у двери и начал раздеваться, предложив Ивану:

– Снимай куртку... Вешай хоть сюда, хоть туда, – указал он на шкаф и на вешалку.

Ванек поднялся, неторопливо разделся и спросил у Володи, показывая на подоконник:

– Можно книгу посмотреть?

– Бери.

Егоркин взял, снова уселся на кровати, закинул за спину, к стене, подушку и откинулся на нее. Он заставлял себя читать, но прочитанное тут же забывалось. Никак не мог успокоиться.

Борис рассказывал ребятам, что достал какие-то необыкновенные батники.

– Тебе батничек не нужен? – повернул он вдруг свою курчавую голову к Егоркину.

Ванек не сразу понял, что Борис обратился к нему.

– Нет, – качнул он головой.

– А джинсы? Любой фирмы достать могу, – снова спросил Борис.

– Нет.

– Что ты пристал к человеку, – взглянул Володя на Бориса. – У него и денег-то, наверно, нет.

– Если что понадобится, скажи Володе, он мне передаст. Любую вещь достану, – говорил Борис, не обращая внимания на слова приятеля.

Он частенько появлялся в общежитии. Володе льстила дружба с аспирантом. Борис учился в аспирантуре педагогического института. Володя не догадывался, что Борис заходит к нему лишь для того, чтобы сбывать в общежитии дефицитные вещи, которыми его снабжали продавцы.

– Вы моего чудака не встречали? – спросил Царев.

– Не видно, – ответил Володя.

– Вот сволочь! Второй раз ключ не оставляет... Спать охота. Вернется, шею намылю... Может, возьмем пузырек, а?

– Я не буду, – отказался Володя. – Мне через три дня чертеж сдавать...

Володя учился в политехническом институте на заочном отделении.

– Давай портвешку возьмем, – поддержал Царева Борис. – Только я в гастроном не побегу.

– А вот молодой сгоняет. Ему делать не хрена, – сказал Андрей.

– Он магазин не найдет, – вмешался Володя.

– Найдет! Он шустрый! Слышал, как он со мной разговаривал? Найдешь, а?

Ванек молчал, напрягшись.

– Ты что, разговаривать с нами не хочешь? Бери деньги и дуй! Десять минут тебе сроку! Егоркин молча перевернул страницу.

– Ты смотри! – Царев вскочил.

– Сиди, сиди! Он тебя не трогает, – преградил ему путь Володя.

– Нет, уйди! Не мешай! – Андрей легко отодвинул щупленького по сравнению с ним Володю в сторону. – Нам скоро эти сопляки житья не дадут. Приедет из деревни и в первый же день козлом ходит. Ты из какой деревни, а? – наклонился Андрей над Егоркиным.



Ванек закрыл книгу, отложил ее в сторону и, стараясь как можно спокойнее смотреть Цареву в глаза, ответил:

– Из Масловки. А ты?

– Видал? – усмехаясь, повернулся Андрей к Володе. – Из Масловки, значит... Так вот, дуй в магазин! Тут недалеко!

– Не-а, – покачал головой Егоркин.

– Почему? – игриво спросил Царев.

– Неохота.

– А я тебя отправлю все-таки или в магазин, или в Масловку твою!

– Не-а...

Царев схватил Егоркина за шиворот и резко поднял с кровати. Ванек вырвался и сильно толкнул его в плечо. Андрей грохнулся задом на кровать, спружинил, вскочил и ударил Егоркина кулаком в лицо. Ванек отпрыгнул к шкафу, морщась от боли и зажимая глаз рукой. Царев снова кинулся к нему, но Володя обхватил его сзади, удержал. Андрей вырывался, кричал:

– Я его зарюю! Зарюю!

На шум прибежали две женщины.

– Вы что! Что творите! – кричала Надежда Ивановна, воспитатель, маленькая, юркая, шумливая.

Вахтер, тучная старуха с испуганным лицом, остановилась в дверях и крикнула ребятам, выглядывавшим из-за ее спины:

– Милицию! Милицию вызывайте!

Царев, услышав это, сразу обмяк и, прихрамывая, вышел из комнаты. Ногой он больно ударился о кровать, когда Ванек его толкнул. Борис суетливо выскочил следом за ним.

– Ты у меня еще попляшешь, салапет! – пообещал Андрей, оглянувшись в двери.

## 2

Антон Маркин торопливо побросал в тележку картонные коробочки для болтов и гаек и покатил на склад.

– Ты что такой мрачный? – весело окликнул его шедший навстречу тучный, щекастый мастер Набоков. За ним, неспешно переставляя длинные ноги, вышагивал незнакомый парень. – На меня злишься, что напарника не даю? – протянул руку Набоков.

Антон пожал руку мастера и опять почувствовал какую-то неловкость, которую всегда испытывал, когда прикасался к необыкновенно коротким и пухлым пальцам Набокова.

– Напарника тебе нашли, – так же весело продолжал мастер. – Вот он, смотри, какой орел! Наставником его будешь. Учи, через месяц, чтоб лучше тебя работал!

«Орел» был высокого роста, худой, волосатый, носатый, на верхней губе у него росли реденькие длинные светлые волоски. «Усищи!» – усмехнулся про себя Маркин. И был «орел» совсем пацан. Да к тому же со свежим синяком под глазом. Антон сразу почувствовал к нему неприязнь. «Патлач! Сявка!» – назвал он его про себя. С таким наработаешь... Прогулы будут через день. Да и на завод, видно, пришел для того, чтобы где-то до армии при деле числиться.

Мастер важно, неторопливо двинулся дальше, но Маркин остановил его и раздраженно заговорил:

– И где ты только такого орла отыскал? Думаешь, он работать будет?.. А мне напарник нужен! Напарник!

– Может, тебе в напарники Героя Соцтруда найти?.. Ты из этого настоящего рабочего вырасти!

– А-а! – с досадой махнул рукой Антон и вернулся к тележке. – Зовут-то тебя как? – неприятливо спросил он у парня.

– Ваньком, – хмуро ответил тот.

– Ну ладно, Ванек, поехали на склад... Только если ты сачковать сюда пришел, лучше сразу приглядывай себе другое место. На нашей операции работать надо. Тут конвейер!

Егоркин промолчал.

Когда он устраивался на завод и в первый раз пришел в цех, Иван увидел стоявшую напротив широких ворот только что сошедшую с конвейера машину, которая, поблескивая свежей краской, радостно смотрела на него и была удивительно похожа на быка, всю зиму простоявшего в хлеву и ранней весной выпущенного на волю. К машине деловито подошел парень в клетчатой рубашке и, едва коснувшись ногой ступеньки и одновременно рванув на себя дверь за ручку, мгновенно оказался за рулем. Машина тут же весело рыкнула, выпустила струю дыма и покатила мимо Егоркина. Ванек представил себя на месте парня, представил, что и он будет так же легко вскакивать в кабину и выводить на улицу новенькие машины.

Не ожидал он, что так недружелюбно встретят его в цехе. На складе он брал из ячеек и молча складывал в тележку шестеренки и болты, на которые указывал ему Антон Маркин. Потом, когда они вернулись на участок и выгрузили детали из тележки, Антон стал собирать рычаги, а Ванек сел на пустой ящик и начал нанизывать на болты шайбочки. Оглядывая участок и конвейер, он догадался по чугунным корпусам, лежащим возле зеленого щита, отделяющего один участок от другого, что на конвейере собирают бортовую передачу.

Рядом с железным столом, на котором Маркин ловко и быстро, только пальцы мелькали, собирал рычаги, лежали коричневые детали, похожие на глубокие тарелки, а с двух сторон стола были прикреплены небольшие станочки с зажимами.

Антон вначале не смотрел в сторону Егоркина, думал о своем. Вчера Трепетов, напарник, вместо которого сегодня поставили Ваньку, взял расчет, отработал последний день и затащил по этому случаю Маркина в пивнушку. Домой Антон вернулся поздно и поссорился с женой. Люся не любила, когда он поздно приходил, и Маркин старался не огорчать ее. Он всегда переживал, когда они ссорились. Выпивал он нечасто, после получки или когда случай какой выпадет, вроде вчерашнего. И всегда болел на другой день. Сегодня у него ныла голова, на душе было мутно.

Бригадир-инструктор Субботин, приятель Маркина, энергичный, крепкий, мускулистый парень, заметил его настроение, подошел и спросил сочувственно:

– С женой поцапался?

– Поцапался, – подтвердил Антон. – С Трепетовым набрался! И притащился в одиннадцать... Да что там рассказывать, сам знаешь, – хмуро прервал себя Маркин и, помолчав, добавил: – А Люся моя, чуть задержусь, так ревновать...

– У тебя язык слишком длинный. Ты хотя бы при ней с бабами не заигрывал!

– Что я, всерьез, что ли? Я же шучу!

– А ей откуда знать, шутишь ты или всерьез?

– Разве она меня не знает? Вон сколько вместе прожили...

После этого разговора Маркину отчего-то стало легче, и он начал посматривать на своего нового напарника. Ванек старательно нанизывал шайбы на болты и ставил их на дно коробочки ровными рядами. Иногда он поправлял болт пальцем. Работал неторопливо, аккуратно. Глядя на него, Антон совсем развеселился. Будь на месте Ванька другой человек, Маркин обязательно нервничал бы, видя такую медленную работу. Но от патлача он иного и не ожидал.

– А как твоя фамилия, Ванек? – спросил Антон, не отрываясь от работы.

– Егоркин.

– Ишь ты! Егоркин и Маркин! Маркин и Егоркин! Звучит, а? Видать, мы с тобой споемся. А родом ты откуда? Может, еще и земляки?

– Из Тамбовской области я!

– Ух ты, из тамбовских лесов, значит. Тамбовский волк! Почему же тогда тебя мастер орлом назвал?

– От нашей деревни лес за пятнадцать километров. Да и то лесок, а не лес, – серьезно ответил Егоркин.

– А-а! Ты, оказывается, волк степной!.. Ну что, готово, говоришь? – Маркин посмотрел на часы. – Нанизать шайбочки на болты стоит три с половиной копейки. Так что, считай, за сорок минут ты эти деньги заработал. Они, можно сказать, уже в твоём кармане.

Маркин шутил, намекая на то, что Егоркин слишком долго копался с шайбами. Никто, конечно, не считал это занятие операцией. И, естественно, не оценивал ее.

– Теперь иди ко мне и смотри внимательно, – сказал Антон и взял из стопки коричневых деталей одну. – Сначала мы собираем «тарелку», вот на этих штуках. – Он показал на два станочка, прикрепленных к столу, положил на один из них деталь, похожую на тарелку, и закрепил зажимами. – Прикручиваем крышку, сюда вставляем вал, на него надеваем шестеренку, рычажок, теперь поворачиваем другой стороной, вставляем подшипник на вал, зажимаем – и «тарелка» готова... Теперь снимаем ее и переходим на конвейер. Идем, я покажу, как крепить «тарелку» к бортовой передаче. Кстати, бортовую передачу мы зовем «головкой», запомни!

Они перешли к конвейеру. Егоркин внимательно следил за руками Маркина и в то же время старался прочесть, что выколото на тыльной стороне его ладони. Наконец, когда Антон стал прикручивать «тарелку» к бортовой передаче, Ванек успел прочесть: «Попробуй измени!» Над словами был выколото пень, а из него торчал меч, обвитый змеей.

Странное дело, Маркин, с такой неохотой согласившийся взять в напарники Егоркина, знакомил его с работой с непонятным для себя удовольствием. Наставником он стал впервые в жизни. Настроение у него поднялось. Ссора с Люсей забылась. И на Ваньку он теперь смотрел даже с симпатией. Маркин не смог бы объяснить, почему он вдруг почувствовал расположение к Ваньку. Казалось бы, своей неуклюжестью и робостью Егоркин, напротив, должен был усилить его раздражение. А Маркин прикручивал «тарелку», вставлял в передачу нужные детали и говорил доброжелательно:

– Наблюдай, куда какую деталь. Видал?.. Готово! Вот так должен работать рычаг. Все в порядке! – Антон ласково похлопал ладонью по только что поставленной «тарелке». – Поставить одну такую штуку стоит двадцать копеек. Мы их должны собрать за смену сто штук. Ты пятьдесят, я пятьдесят. Сделал пятьдесят – червонец в кармане, ясно?.. С главного конвейера должно сойти сто машин. Не дадим мы сто бортовых передач, не будет ста машин. Завод план не даст! Понял, как ты один весь завод в руках держишь? Вот потому-то тебя мастер орлом и назвал.

Говорил это Маркин нравоучительным тоном, полушутя, полусерьезно. На него иногда находило такое настроение. Правда, часто он проповедовал явную чушь, подводя под нее научную базу. И если кто-нибудь начинал возражать ему, то он толкал целую речь с яркими примерами из жизни. Приятели знали, что он шутит, но в автобусе, например, иногда разговорчивые пассажиры принимались с жаром возражать ему. А Маркин давил их фактами, которые тут же выдумывал, приводил цитаты из книг, даже называл тома и страницы, хотя книги эти он, может, и в руках не держал.

– А теперь пошли «тарелки» собирать, – закончил Антон свою речь. – Попробуй сам, а не получится, смотри, как я делаю.

Егоркин нерешительно подошел к столу, зачем-то тщательно вытер тряпкой станочек и оглянулся на Маркина, словно прося поддержки. Тот, наклонившись над «тарелкой», быстро работал ключом. Ванек положил корпус на станочек, закрепил, потом прикрутил крышку одним болтом, как это делал Маркин, вставил другой болт в пневматическую машинку и, зажав его пальцами, сунул в отверстие на крышке. Надавил кнопку машинки. Болт неожиданно резко крутнулся в его руке, содрал кожу на пальце и выскочил. Егоркин прижал палец к рубашке

на груди и посмотрел на Маркина, не заметил ли тот его конфуз. Антон, конечно, видел и подошел, хмурясь.

– А ну покажи палец!

– Ерунда, – виновато ответил Ванек.

– Смотри, как это делается, – сказал Маркин, взял машинку и вставил в нее болт.

Машинка коротко взвыла, и болт мгновенно оказался на своем месте.

– Попробуй теперь ты!

Егоркин сделал все так, как показал ему Маркин. Но когда он нажал на кнопку пневматической машинки, болт вместе с ней начал описывать круги, не желая идти на место. Машинка недовольно выла в руках. Ванек, морщась, с силой придавил болт к отверстию, надеясь, что он закрутится, но болт совсем выскочил и отлетел в сторону. Егоркин растерянно взглянул на Маркина, не смеется ли он. Антон действительно хотел посмеяться над парнем, но вспомнил, как сам в первый день мучился, и сказал:

– Ты пока так не сумеешь. Сначала наживи все болты, а потом закручивай!

– Не получается? – подошел к Егоркину Володя.

– Плохо пока...

– Ничего, не тушуйся. Через неделю еще Маркину нос утрешь!

– Приятель твой? – спросил у Володи Антон.

– Вчера его ко мне в комнату подселили.

– А-а... Синяк у него – не твоя работа?

– Это он с Царевым сцепился... Ну, молодец! Видеть надо было, как у Царева лапки мелькнули, когда Егоркин ему врезал. А потом вот растерялся...

– Ну, ты, Иван, даешь! – восхищенно произнес Антон. Он даже работать перестал. – Цареву в морду дать!.. Ты и дальше не теряйся, не уступай, а то он на шею сядет...

Во время разговора о Цареве на душе у Егоркина вновь стало беспокойно. Утром, увидев Царева около конвейера, Ванек растерялся, не знал, как вести себя с ним. Андрей не обращал на Егоркина внимания, будто бы они не были знакомы, и Ванек успокоился. А сейчас снова заволновался. Видать, Царева считают здесь драчуном, раз Володя так радостно рассказывал Маркину о драке. Да и Маркин, наверное, неспроста восхитился его поступком...

### 3

Конвейер ожил. Сначала, словно с неохотой, дернулся два раза, потом лента равномерно поползла в яму. Сборщики неторопливо подходили к конвейеру.

К обеденному перерыву Антон прикрутил к бортовой передаче четырнадцать «тарелок», а Егоркин только четыре, и то две из них с помощью Маркина. В столовую Ванек брел с новыми приятелями, еле передвигая ноги. Научится ли он работать так, как Маркин? Хватит ли у него сил, думал он с тоской. Впереди еще полсмены, а он уже вымотался, руки не поднимаются.

За едой Ванек хмуро молчал. Его охватило желание бросить все и рвануть в деревню. Но представил, как приятели, особенно Петька Чеботарев, начнут подсмеиваться, и решил: ладно, поработаю недельку, может, втянусь, легче станет. Он вспомнил, как, узнав, что его не приняли в институт, бродил по городу, читал объявления, начинающиеся со слова «требуется». Тогда он и выбрал машиностроительный завод, считая, что на большом заводе можно получить направление на подготовительное отделение в институт. Егоркин понимал, что для этого нужно хорошо работать, и до сегодняшнего дня он не сомневался, что будет не хуже других. Видел Ванек себя на заводе у станка, и уж конечно, не у такого, какой стоял у них в колхозной мастерской. С ним-то Егоркин быстро научился управляться. Он понимал, что на заводе станки посложней, но верил, что пусть не сразу, но и с ними справится.

После обеда Маркина с Егоркиным стали подгонять. Ваньку начал помогать бригадир-инструктор Субботин. И, несмотря на это, к концу смены руки не слушались Егоркина. Ключ выскальзывал. Костяшки пальцев были сбиты до крови. Большой палец, которым он давил на кнопку пневматической машинки, ныл. Волосы растрепались, лезли в глаза, а поправить нельзя: руки в машинном масле.

Движения Маркина тоже замедлились. Он изредка взглядывал на Егоркина и видел, что старается парень, вымотался, а не отдыхает, не щадит себя. Другой бы на его месте давно плюнул, раз все равно не получается...

Когда мастер, подойдя, спросил у него о Егоркине, Антон ответил:

– Вроде ничего... Копаются... Мокрый весь, а не сдается... Ничего, разработается. Невелика наука!

– А ты говорил...

– По первому дню судить трудно, – не сдался Маркин.

Мастер ушел, и тут же появилась Катерина, контролер участка. Тонкая, высокая, темнелица.

– Эй вы, мудрецы! – сказала она строго. – Идите снимайте «тарелку»!

– А что такое? – отвлекся от работы Антон.

– Шестеренку не вставили.

– Это я, наверно, – сказал виновато Ванек.

– А что же ты так? – улыбнулась Катерина, сменив тон на доброжелательный.

– Так быстрее. Ее пока вставишь, замучаешься! И «тарелке» она мешает на место вставать, – серьезным тоном объяснил Егоркин.

Катерина недоуменно посмотрела на него, потом поняла, что он шутит, и засмеялась:

– Рационализатор!

– Что, хороша девка? – спросил Антон у Ваньку, когда Катерина отошла.

– Ничего...

– Как раз под твой рост. Но ты не заглядывайся на нее, не заглядывайся. Она парня из армии ждет. Моряк! К ней уж не один подступался. Бесполезно!

– А я и не собираюсь. У меня в деревне есть, – солидно ответил Ванек и подумал, что сегодня надо обязательно написать письмо Вале. А то она уже ждет, наверное.

– Ступай, замени «тарелку», – сказал Антон.

Егоркин обрадовался случаю отдохнуть от конвейера и торопливо направился к лежащей на полу бортовой передаче. Снимая «тарелку», Егоркин думал о Маркине. К нему Ванек отнесся поначалу настороженно, недоверчиво. Ждал подвоха. Помнил, как Антон принял его утром. Не понравились Ваньку и шутки Маркина «орел», «тамбовский волк», но Егоркин старался не обращать внимания на них, не заводиться. На вопросы отвечал односложно и серьезно. Пусть развлекается сам с собой, если охота, а он повода для насмешек не даст. Но когда Антон стал ему показывать, как нужно собирать «тарелку», Егоркин почувствовал в его голосе участие и немного оттаял. Больше всего Ванек боялся, что Антон начнет над ним насмехаться из-за того, что он копается. Сам-то Маркин крепил одну «тарелку» за другой. Да еще и ему подсказывал, помогал. Егоркин удивлялся: только глянет и сразу говорит, почему рычаг не работает. Правда, и у Маркина иногда «тарелка» капризничала, и он с болтами мучился. Это потому, объяснял Антон, что рычаг часто отклоняется в сторону. Три нижних болта машинка не докручивает полностью: мешает корпус «тарелки», нависающий над конвейером. И приходится подтягивать ключом. Руку не подсунешь! А докручивать надо. Если резьба в бортовой передаче нарезана плохо, то даже вдвоем трудно успевать за конвейером. И все-таки, несмотря на это, Маркин быстро крепил «тарелки»... Интересно, сколько же он их за смену поставил, думал Егоркин. Но спрашивать постеснялся. А когда после работы Антон записывал в книгу нарядов количество «тарелок», поставленных за смену, Ванек углядел, что

он записал шестьдесят восемь. Ого, это больше тринадцати рублей! За день! Да-а! Егоркин быстро прикинул заработок за месяц. Неужели и он будет столько зарабатывать? Так за полгода можно такой же, как у Кольки Скворца, магнитофон купить. Настроение у Егоркина поднялось. Усталость показалась приятной... Надо только быстрее научиться работать! Пусть сегодня он заработал всего три рубля, но это же в первый день. Завтра больше соберет «тарелок».

## 4

Возвращаясь в общежитие, Ванек перебирал в памяти прошедший день. Вспомнилась Катерина, разговор о ней с Маркиным. Потом вспомнил он Валю, последний вечер в деревне, короткий поцелуй на автобусной остановке у сруба. И Егоркин заторопился домой писать письмо. Матери он написал сразу, как узнал, где и кем будет работать, а Валюшке не успел и теперь спешил домой, чтоб засесть за стол. Нежные слова так и лились из его сердца. Только записывай! Но когда перед ним оказался чистый лист бумаги, он долго мучился, не зная, как обратиться к Вале, как назвать ее. Слово «дорогая» звучало сухо, затерто. Рука не решалась вывести и «милая», «любимая». Про себя он называл ее еще нежнее. Но обратиться к девушке так откровенно Ванек не смел, стеснялся, как она отнесется к этому, не станет ли насмехаться, не обидится ли.

Егоркин, промучившись полчаса, начал письмо просто: «Здравствуй, Валюшка!» Рассказал, что работает на заводе, сборщиком, написал, как скучает по ней, что видел ее во сне, даже сон придумал. Сны свои Ванек не запоминал, но знал, что каждому человеку они снятся. Значит, и он вполне мог видеть во сне Валю, да просто ему этот сон не запомнился.

Придя на другой день на работу, Антон Маркин был приятно удивлен. Все детали уже лежали на столе, а Егоркин стоял рядом и нанизывал шайбы на болты. И делал он это намного быстрее, чем вчера.

– Здорово! – как можно приветливей сказал Антон и протянул руку. Но удивления своего не показал, сделал вид, что все идет, как обычно. Он сразу же встал к столу и начал собирать рычаги.

В цехе было тихо. Вдоль конвейера спокойно висели пневматические машинки, словно отдыхая после второй смены. Слышно было, как приглушенно шипел сжатый воздух, негромко позвякивал металл да переговаривались рабочие.

– Во, молодцы! – весело крикнул бригадир-инструктор Субботин, пробегая мимо Маркина. – С вечера надо приходить! Только так успеете за конвейером!

Мастер Набоков, торопливо шагнувший своей обычной суетливой походкой, услышав слова инструктора, засмеялся и сказал:

– Я их скоро домой отпускать не буду, если из-за них хоть раз конвейер остановится!

Антон будто бы не слышал шуток приятелей, возился с деталями, мурлыча себе под нос:

В королевстве, где все тихо и ладно,  
Где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь

Это значило, что настроение у него было прекрасным

– Покажите, как рычаги собирать, – попросил Егоркин, отодвигая коробочку с болтами и нанизанными на них шайбами.

– Смотри! Вот как. Это просто!

Маркин испытывал сегодня к Ваньку даже какую-то нежность. Егоркин помог ему помириться с женой. Косвенно, конечно. Но если бы мастер вчера не привел его, то неизвестно, сколько времени длилась бы их ссора. Антон всегда переживал, когда в семье что-то не лади-

лось, боялся, что это отразится на учебе сына. Вовка окончил первый класс с одними пятерками, круглый отличник! Маркин любил ходить на родительские собрания, ему нравилось слушать, как учительница говорит о его сыне хорошие слова. «Я балбесом вырос! Может, хоть сын человеком станет!» – думал он. Но сам не баловал его и Люсе запрещал. Читал в газетах, что, балуя, может вырастить эгоиста, от которого потом взвоешь, да и самого парня счастливым не сделаешь. Антон заставлял Вовку пересказывать прочитанные книги, которые подбирал ему сам. Читать научил, когда Вовке было пять лет. В последние дни отец с сыном возились с конденсаторами, проводками, пытались собрать стереоприемник.

Вчера Маркин вернулся домой уставшим, разбитым. Войдя на кухню, где жена чистила картошку, тяжело опустился на табуретку и сказал так, будто бы между ними не было ссоры:

– Ух, и вымотался я сегодня!

Люся сурово молчала. Антон понял, что прощать она не собирается, но продолжал, потирая колени, как ни в чем ни бывало:

– Ученика мне дали. Сам начальник участка привел. Говорит, будь у него наставником! Мы, говорит, не сомневаемся, что ты воспитаешь из него такого же мастера, как и сам.

Маркин приостановился, ожидая, что Люся скажет:

«Ты воспитаешь, воспитаешь второго алкоголика!» Когда они ссорились, Люся говорила ему много несправедливых слов. Он не возражал, терпел, зная, что виноват. Сейчас жена продолжала молчать. Но Антон почувствовал, что она прислушивается. Значит, дело движется.

– А парнишка смысленный такой! Сопляк еще, а ничего, понимает все, слушается. Но никак у него не получается еще... Целый день крутиться пришлось, то ли ему подсказывать надо, то ли самому работать. Закрутился совсем! А он, ты знаешь...

И Маркин начал рассказывать смешную историю, будто бы случившуюся с Егоркиным, которую тут же выдумал. Лицо жены на мгновение прояснилось, на нем даже улыбка появилась, но Люся погасила ее и сказала сердито:

– Расселся, болтаешь, а в холодильник не заглянешь! Там молока нет ни капли ребенку!

– О, это я мигом! – вскочил Маркин – куда усталость делась – и стал собираться в магазин.

Люся вовсе не считала Антона выпивохой, не считала большим грехом и то, что он задержался разок с приятелем, но если оставить этот разок без внимания, рассуждала она, то за ним может последовать другой, третий, а там, глядишь, это превратится в систему. Наташа вон, подружка ее, упустила мужа, не пресекла вовремя, теперь мучается... Нет, лучше на корню пресечь!..

Сегодня Маркину работалось легко. А у Егоркина по-прежнему не получалось, особенно мучился он с «тарелками». Рычаг никак не шел на свое место. Он пытался подражать Маркину, но у него так не выходило. Содранная кожа на пальцах саднила. Пальцы скользили по металлу. Ванек не удержал «тарелку», уронил ее себе на ногу и запрыгал.

– Да не торопись ты! Спокойнее, – говорил ему Антон и показывал, как нужно держать руки, чтобы «тарелка» легко входила в бортовую, объяснял, где придавить, как повернуть ее, чтобы рычаг оказался слева

Но у Егоркина рычаг почему-то поворачивался не в ту сторону. К концу смены Ванек, упарившись вконец, перестал работать и начал рассматривать станок на конвейере, на котором собирали бортовую передачу. Даже попытался приподнять его над лентой конвейера.

– Взять бы сейчас молоток да шарахнуть хорошенько по «головке», сразу бы все на место встало, да? – засмеялся Маркин, наблюдая за Егоркиным. У него самого часто возникало такое желание, когда что-то не ладилось, и он начинал нервничать.

– Зачем? Вот если бы поднять станок чуточку выше над лентой конвейера, и чтобы он вместе с бортовой наклонялся назад, хотя бы градусов на десять, тогда бы было легче собирать!

– Наверно, люди поумней нас думали, когда делали! – ответил Маркин, хотя то же самое не раз приходило ему в голову. Даже мастеру сказал однажды, а тот только отмахнулся: глупости, мол, не будем же мы конвейер останавливать на переделку. Бортовые нужны.

– Рационализатор новое предложение придумал? – засмеялась Катерина, контролер участка, слышавшая разговор.

Егоркин смутился.

– Ты, Катерина, его не трожь! Человек он семейный, – своим ироническим тоном сказал Маркин. – Жена у него сердитая, ревнивая. Говорит, чуть что – сразу за волосы. Она специально заставляет его такие волосы отращивать. Так, говорит, легче с ним справляться!

– Как? Он женатый? – удивленно переспросила Катерина, принимая игру. – А мне говорил, что не целованный еще. А я сдуру поверила! Уши распустила! – сокрушалась она.

– Значит, он и тебя уже окрутил? Ну, силен! Два дня в Москве – три девки у ног. Я в молодости и то так не умел, – восхищенно качал головой Антон.

– Кого это он еще успел?

– Галка Лазарева, говорит, убивается по нем. Девчонка со сборки моторов. Маленькая такая, шустрая комсомолка. Глаз, говорит, с него в столовой не сводила!

– Лазарева? Галя? Это же моя подруга! Я у нее обязательно спрошу!

Ванек слушал шутливую болтовню Маркина с Катериной, насмешливо улыбаясь, но, как услышал про Лазареву, покраснел и произнес сердито:

– Болтайте, да не забалтывайтесь!

Он бросил работу и неторопливо направился к стене к питьевому фонтанчику, бющему в нише.

– Ишь, правда-то глаза колет. Стыдно стало! – засмеялась ему вслед Катерина.

Сегодня в столовой Егоркин обратил внимание на девушку в чистеньком синем халате. Она медленно и плавно шла меж столиков с подносом с тарелками в руках, выбирая себе место. Ваньку захотелось вдруг, чтобы она села за их стол. Он осторожно выдвинул ногой из-под стола свободный стул, чтобы девушка могла его увидеть. Она подошла ближе. Егоркин заметил у нее на подбородке сбоку маленькое родимое пятнышко. Девушка с улыбкой кивнула Володе, который сидел за одним столом с Маркиным и Егоркиным, и прошла мимо. То ли не заметила свободного места, то ли не захотела сесть с ними. Из-за соседнего стола быстро поднялся парень, позвал ее, помог снять тарелки с подноса и сам его отнес. Ванек ревниво отметил, что она благодарно улыбнулась парню.

– Кто это? – тихо спросил Ванек у Володи, показывая глазами на девушку.

– Где?

– Галя Лазарева. Она на сборке моторов работает, – ответил Маркин и обратился к Володе: – Ты знаешь, что у нее брат-близнец велогонщик?

– Знаю, что брат есть, а кто он...

– Да, велогонщик, да еще какой! Читаю «Спорт», смотрю: юношескую гонку в ФРГ выиграл Алексей Лазарев! Спрашиваю у Гали. Она говорит: брат!..

За столом Антон будто бы и значения вопросу Егоркина не придавал. А сейчас, ишь, ехидничает, думал Ванек. Шутка Маркина задела его. Он наклонился над фонтанчиком, глотнул холодную пресную воду, резко отдающую металлом и хлоркой. А вдруг Катерина действительно ляпнет Гале, подумал Ванек, а та и вправду решит, что он про нее трепался? Стыдно будет в столовой показываться!..

Возвращаясь назад, Егоркин увидел, что Катерина отошла от конвейера к своему столу, а Маркин продолжает работать. Возле него появился парень в чистом пиджаке и что-то спросил. Антон показал на подходившего к ним Ваньку. Парень взглянул на Егоркина и дружелюбно протянул руку.



Ванек повернул руку запястьем, чтобы парень мог пожать ее выше кисти: ладонь была в масле. Комбайнеры всегда так здоровались с председателем, когда тот приезжал на поле.

– Я секретарь комсомольского бюро цеха Викентьев Иван, – представился парень.

– Я тоже Иван, только Егоркин.

– Тезки, значит, – засмеялся Викентьев. – Забегай после работы ко мне. На учет встанешь, да и познакомимся поближе. Буду ждать!

## 5

Ванек ополоснулся в душевой и, чувствуя во всем теле приятное томление, поднялся на второй этаж. Ему понравилось мыться после работы. Входишь в душевую усталый, раздеваешься медленно, рассеянно слушая, как переговариваются рабочие. Постоишь под сильными струями прохладной воды, потом вымоешься, и приятно так становится. Ноги расслабляются. Руки отдыхают. Хорошо! Не то, что в деревне в корыте мыться. В Масловке, да и во всех деревнях вокруг, не строили бань. Общие, колхозные, были только в крупных селах, и мылись жители в обыкновенных корытах.

Викентьев стоял у запыленного окна, из которого было видно кирпичное здание соседнего цеха, и разговаривал с девушкой, сидевшей за столом спиной к двери.

– Можно? – спросил Ванек, останавливаясь на пороге.

– Заходи, заходи!

Девушка недовольно оглянулась на Егоркина: вечно кто-нибудь мешает поговорить с секретарем, а Викентьев рад уклониться.

Иван почувствовал, как начали гореть его щеки. Это была Лазарева. Она заметила невольное смущение парня при встрече с ее взглядом, неожиданно смутилась сама и, сердясь на себя, заговорила с еще большим напором:

– Ты на молодых больше внимания обращай! На новеньких, которые в цех приходят, особенно из армии. А тех, что привыкли к плохой работе бюро, с места не сдвинешь.

– Да знаю, знаю я, Галочка! Но начинать надо с членов бюро... Хорошо, погоди, потом договорим. Я человека отпущу.

Комсомольское бюро было избрано месяц назад. Галя ввели в его состав, а Викентьев стал секретарем. В цех Галя пришла недавно, после окончания школы. Она знала, что почти все комсомолы были недовольны работой прежнего бюро, и старалась помочь новому секретарю. Ей все казалось, что он недостаточно активен. Она постоянно его теребила, предлагала разные мероприятия. Викентьев тоже рвался к работе, но опыта не хватало.

Секретарь взял у Егоркина комсомольский билет и учетную карточку. Ванек старался держаться справа от девушки, чтоб фонарь под глазом не так бросался ей в глаза, пока не понял, что она успела его заметить.

Галя видела, что Егоркин почему-то стесняется, старается скрыть синяк, отворачивается неловко, и она чувствовала, что это ей нравится. В парне, высоком до нелепости, было что-то притягательное. В его мальчишеском лице проступали черты еще пока малозаметные, неуловимые, которые делают лицо мужественным, волевым. Лазарева видела, что парень хоть и занят разговором с Викентьевым, но ни на секунду не забывает о ней, и вдруг поняла, что он чувствует, что она заинтересовалась им, сердито отвернулась и придвинула к себе свежий номер журнала «Смена», открыла наугад и рассеянно взглянула на страницу.

– У нас хороший Дворец культуры, – говорил между тем Ивану Викентьев. – Спортзал, кружки, прекрасная изостудия... Если что-то интересует, обращай ко мне. Я помогу!

## 6

Егоркин сначала хотел идти домой, в общежитие, но его потянуло к Варюньке.

Через полчаса он выскочил из автобуса и бодро зашагал к общежитию сестры, высматривая окно ее комнаты на втором этаже. Оно было зашторено. Не пришла, видно, с сожалением подумал Ванек. Ему хотелось рассказать, как он работает, похвастаться, что сегодня заработал почти шесть рублей. И это на второй-то день! Через месяц он ого! – сколько зарабатывать будет! А они с матерью собирались ему помогать. Да он сам им помогать будет, с первой же полочки батничек сестре купит у Бориса. Купит батничек, а потом уж на маг собирать начнет.

В общежитии, возле лестницы, сидели две старушки.

– Егоркина пришла? – спросил у них Ванек.

– Она нынче весь день дома... Вроде не выходила, – ответила одна из старушек, та, что посуше и повыше ростом, и взглянула на свою подругу.

– Дома, – подтвердила другая. – Парень у нее!

– А он разве не ушел? – удивленно спросила первая, выдвинула ящик тумбочки, куда складывали документы гостей, взяла паспорт и открыла: – Тут! Смотри, а я думала, что ушел!

Ванек увидел в паспорте фотографию Кольки Хомякова и сразу почувствовал холодок в груди. Вот почему окно зашторено. Егоркин положил заводской пропуск на тумбочку и быстро, через две ступени, взлетел по лестнице. Резко постучал в дверь и прислушался. В комнате послышался торопливый шорох, затем скрипнула кровать, и все стихло. Ванек нетерпеливо выждал минутку и постучал еще сильнее, громко проговорив.

– Открывайте, милиция!

Зачем он ляпнул про милицию, Егоркин сам не знал. Сорвалось с языка. Открылась одна из дверей в коридоре, показалась девичья головка и сразу спряталась. Егоркин услышал голос Варюньки:

– Это ты, Ванек?

– Я! Открывай!

– погоди минутку.

Ванек снова услышал шепот, шуршанье. Потом – шаги. Два раза щелкнул замок, открылась дверь, и перед Ваньком предстала сестра в халате, с заспанным помятым лицом, опухшими губами. Волосы у нее были наспех заколоты.

– Заходи! – сказала она нарочито громко и строго, отвела глаза в сторону и пропустила брата в комнату.

Колька Хомяков сидел возле окна. Увидев Егоркина, он с радостным лицом поднялся ему навстречу и протянул руку, как давно ожидаемому гостю. Но за его бодрой радостью Ванек почувствовал смущение. В первое мгновение он растерялся, потом собрался, с дрожью ощущая в себе обиду за сестру и злость.

– Вон отсюда, котяра! – громко крикнул он, не принимая руки Хомякова.

Колька опешил. Некоторое время еще стоял с протянутой рукой, а потом медленно опустил ее и взглянул на Варюньку.

– Ты что, и тут набрался? – строго спросила сестра.

– Я не набрался, не набрался! – раздраженно сорвал с вешалки Ванек плащ Хомякова. – Шлепай отсюда! – снова крикнул Егоркин и кинул плащ Кольке.

Хомяков поймал его и молча стоял, не зная, что делать.

– Вперед! – Ванек указал на дверь. – Еще раз увижу возле этого дома, ноги повыдергиваю!

– Ты что здесь разорался, а?! – закричала Варюнька. – Ты что раскомандовался в чужой комнате! – Видя, что Колька начал натягивать плащ, она ухватила за него: – Нет, ты никуда не пойдешь! Не пойдешь!

– Не надо, Варенька! Мне сейчас лучше уйти. Я тебе завтра позвоню, – ласково сказал Хомяков, касаясь пальцами плеча девушки.

– Нет, ты не пойдешь! – еще сильнее распалилась Варюнька. Лицо ее пылало. Она повернулась к брату и закричала: – А ты марш отсюда! И чтоб больше таким не являлся!

Егоркин растерялся. Такого поворота он не ожидал. Он намеревался защитить, спасти сестру и вдруг оказался сам виноватым перед ней.

– Значит, мне уходить? – разозлился он на Варюньку. – Значит, этот подонок тебе дороже брата стал, да? Дороже матери, да? Ты что, до сих пор этого козла не раскусила?

Сестра ударила его по щеке и, зарывав, упала на кровать. Егоркин сник, повернулся и вышел, оставив в покое Кольку Хомякова.

## 7

Чеботарев возвращался на машине из соседней деревни. Дорога, подсушенная солнцем, была хорошая. Только в низине во время дождя трактора разбили грейдер, и пришлось съехать прямо на зеленя, где была уже наезжена колея. Петька свернул к коровнику, опустил стекло и начал смотреть на его двери. Дойка кончилась, и он надеялся увидеть Валью. Можно было подкатить к коровнику, будто по делу, и поболтать с ней, намекнуть вроде бы и шуткой, что сохнет по ней, а она, глядишь, и вспомнит потом об этом.

Из двери коровника выскочил мужчина в белом халате, замахал руками и закричал:

– Петька! погоди секундочку!

Чеботарев узнал завфермой Потапцева и повернул к нему машину. Потапцев нырнул обратно в коровник и через мгновение вернулся с Вальей. Она тоже была в белом халате.

«Это интересно!» – подумал Чеботарев.

Они быстро подошли к машине.

– Сгоняй с Вальей в Дмитриевку, на ферму. Помоги там ей бидоны нагрузить, и скорей обратно. Понял? – проговорил завфермой.

– А чекушка будет? – пошутил Чеботарев.

– Гони ты быстрее! Бидоны нужны. Пузанов, зараза, два бидона наших там свалил.

Чеботарев догадался, что шофер, отвозивший молоко, оставил два лишних бидона на дмитриевской ферме. Валя села в кабину. Петька врубил скорость.

– Стой! Стой! – раздался сзади крик.

Чеботарев выглянул из кабины и увидел бегущего к ним Кольку Скворца. «Перебьешься!» – резко тронул машину Петька. Он видел в зеркало, как Скворцов что-то кричал и грозил им вслед кулаком. Чеботарев засмеялся и повернулся к Вале, игриво улыбаясь ей:

– Ванек пишет?

– Пишет, – в тон ему ответила Валя.

– И что же он пишет?

– Пишет, что любит, – так же игриво ответила Валя.

– Кто? Он любит? – насмешливо засмеялся Чеботарев. – Мне-то уж лучше знать, как он любит. Теперь ты его только и видела. Сейчас в Москве, потом в институт или в армию, что же, он все время без девок будет? Да и ты на пенсию уйдешь, пока его дождешься...

– И пенсионерки замуж выходят, – засмеялась Валя, но не так уж весело. На душе у нее стало нехорошо от Петькиных слов. Поднялась вдруг обида на Егоркина, а из-за чего, непонятно.

Чеботарев еще что-то болтал, но она не слушала, смотрела на дорогу. Петька понял, что слова его расстроили девушку, и настроение у него стало еще лучше.

Когда они вернулись назад, выгрузили бидоны, и Чеботарев влез в кабину, подошел Скворец и стукнул кулаком по дверце машины.

– Ты почему не остановился? – сердито спросил он. – Мне вот так, – провел он ребром ладони по горлу, – в Дмитриевку нужно!

Чеботарев усмехнулся:

– Пешком сходишь! Не развалишься... Ты же не слепой? Видел, кто со мной сидел?

– Кто с ним сидел! – передразнил Скворец. – Принцесса какая!

– Принцесса!

– Не уломаешь ты ее ни черта! Лучше не берись... и вообще подлю это...

– Что подлю?

– А то! У друга отбивать!

– У тебя их сколько уж, невест, было? – усмехнулся Чеботарев. – И у Егоркина будет не меньше. Из армии придет, тогда и заведет невесту. А Валька моей будет...

– Не будет она твоей, не будет! Никогда она с тобой не станет гулять!

– Еще как станет... Спорим, через неделю, она кататься со мной будет, по вечерам!

– Я и без спора знаю: не будет!

– Посмотрим! Посмотрим...

## Глава третья

### 1

На следующей неделе сборщики бортовой передачи остались работать в ночную смену. Кончался месяц, и нужно было вытягивать план. Егоркин не подозревал, что будет так тяжело. К концу работы он двигался машинально, еле переставлял ноги. Ему казалось, что, остановись он на мгновение, тут же упадет и заснет. Однажды летом в деревне парни и девушки в ветлах развели костер и просидели там до утра. Тогда он чувствовал себя нормально. Не спотыкался на каждом шагу, когда шел домой. Может, взбадривало Валино присутствие? А здесь он совсем раскис. Несколько раз бегал к фонтанчику умываться. Пять минут чувствовал себя свежее, а потом снова засыпал на ходу.

«Ничего, привыкну!» – подбадривал себя Ванек. Душ освежил его, вывел из сонного состояния. Когда Егоркин выходил из цеха, солнце ласково светило в лицо. Приятно было шагать, приятно думать, что завалится сейчас в постель, и будет спать, спать, спать. Ветерок поглаживал щеки. Егоркин расстегнул куртку... Вспомнилось, как в раннем детстве выскакивал он по утрам на улицу, устраивался на завалинке, жмуря сонные глаза под яркими лучами солнца, и нежился, пока мать не звала завтракать. Наседка, квохча, разгребала лапками навоз неподалеку от него. Вокруг наседки попискивали, суетились желтые цыплята. Были они такие маленькие и пушистые, что хотелось их потрогать, поддержать в руках. Но как только он пытался это сделать, они ныряли в крапиву возле плетня, а наседка сердилась, угрожающе поднимала крылья, готовясь напасть на него. И Ванек отступал...

Еще через неделю Егоркин наловчился ставить «тарелки», ставил за смену по сорок штук, а то и больше. Иногда он пытался соревноваться с Маркиным и отставал от него лишь на какое-то мгновение. Болты теперь слушались, только «тарелка» иногда капризничала, но, чувствуя упорство Егоркина, сдавалась. Викентьев как-то подошел к нему, поинтересовался, как идут у него дела. Ванек хотел пожаловаться, что над его столом крыша прохудилась, каплет прямо на голову. Но дождя в тот момент не было, и он промолчал. А дней через пять пошел мокрый снег, первый снег в этом году. На крыше он быстро таял, и сверху одна за другой шлепались крупные капли. Они падали на край железного стола, разбивались на мелкие колючие брызги и отскакивали на Егоркина. Скоро рубашка его стала мокрой. Маркин заметил это и сказал:

– Сейчас мы сделаем!

Он вытер паклей воду со стола, положил ветошь на то место, куда падали капли, и позвал Володю:

– А ну-ка встань сюда!

– Зачем? – удивился Володя.

– Встань, встань! Сейчас поймешь.

Антон пододвинул парня к столу.

– Ну, наклонись, наклонись, не бойся! – уговаривал он Володю.

Огромная капля шмякнулась на затылок Володе. Он пригнул голову и отскочил от стола.

– Ну, как, можно здесь работать, а? – захохотал Маркин.

– А я тут при чем? – Володя вытер затылок ладонью. – Мастеру скажите!

– Как при чем? Ты же «Комсомольский прожектор», освещай!

– Будет сделано! – сразу переменял тон, засмеялся Володя.

Он относился к тем людям, которые сами никогда не проявляют инициативы, не лезут, куда их не просят, но если им дадут поручение, прикажут что-либо сделать, то выполняют они все старательно и основательно. Контролировать не надо.

– Текстик хороший нужен. Может, придумаешь? – обратился Володя сразу к обоим сборщикам.

– У меня есть! Я сейчас перепишу, – сказал Егоркин.

Он побежал к столу контролера и попросил у Катерины листок и ручку.

– Письмо Лазаревой писать собрался? – спросила Катерина, улыбаясь.

– Да-да! Только давай скорей, а то не успею: другой опередит!

Он схватил ручку и тут же за столом начал писать.

– Ух ты, смотри, даже стихами! – восхищенно произнесла Катерина, заглядывая в листок.

– Ну-ну, не смотри. Потом увидишь!

– Ладно, пиши. Я ухожу. – Катерина поднялась.

Ванек писал:

Дождь шумит на улице,  
По веточкам сечет,  
А мне вода за шиворот  
Струйками течет

Стихотворение заканчивалось словами: «Когда же крышу сделают, и щели все забьют?» Сочинил его Егоркин во время работы, когда в первый раз потекло с крыши, и работать стало невмоготу. Правда, дождь тогда прекратился быстро, а мокрый снег сыплется и сыплется.

Володя прочитал стихи и похвалил:

– Здорово! Но для «прожектора» не пойдет. Надо короче и посмешнее, чтоб начальника хозчасти до нутра проняло. Тогда он вмиг сделает... Ничего, я сам придумаю. А стихи возьму. Для стенгазеты, там они будут к месту...

Перед обеденным перерывом появилась карикатура, и сразу прибежал начальник хозчасти – маленького росточка, в сереньком обвисшем пиджачке. Ходил он всегда, чуть наклонясь вперед. Посмотрев на стол Егоркина, потом на крышу, начальник хозчасти что-то прикинул в уме и так же торопливо удалился, погрозил пальцем Володе.

– Как перестанет течь, чтоб снял свою мазню! – крикнул он.

– Две недели висеть будет, – засмеялся Володя.

– Я те дам – две недели!

После обеда капать перестало.

## 2

Дня через два после этого случая Егоркин обедал в столовой один, без приятелей. Володя побежал в бухгалтерию что-то выяснять, а Антон Маркин взял еду с собой и обедал на участке с женатыми сборщиками. Там они играли в домино на перевернутой железной урне. Удары костяшек гулко раздавались по притихшему участку. Егоркин, возвращаясь из столовой, обычно присоединялся к болельщикам и вместе с другими подшучивал над проигравшими. Маркин играл неплохо, азартно и кричал больше всех, когда выигрывал. Зато, когда оставался «козлом», над ним подшучивали даже во время работы: окликали его и поднимали над головой два растопыренных, как рога, пальца.

– Ничего, подождем до завтра! – отвечал он на шутки сборщиков.

Маркин всегда долго переживал проигрыш. Все это знали, поэтому и подсмеивались над ним.

Егоркин в столовой ел неторопливо, по сторонам не смотрел и не видел, как к нему подошла Галя Лазарева.

– Приятного аппетита! – услышал он рядом с собой женский голосок.

Ванек поднял голову, увидел Лазареву, смутился, растерянно закивал и, пытаясь ответить, поперхнулся, закашлялся, еще больше смущаясь.

– Спасибо! – наконец выдал он из себя.

Лазарева, глядя на него, тоже стушевалась и поспешно спросила:

– Вы Егоркин?

– Да...

– А-а. Я вас видела у секретаря, – вспомнила она. – У вас тогда синяк под глазом был. Помните?

– Помню, – ответил Ванек, стараясь угадать, что ей от него надо. Ну и видок, наверное, у него сейчас.

– Драться любите?

– Люблю. Я боксер! – вызывающе ответил Егоркин, сам не зная, для чего он это брякнул. Какое ей дело, любит он драться или нет.

– Да-а? – с уважением в голосе протянула Лазарева. – А что же вы Викентьеву не сказали? Он же спрашивал... И стихи пишете?

– Ка-кие стихи? Я их сроду не писал...

– Как же... Мне Володя стихотворение передал. Говорит, что вы написали!

– А-а! Это я так... баловался.

– Я за комсомольскую печать в цехе отвечаю. Володя просил, чтобы мы стихи в стенгазете напечатали, но об этом уже в «прожекторе» было... Я хочу попросить вас заметку написать. О другом.

– Заметку? О чем? – Теперь Егоркину стало ясно, почему Лазарева обратилась к нему, и он успокоился.

– Напишите? – спросила Галя и заговорила быстро, словно опасаясь, что Егоркин передумает. – О своих первых впечатлениях, о нашем цехе, обо всем, что понравилось, и что не понравилось у нас. Напишите.

– Я подумаю! Сразу-то обещать не могу. Пообещаю, вы будете надеяться, а я не смогу... А в общем, напишу! – решил Егоркин. – Вам когда нужно?

– Можно через неделю.

### 3

Работая на конвейере, Ванек обдумывал заметку. Он уже не думал о деталях, о болтах, крепил «тарелку» машинально. Руки сами находили нужные детали, сами поворачивали передачу, сами ловили машинку, висевшую на тросике над конвейером. Ему стало казаться, будто лента конвейера неподвижна, а все вокруг плывет.

Заметка, решил Ванек, будет о Маркине, о том, как он возился с ним в первые дни. Написать ее Егоркин решил сегодня же вечером.

Но после работы Егоркин получил письмо от Вали, взлетел на свой этаж, вбежал в комнату, скинул куртку и со счастливой дрожью стал вчитываться в строчки. Он чувствовал, где Валя что-то недоговорила, постеснялась, понимал намеки и млел от нежности. Ах, Валя-Валюшка! Но когда он прочитал, что Петька пристает к ней, нахмурился. Потом перечитал письмо уже спокойнее и сел писать ответ.

На звук открываемой двери Егоркин не оглянулся, решил, что пришел Володя.

– Ты один? – услышал он за спиной и вздрогнул от неожиданности.

К нему подходил Царев.

– А где Володя? – спросил Андрей спокойно, как у старого знакомого, будто бы между ними ничего не произошло.

– Еще не приходил, – ответил Ванек, с напряжением ожидая, что будет дальше. Он сжался весь, приготовившись защищаться.

Царев подошел к столу, взял в руки лежавшую на нем книгу.

– «Вечный зов»? Где добыл?

– В библиотеке...

– И свободно?

– Свободно.

– А я хотел почитать, сразу после того как фильм посмотрел, а за ней очередь. Записываться надо было и ждать. Когда прочитаешь, скажи, я возьму!

– Ладно...

– Володе передай, что я заходил. Бориса хотел повидать, дело к нему есть...

– Передам...

## 4

Вскоре Егоркин совсем освоился у конвейера. Крепил «тарелки» почти так же ловко, как и Маркин. Но вот однажды пошли корпуса бортовых передач с плохо нарезанной резьбой. Такое случалось, когда на токарном станке срабатывались метчики, а токари не сразу замечали это. Тогда приходилось почти все болты закручивать вручную. А попробуй покрути на ощупь, когда руку под «тарелку» не подсунешь. Маркин изнервничался весь, изругался. Потом не выдержал и хватил молотком со злостью по ленте конвейера. Успокоившись немного, он начал разглядывать станок, на котором собирали бортовую. Егоркин подошел к нему.

– Да, ты прав! – сказал Антон, вспомнив, как Егоркин на второй день работы разглядывал станок. – Ни к черту не годится... Нужно станок поднять чуть выше и сделать, чтобы он назад заваливался вместе с бортовой... Тогда «тарелка» сама встанет на свое место, и все болты закрутятся машинкой...

– Мастеру надо сказать.

– Что толку! Я уж говорил ему. Так он ответил, что, мол, конвейер все равно не остановят на переделку. И так с планом еле справляемся... Надо нам самим сначала покумекать, а потом уж ему говорить! Давай вот что сделаем: ты думай, я тоже думать буду... Главное, придумать, как заставить станок откидываться назад и удерживать его в таком положении.

Маркин вспомнил, что что-то подобное таким станкам есть на участке, где собирают «рукав», – один из узлов машины. И решил посмотреть, как на них работают. «Рукав» был цилиндрический и крепился зажимами изнутри. Для бортовой нужны зажимы с внешней стороны. Их придется самим придумывать...

## 5

В воскресенье Егоркин начал переносить на чистый лист чертеж зажима для станка. В субботу он полдня просидел в читальном зале над техническими книгами.

Володя обратил внимание на странное занятие приятеля, постоял рядом, понаблюдая, ничего не понял и спросил:

– Что ты чертишь?

– Зажим.

– Какой зажим?

– Мы с Маркиным хотим станок на конвейере переделать. Чтобы он вместе с бортовой передачей назад откидывался... Я зажим придумал, чтоб удерживать его в таком положении.



– Ну-ка! – Володя взял листок и внимательно изучил чертеж. – Зря вы это затеяли, – сделал он вывод. – Конвейер ни за что не остановят для такой переделки...

– Можно и ночью переделать.

– Переделать-то можно. Да не пришлось бы обратно переделывать. Свою операцию облегчите, а другим... Вы ведь не одни на конвейере работаете. Восемь разных операций... Вдруг там хуже станет, тогда что?

Довод Володи показался Егоркину убедительным, и он отложил чертеж: решил с Маркиным посоветоваться. Может, и вправду зря затеяли? Ванек спрятал чертеж в книгу и стал одеваться. Захотелось повидать сестру.

На улице было холодно. Мороз не отпускал. Небо закрыла серая пелена, вот-вот ляжет снег. Пора уже!

Егоркин поднялся на второй этаж и постучал в дверь. Шлепанцы быстро прохлопали по полу, и дверь распахнулась. Открыла Варюнька. Лицо у нее было заплакано, щека поцарапана, волосы растрепаны. Но глаза светились надеждой. При виде брата они потухли, и лицо сморщилось, словно от боли.

– Что с тобой? – опешил Егоркин.

Варюнька повернулась и молча прошла в глубь комнаты, приложив к глазам мокрый платок. Время от времени она всхлипывала. Дверь осталась открытой, и Ванек вошел. Постель сестры была скомкана. Возле спинки лежали две примятые подушки. Варюнька упала на кровать и уткнулась в одну из них. Плечи ее вздрагивали.

После ссоры Ванек ни разу не видел сестру. Они только дважды разговаривали по телефону. Вначале Егоркин злился на Варюньку, потом ему стало почему-то стыдно перед ней. Надо было тогда как-то по-другому поступить, думал он. Сегодня Ванек пришел мириться. Хотелось ему поговорить с сестрой, может быть, прощения попросить. Пусть живет, как знает. А тут такое!

– Что с тобой. Варя? – Ванек сел рядом с сестрой и погладил ее по плечу.

Ласка брата тронула ее, и она заплакала еще горше.

– Может, дома что? – испугался он.

– Нет!

– Ну, тогда что? Что случилось?

– Он ночевал здесь... Ой... – всхлипывала Варюнька в подушку. – Утром Нелька пришла... Ой!

Ванек догадался, что речь идет о Хомякове.

– Что за Нелька?

– Нелька... Жена! Пришла, и за волосы...

– Его надо было за волосы! – со злостью сказал Егоркин. – Взялись бы вместе, да в окошко!

– Придумал тоже...

– Хватит хлюпнуть! Добро какое потеряла... Не сегодня, так завтра все равно бы произошло...

– Замолчи! – вдруг вскочила Варюнька. – Ты ничего не понимаешь!

Она снова упала на подушку и еще чаще стала всхлипывать. В дверь постучали. Ванек поднялся с кровати, но сестра вскочила, поправила халат и рванулась к двери, руками приглаживая волосы.

Вошел Хомяков. Он не заметил Егоркина и быстро, крепко прижал к себе Варюньку.

– Ну, вот и все! Вот и все, – нежно заговорил он, глядя растрепанные волосы девушки. – Теперь мы всегда будем вместе. Теперь нам нечего прятаться...

– Я пойду, – громко сказал Ванек.

Хомяков вздрогнул и повернул к нему голову.

– Ступай, ступай! – Варюнька тоже взглянула на брата. Губы ее уже улыбались, а глаза сияли. – Я тебе завтра позвоню в общежитие...

– Ладно, бывайте, – буркнул Ванек.

## 6

Маркин выслушал соображения Егоркина насчет зажимов, сомнение, не ухудшится ли работа на других операциях, и ответил:

– Ничего! Присмотримся, покумекаем... А чертеж ты завтра принеси. Я посмотрю...

Когда Егоркин возвращался из столовой, он увидел возле конвейера Галю Лазареву в окружении ребят. Некоторые отходили от нее, разглядывая какие-то карточки. Ванек, подходя к конвейеру, спросил у Володи, который тоже держал в руках открытку:

– Что это у тебя?

– Пригласительный во Дворец культуры. На спектакль драмкружка!

Егоркин подбежал к Гале.

– Все, последний! – крикнула она и, увидев Ваньку, протянула ему билет.

– Дай мне! – попытался перехватить Царев. Он тоже только что появился около нее. – Мне-то ты могла оставить! – недовольно сказал он Гале, когда билет оказался в руках у Егоркина.

Ребята расходились. Галя с Андреем остались одни. Она нахмурилась. Слова Царева напомнили ей о деньгах, и она решила забрать их у Андрея. Хватит ждать. Два месяца уже прошло, как она дала их Цареву, который обещал ей через Бориса достать фирменное платье. Она не знала, что Андрей несколько раз звонил Борису, но не заставлял его. Пытался искать через Володю. Потом ему понадобились деньги срочно, и он взял часть Галиных, думая вернуть после получки. Брал из ее денег еще несколько раз.

– Андрей, – сказала Галя, – верни мне, пожалуйста, мои деньги. Зря я, наверно, тебе поверила... Два месяца прошло. Не можешь достать платье, так нечего было трепаться... Я и вообще передумала его покупать!

– Какие деньги? – насмешливо взглянул на нее Царев. Его обидело, что она отдала последний билет Егоркину, этому салапету, и он решил покуражиться. Разговаривая, они шли по участку к прессу, на котором работал Царев.

– Как какие?! – ошеломленно смотрела на Андрея девушка.

Царев спокойно и невозмутимо надел подшпипник на вал с шестеренкой на конце, впредс-савал подшпипник вплотную к шестеренке и положил на свой стол.

– А как ты докажешь, что давала мне деньги? Захочу – отдам, захочу – нет! – ответил он тихо, не глядя на Лазареву.

Конвейер дернулся и поплыл.

– Как это не отдашь? – возмутилась Лазарева. – Это же не два рубля!

– А вот так! – направился к конвейеру Царев. Присваивать деньги он не собирался, но продолжал куражиться.

– Ладно, после работы поговорим! – сказала Галя, сдерживая возмущение, и пошла с участка.

– Что за деньги она у тебя требует? – спросил Володя, слышавший часть разговора.

– Платье фирменное обещал ей достать... – усмехнулся Царев. – Трепанул раз, что знаю человека, который достанет. А Борис куда-то исчез...

– Я слышал, он куда-то из Москвы уехал, – ответил Володя и спросил: – А чего ты деньги ей не отдаешь?

– Я пошутил! Отдам, – засмеялся Царев. – Ты же видел, как она меня с билетом борта-нула...

Галя, проходя вдоль конвейера, встретила Егоркина и обратилась к нему:

– Заметка ваша мне понравилась. Мы ее обязательно напечатаем, – улыбнулась девушка сдержанно. Разговор с Царевым не выходил у нее из головы.

Ванек, не скрывая радости от встречи с Галей, от ее добрых слов, улыбки, проводил ее глазами и, направляясь к своему столу, бодро перепрыгнул через ровный ряд деталей, приготовленных для подачи на конвейер.

– Галька в любви призналась? – остановила его Катерина.

– Да, Катериночка, да! – шутливо воскликнул Егоркин и помчался к своему рабочему месту.

После работы Ванек неторопливо шел к проходной по широкой асфальтированной дорожке. Ветер дул ему в спину, тащил змейками по дороге морозную пыль. Егоркин заметил, что на асфальте подсакаивают маленькие шарики, словно пшено.

Из цехов выходили усталые люди, но при виде снега лица их оживлялись, светлели. Спины распрямлялись. Хорошо было шагать к проходной в потоке людей! Егоркин увидел впереди Лазареву и прибавил шаг, придумывая, как начать с ней разговор.

Галя шла, наклонив голову. «Видимо, устала. Для девчат работа сборщика тяжеловата», – подумал Ванек.

– Галя! – весело обратился он к ней и осекся, замолчал, погасив улыбку.

Девушка плакала. Она шла, не глядя на него, и вытирала платком глаза. Да-а, не вовремя он! Но и уходить было неудобно. Егоркин растерялся, не знал, как быть, потом робко спросил:

– Случилось что-нибудь?

Галя всхлипнула.

– На работе, да? Может, я помогу? Ты скажи...

Девушка взглянула на Егоркина, шмыгнула носом.

– Я сама... – проговорила она. Вдохнула, осторожно провела платком под глазами и спросила жалобно: – Я краску размазала?

– Немножко.

Галя остановилась и начала вытирать щеки. Одно пятнышко осталось. Она его только размазала сильнее.

– Давай я... – предложил Ванек.

Галя протянула ему платок.

Родинка на подбородке девушки темнела особенно ярко, была какой-то беззащитной, хотелось потрогать ее пальцем.

Ванек осторожным движением, словно прикасаясь к тончайшему стеклу, вытер тушь с ее щеки и, вздохнув с сожалением, что больше нечего вытирать, сказал:

– Теперь все.

Галя жалобно и благодарно улыбнулась.

– Спасибо.

Они молча пошли дальше, прошли проходную, и только на улице Ванек снова спросил:

– На работе что-то случилось?

– Нет... Царев деньги не отдает...

Егоркин вопросительно посмотрел на Галю, не понимая, о каких деньгах она говорит. Лазарева объяснила и снова всхлипнула.

– Сколько? – мрачно спросил Ванек.

– Чего? – взглянула на него Галя.

– Денег!

– Много... Больше ста...

– Вот скотина! Пошли!

Егоркин решительно потащил девушку за руку на противоположную сторону улицы. Они свернули в переулок.

– Куда ты? – спрашивала Галя, едва поспевая за Егоркиным.

– В общежитие! К Цареву!

– Не надо... – неуверенно сказала Галя.

Возле общежития Ванек усадил Лазареву на скамейку под деревом, смахнув с нее снег, и сказал, чтобы ждала здесь, а сам стремительно влетел в общежитие. «Только бы Царев был дома! Только бы он был дома!» – стучало в голове. На третьем этаже он толкнул одну из дверей. Она со стуком распахнулась. Царев был один, сидел на кровати. Услышав шум, он повернулся к Егоркину.

– Деньги! – резко бросил Ванек, протягивая руку ладонью вверх Цареву.

– Какие деньги? – на мгновение растерялся Андрей.

– Лазаревой!

– Какие это еще деньги Лазаревой? – быстро проговорил Царев и поднялся: – А ну дуй отсюда! И без стука больше не входи! Понял! – начал он наступать на Ваньку.

– Деньги! Быстро! – Егоркин продолжал стоять перед Царевым с протянутой рукой.

– Дуй отсюда! Не ясно?! – повысил Андрей голос, подходя вплотную к Егоркину.

Ванек схватил его за грудки.

## 7

Лазарева сидела на холодной скамейке, тревожно волнуясь, и с нетерпением ждала Егоркина, ругая себя за то, что сказала про деньги. Что теперь там у них? Она решила было последовать за Ваньком, но не знала, в какой комнате живет Царев. Да и вахтершу просить, чтоб пропустила, неудобно.

Снег сыпался по-прежнему обильно. Земля побелела, но Галя не замечала этого, жадно смотрела в окно вестибюля. Там она видела стол с телефоном, лестницу, ведущую на второй этаж. Галя дежурила в общежитии в народной дружине и знала, что на первом этаже находятся красный уголок, штаб ДНД, кабинет воспитателя. Возле стола с телефоном стояли два парня и разговаривали с вахтершей. Вдруг они все трое повернулись к лестнице и на мгновение замерли. Потом парни бросились вверх, а женщина вскочила со стула и закричала. Что она кричала, Галя не могла разобрать. Распахнулась дверь кабинета воспитателя, появилась молодая женщина и тоже побежала наверх.

Лазарева медленно поднялась со скамейки, тревожно вглядываясь в окно. Она, волнуясь все больше и больше, сделала несколько нерешительных шагов к двери и увидела спускающихся по лестнице людей. Чуть впереди всех, закрывая глаз ладонью, шел Ванек. Его сзади поддерживал под руку один из парней. За ними спускалась воспитатель. Потом вели Царева, который платком зажимал себе нос. Все они направились в штаб народной дружины.

Галя бросилась к двери.

## Глава четвертая

### 1

– Где это ты опять на сучок наткнулся? – спросил вечером у Егоркина Володя.

– Царев... – улыбнулся Ванек.

– Опять сцепились?

– Ерунда... Разобрались!

– Из-за чего? – не отставал Володя.

– Деньги он у одной девчонки взял и не отдает, – нехотя ответил Ванек.

– У Гали Лазаревой? Он же шутил! Чудак!

– Хороши шутки... – буркнул Ванек.

Маркин сразу обратил внимание на новый синяк под глазом у Егоркина и поинтересовался его происхождением.

– На сучок наткнулся, – отшутился Егоркин и подал ему листок с чертежом зажима. – Смотри, как я придумал!

Антон взял листок и долго рассматривал чертеж. Потом они подошли к конвейеру и стали прикидывать, что и как нужно изменить в станке. Затем пошли искать мастера.

Набоков недоверчиво выслушал Маркина. Сама мысль о том, что нужно конвейер перделывать, казалась ему нелепой. Столько лет работали, нормально было, и вдруг... Времени у Набокова обсуждать эту глупость не было, и он спросил:

– А как на других операциях? Об этом вы подумали?

– Думали и об этом. Там все будет по-прежнему, – уверенно ответил Маркин.

– Откуда у вас такая уверенность? А вдруг хуже будет? За это спасибо нам, как ты понимаешь, не скажут.

– Хуже не будет!

– Это доказать надо! То-то и оно... Ладно, давайте вашу мазню, я посмотрю, подумаю!

После обеда мастер позвал Маркина и Егоркина в свой кабинет – небольшую каморку возле щитов, отгораживающих один участок от другого. Вид у него был раздраженный и какой-то болезненный. Он и утром все морщился, когда выслушивал Маркина.

– Рационализаторы, туды вашу мать! – начал он ругаться еще по дороге. – Где вы обдумывали свое рацпредложение – в пивнушке или за углом гастронома?

Антон ничего не понимал и с недоумением смотрел на взлохмаченную голову мастера, который в возбужденном состоянии всегда ерошил волосы рукой.

– А ты докладывай, кто это тебе фонарь подвесил? И за что? – набросился Набоков на Егоркина со злостью. – Только в цехе появился, и на тебе, подарочек! Рассказывай, чего молчишь?

– Подрался, – буркнул Ванек.

– Во, видали, подрался! – передразнил Набоков, повернувшись к Маркину. – Где же ты подрался? Раздеть, что ли, кого за углом хотел?

Егоркин взглянул на мастера исподлобья и хмуро усмехнулся:

– В общежитии подрался... С Царевым.

– Бутылку не поделили? Кому-то меньше досталось, да? Разливать поровну еще не научились. Так, что ли?

– Не пил я ни капли, – снова буркнул Ванек и рассказал, из-за чего они подрались, не называя Галю Лазареву.

Он не понимал, что от него хочет мастер, и почему он так взвился. Утром же видел синяк и ничего!

– Подрались! – вновь передразнил Набоков. – Она что, не могла в милицию сообщить? Без тебя бы быстрее разобрались... А теперь на тебя докладная пришла. Совет общежития будет разбирать. Передадут дело в суд, будет тебе – подрались! Достанется и Цареву! С ним мы тоже разберемся... А вам, Антон Сергеевич, – обратился мастер к Маркину, – придется сегодня в общежитие ехать. На заседание совета вызывают. Как наставника! Мастер опять повернулся к Егоркину и повысил голос. – Пропесочьте его там как следует, да накажите примерно, чтобы знал, как должен вести себя рабочий!

Мастер вчера еще почувствовал боль в боку и забеспокоился: не камни ли в почках дают о себе знать? Неужели снова придется лечь в больницу? Записался к врачу на сегодняшний день, а тут, на тебе, надо ехать в общежитие. Поэтому он и решил послать вместо себя Маркина.

## 2

Маркин шел на заседание совета общежития неохотно. Считал, что его собирают формально, для галочки в отчете. Поругают, пожурят Егоркина с Царевым, тем все и кончится. Дело молодое! Сами подрались, сами и разберутся. И Маркин дрался. До женитьбы он жил в этом общежитии и подходил к нему с душевным трепетом. Вестибюль выглядел по-новому на стенах стенды другие, в углу, у окна, фикус, которого раньше не было. Стены выкрашены теперь под мрамор, а раньше были, кажется, гладенькими, бледно-желтыми. И старушка сидит за столом незнакомая. Она показала ему комнату воспитателя.

Там уже сидело несколько человек. Из них Антон знал только начальника ЖКО Олега Григорьевича Банникова. И не любил его, считал чинушей, бюрократом. Подпись на бумаге ни за что не поставит не в приемный день, как ни проси. Егоркин сидел в центре с опущенной головой и ковырял ногтем заусенец на пальце. Царев расположился у стены, закинув ногу на ногу, и рассматривал «Уголок атеиста» на противоположной стене.

– Вы из сборочного цеха? – хмуро спросил у Маркина начальник ЖКО.

– Да, – коротко ответил Антон.

Он не ожидал встретить здесь Банникова. Маркин не знал, что вчера на заседании парткома завода начальнику ЖКО чуть выговор не вкатили за слабую воспитательную работу в общежитиях. Олег Григорьевич считал, что его ругали несправедливо. Общежития он из виду не выпускал. А нарушения в последнее время участились из-за наплыва подростков из ПТУ. За ними как ни следи – не уследишь.

– Из цехового комитета? – спросил Олег Григорьевич, глядя тяжелым взглядом на Маркина.

Антон спокойно сел, закинул ногу на ногу и только тогда ответил:

– Нет. Простой рабочий... Наставник Егоркина!

– Мы же начальника цеха вызывали! – недовольно обратился Олег Григорьевич к воспитателю Надежде Ивановне. – А они неизвестно кого прислали! Мы что, в игрушки, что ли, здесь играть собираемся?

– Не неизвестно кого, а рабочего. Нас-тав-ника! – значительно произнес Антон, неприятно посмотрев на крупное, обрюзгшее лицо начальника ЖКО. Банников даже не взглянул в сторону Маркина. Олегу Григорьевичу очень хотелось видеть на заседании совета начальника сборочного цеха, который вчера на парткоме больно уколол его. Пусть бы сегодня покрутился.. Ишь, сидит, согнулся, ягненочек, посмотрел он на Егоркина. Но где-то глубоко в душе Олега Григорьевича шевельнулась жалость к Ваньку. Он постарался подавить ее в себе, подумав, что из-за жалости и пострадает когда-нибудь, вылетит из кресла начальника.

– Я звонила начальнику цеха, – поспешно, словно оправдываясь, заговорила Надежда Ивановна – Он занят. Сказал, что будет председатель цехкома.

– А где же председатель цехкома? – перебил Банников.

– Тоже занят, опустила глаза Надежда Ивановна. – Придет мастер участка.

Она замолчала, старательно стирая пальцем пятно со стекла на столе. Надежда Ивановна только что получила хороший нагоняй от начальника и теперь боялась взглянуть в его сторону. И в то же время ей было неудобно перед ребятами за свой страх, но она ничего с собой поделать не могла. Надежда Ивановна очень старалась показать себя Олегу Григорьевичу с лучшей стороны. Она жила с мужем и ребенком на частной квартире, во флигеле. Начиналась зима. Во флигеле и сейчас было холодно по утрам, а зимой хоть всю ночь топи – не натопишь. У дочки опять будет воспаление легких. А Олег Григорьевич обещал дать комнату.

Наступившую тишину нарушил Антон.

– Мастер попросил меня прийти на совет. Мне вместо себя посылать некого, вот я и пришел сам! – сыронизировал он.

Олег Григорьевич перевел тяжелый взгляд с воспитателя на Маркина. Тот, усмехнувшись, выдержал его.

В кабинет вошли еще два парня и тихо сели в сторонке. Надежда Ивановна посмотрела на часы и робко произнесла:

– Можно начинать, Олег Григорьевич?

Банников окинул присутствующих взглядом и спросил:

– Сколько у вас членов совета?

– Одиннадцать... Трое во вторую смену работают. Один в отпуске, а один болен... Вместо него вот Костя пришел! – поспешно добавила она.

– Начинайте, раз больше собрать не можете!

Володя на заседание опоздал. Он после работы заезжал к однокурснику, задержался у него, потом долго не было трамвая. Прибежал в общежитие, когда заседание было в полном разгаре. Из-за двери он услышал громкий голос Олега Григорьевича Банникова. Начальник зря не приезжает, выселением пахнет, забеспокоился Володя, осторожно открывая дверь в кабинет воспитателя. Егоркин стоял посреди комнаты, ссутулившись и опустив голову. Олег Григорьевич сидел за столом и гремел:

– Почему драку не прекратил, когда воспитательница потребовала?!

Егоркин опустил голову еще ниже.

– Ты мне в глаза смотри, не крутись! И отвечай, когда спрашивают!

Ванек молчал. Володя тихонько присел на свободный стул.

– Ладно, садись! Я свое слово скажу! – поднялся Олег Григорьевич и, оглядев притихших ребят, начал сурово: – Перед нами человек, допустивший тягчайшее нарушение правил проживания в социалистическом общежитии. Самое тягчайшее! Я слушал информацию воспитателя, слушал объяснения Царева и Егоркина, и у меня складывалось впечатление, что такому человеку, как Егоркин, не место в нашем коллективе. Нет, не место! Если человек с первого дня завязывает отношения с товарищами с помощью кулаков, то что можно ожидать от него дальше? Что? Перед нами потенциальный преступник!..

Володя, услышав последние слова начальника ЖКО, усмехнулся и насмешливо качнул головой. Маркин же с серьезным видом слушал Банникова и поигрывал своей кепкой, которую он, когда садился, положил себе на колени.

– ...Да, преступник! – повторил Олег Григорьевич, заметив усмешку Володи. Банников, выступая, наблюдал за слушающими, хмуря брови, старался понять, как они воспринимают его слова. – Здесь нет преувеличения! Если бы вчера вовремя не подоспели воспитатель и командир оперотряда, то кто знает, чем могла бы кончиться драка? А если бы в руках у Егоркина оказался нож? Кто поручится, что он не пустил бы его в ход? Я могу с уверенностью сказать,

что такой человек не остановился бы... А кто поручится, что сегодня же он не устроит новой драки? Предлагаю выселить Егоркина из общежития! И немедленно!.. А теперь разберем действия Царева... – продолжал Олег Григорьевич.

Маркин до выступления Банникова не принимал всерьез заседания. Но начальник ЖКО повернул дело так, что стало ясно: самым легким наказанием для Егоркина будет его выселение из общежития. Предложение начальника поддержал председатель совета общежития, румяный парень с каким-то расплывчатым, невыразительным лицом и ускользающим взглядом.

Антон был поражен.

– Егоркина действительно хотят выселить? – спросил он шепотом у своего соседа.

– Это – дело решенное... Выселят, как пить дать! – ответил сосед.

– Можно вопрос? – Маркин поднял руку, обращаясь к воспитательнице.

Она кивнула, разрешая.

– А где Егоркин жить будет? Или его и с завода выгонят?

– Нарушит трудовую дисциплину – выгонят и из цеха, – ответил Олег Григорьевич. – А где он жить будет, его дело! Пусть частную квартиру снимает. А в нашем коллективе ему не место!

– Значит, выбрасывает парня на улицу, как ненужную вещь! Иди, мол, ночуй под забором, так, что ли? – поднялся Маркин. Чтоб не держать во время выступления кепку в руках, он решительно сунул ее своему соседу, незнакомому парню. – О какой частной квартире идет речь, когда он по лимиту в Москве! Вылетит из общежития и из Москвы автоматически вылетит... Ладно, я по порядку! Буду говорить только о Егоркине. Его я знаю лучше, чем вы все. Вот он здесь работает... – Антон показал на стул с левой стороны от себя, потом – с правой. – А я здесь! И делаем одну и ту же операцию. Вы знаете, какой он рабочий? Если бы все так с первого дня начинали работу, наш завод выполнял бы план не на сто процентов, а на все сто десять, а то и выше! – Маркин произнес цифры, пришедшие ему в голову только что. – Во сколько вы сегодня пришли на работу? – обратился вдруг Антон к Надежде Ивановне. – Только честно! Вот так – положи руку на сердце...

Маркин приложил сразу обе руки к левой стороне груди и глядел невинными глазами на растерявшуюся женщину.

– Только честно! – повторил он.

– А какое это имеет отношение к делу? – неуверенно спросила Надежда Ивановна.

– Имеет, все имеет отношение! Егоркин приходит на работу за полчаса до звонка, когда еще свет в цехе не горит. Такой человек, каким его расписал ваш начальник, не стал бы этого делать! Да мне и непонятны рассуждения Олега Григорьевича! Вот он говорил, если бы да кабы. Если так рассуждать, то можно дорассуждаться до того, что решить, если, мол, я выйду на улицу, то споткнусь на пороге и сломаю ногу. Уж лучше я буду сидеть дома! По его логике получается так. И главное, странно слышать такие слова от начальника ЖКО, который должен быть проводником нравственных идей, известных каждому советскому человеку... – Маркин специально выбирал газетные выражения, считая, что только они воспринимаются такими людьми, как Банников. – ...Каждый советский человек знает, что воспитание подрастающего поколения является для нас первоочередным делом. Этому нас учит партия! Об этом шла речь на Двадцать пятом съезде КПСС! Возьмите материалы съезда, прочтите, там на восемьдесят шестой странице четко сказано! – Антон разошелся, распалился, размахивал рукой с вытянутым указательным пальцем. – Не мне вам об этом напоминать, Олег Григорьевич!.. Да и в каждой газете можно прочитать, что все мы должны особое внимание уделять воспитанию трудных подростков. Воспитывать их, а не отталкивать! А Егоркина и трудным-то подростком назвать нельзя. Кто хоть один раз видел его пьяным? – обратился Маркин к ребятам.

– Егоркин не пьет, – громко сказал Володя. – Я с ним в одной комнате живу!



– Вот видите! – Антон поднял вверх палец и снова спросил: – Был ли у него хоть один прогул? Нет. А вы его сразу на улицу! Выселите Егоркина, в партком пойду и скажу, что вы, Олег Григорьевич, не выполняете наказ партии по воспитанию подрастающего поколения! – Маркин сел. Ему хотелось потереть руки от удовольствия: посмотрим, как теперь Банников крутиться будет! Но Маркин постарался сохранить хмурое выражение лица и солидный вид человека, решающего важные вопросы. На Банникова он не смотрел, глядел в сторону, в пространство. Кепку свою он забыл взять у соседа, и тот продолжал держать ее в руке.

Больше всех переживала Надежда Ивановна. Она опасалась, что обозлившийся начальник выместит зло на ней. Ох, лучше бы из цеха никто не приходил!

Олег Григорьевич, слушая Маркина, обдумывал, как ему поступить. Черт его знает, этого наставника, а что, если он действительно побежит завтра в партком, попадешь под горячую руку, потом не оправдаешься! Еще и выговор схлопочешь! А вдруг этот наставник – член партбюро цеха или даже депутат какой... Говорит складно, материалы съезда изучил... Дома Олег Григорьевич откроет материалы на восемьдесят шестой странице, и даже слова о подростках на этой странице не найдет. Но это будет потом, а теперь Банников решил не обострять конфликт.

– Может быть, я немного и переборщил, проявил излишнюю принципиальность, – сказал он с места спокойно. – Не поинтересовался, как ребята работают... Но для этого мы и приглашали представителя цеха. Теперь мы знаем его мнение. Раз цех ручается за своих рабочих, то, конечно, можно ограничиться выговором. Как вы считаете? – обратился он к Надежде Ивановне.

– Да-да! – быстро кивнула она. – Я тоже считаю, что так будет справедливо!

– И предупреждаю вас, – повернулся Олег Григорьевич к провинившимся, – чтобы больше никакие вопросы не решали при помощи кулаков. Мигом вылетите из общежития!

### 3

Возвращался Маркин домой пешком. На улице был небольшой морозец. Тихо. Кругом бело от снега. А деревья, провода, крыши домов – все было в инее. «В королевстве, где все тихо и ладно...» – напевал Антон. Он распахнул пальто, выпустил шарф наружу и глубоко вдохнул свежий морозный воздух. Вот оно, оказывается, как бывает, сделаешь добро другому, и самому хорошо, радостно, размышлял он. И погода что надо! Вытащить бы сейчас на улицу жену с сыном и погулять... А что? Идея! Еще и восьми нет. По такой красоте погулять одно удовольствие! Или сходить всей семьей в кино! А что? Здорово! Давно они всей семьей не гуляли.

– Люсенька! – закричал он прямо с порога. – Вечер такой замечательный! Идем гулять!

– Опять в пивбар заходил? – спросила жена, выходя из комнаты, где смотрела с сыном телевизор. Вовка тоже выглянул из двери.

– Глупышка, что я там не видал? Ну, проверь, пахнет от меня хоть чуть, а? – проговорил он, целуя Люсю в щеки.

– Холодный ты какой! – морщилась жена, но не вырывалась.

– Вовка, сынуля! – подхватил Маркин сына, который выскочил в коридор. – Хочешь с нами погулять?

– Мам, пойдем!

– Вы что, поздно уже!

– Восемь часов только. Собирайся! Вова, давай быстренько одевайся!

– Никуда я не пойду в такой мороз! Мне одеваться полчаса.

– Оденься потеплей, и все! Не в гости же идем... Может, в кино сходим. Там не раздеваются.

– Кино можно и дома посмотреть!

Вовка уже одевался. Люся, ворча, полезла в шкаф за теплой одеждой.

В кино они не пошли. Было так хорошо гулять по вечерним улицам. Маркин рассказывал, как он отделал начальника ЖКО. Люся смеялась и называла его болтуном, а сама с нежностью думала, что муж у нее хороший, хоть и выпивает иногда, но домой всегда торопится, переживает, если она сердится на него. Это она точно знает.

– Я тебе забыла сказать, – заговорила Люся. – Трепетов, напарник-то твой бывший, письмо прислал. Я его прочитала. Ты не обижайся... Знаешь, где он сейчас живет? В Тульской области. Женился. Он ведь к невесте и уехал отсюда!

– Ну, дает! – одобрительно воскликнул Маркин. – А говорил, что домой возвращается. К матери...

## 4

Утром Маркин сказал Егоркину:

– Ты все-таки подстригись! Я вчера слово давал на заседании!

– Я помню.

– Деньги-то есть?

– Есть.

Когда на участке появился мастер Набоков, Маркин снова завел с ним разговор об их рацпредложении. Мастер сердито ответил:

– Лучше смотрите, чтобы конвейер не стоял. А то я вам сделаю такое приспособление, обоим сразу! И больше ко мне с этим не подходите! Слушать не хочу!

– Тогда мы сами сделаем, – спокойно ответил Антон, повернулся и пошел.

– Я вам сделаю! Я сделаю! – крикнул вслед мастер.

Вчера ему некогда было вникать в предложение Маркина, закрутился. Да и боли в боку мешали сосредоточиться. Врач вечером успокоил его, выписал таблетки. И боль с утра потише стала, но всю планерку начальник цеха склонял их участок. Не укладывались в план со сборкой главных передач. Бегать приходилось по цехам, самому детали выбивать. А тут Маркин со своим предложением высунулся. Не до него было мастеру, не до него!

– Чего он кричит? – спросил Егоркин.

– Не хочет новый станок делать... Сами сделаем... А что? Давай попробуем! Два станка сделаем, а ночью придем в цех и заменим. Снимем старые и поставим новые!

– А зажимы где возьмем?

– Зажимы я в инструментальном закажу. У меня там приятель работает... А откидывающее устройство снимем со станка, на котором «рукав» собирают. Я видел в отделе механика. Потом сварщика попросим приварить в обеденный перерыв зажимы к станкам...

Так и порешили. Маркин понимал, что ему не поздоровится, если их новый станок не подойдет для сборки бортовых. Причем влетит ему одному, Егоркину как новичку простят. И все же Антон хотел довести дело до конца. Уж очень казалась ему привлекательной затея Егоркина. Не может быть, чтоб хуже стало. Не может быть!

В тот же день Антон сбегал к своему приятелю Пономареву в инструментальный цех. Пономарев пообещал сделать зажимы. И сделал через три дня. За это время Маркин с Егоркиным нашли в отделе механика два станка для сборки «рукава», разобрали их, вынули откидывающее устройство, а остальное отнесли назад.

Еще через два дня, когда все было готово, Маркин с Егоркиным в обеденный перерыв погрузили в тележку нужные им детали и покатали в отдел механика к сварщику.

– Что это они затеяли? Неделю уже копаются, – ни к кому в отдельности не обращаясь, спросил инструктор Субботин. Он неторопливо перемешивал костяшки домино на боку урны, вокруг которой расположились рабочие. Были тут и Володя с Царевым.

– Они новый станок для сборки бортовых придумали, – пояснил Володя – Хотят заменить на конвейере старые..

– Как это заменить? Кто им позволит?

– Они самовольно. Сегодня ночью хотят прийти и заменить. – Володя придвинул к себе семь костяшек. – Думают, завтра начальство увидит в работе станок и даст команду все заменить!

– Ну и чудачки! Начальство им скорее по шапке даст!

Вечером Егоркин получил письмо от Кольки Скворца, а ждал от Вали. В последнем письме она опять писала, что Петька пристаёт к ней. И вот Колькино письмо! Получив его, Ванек почему-то забеспокоился. Распечатал тут же в вестибюле. Прочитал первые строки, потом сложил письмо, спрятал его в карман и стал медленно подниматься по лестнице. Сердце у него сильно колотилось. Егоркину не верилось, что Валя стала гулять с Чеботаревым. Нет! Колька чего-то не понял! Ванек остановился на лестничной площадке и прочитал письмо до конца. Скворцов писал, что видел своими глазами, как Валя ночью каталась с Петькой на машине. Он сначала не верил, что она станет с ним гулять, и даже поспорил, но проиграл.

Егоркин, подавленный, вошел в свою комнату и прилег на кровать. Ему было одиноко и обидно, захотелось, чтобы кто-то пожалел его, приласкал. За стеной слышен магнитофон. Пела женщина. Голос ее и музыка были печальными, но слов не понять. Ванек еще больше загрустил. Неужели Вале было с ним так скучно, что она забыла его, едва он покинул Масловку? Неужели ничего светлого не осталось в ее памяти от их встреч? Почему он, Егоркин, все помнит до мельчайших подробностей: и как сидели они в молчании ночами на скамейке у ее крыльца, и как возвращались из Дмитриевки солнечным днем напрямик по полю, по цветущей ржи, и оба по пояс были в цветочной пыли, и многое, многое другое. На душе у Егоркина становилось все тоскливей. Он оделся и вышел на улицу. Было уже темно. Возле входа в общежитие стояли две девушки. Они попросили вызвать из комнаты своего знакомого парня. Ванек хмуро скользнул по ним взглядом и молча прошел мимо, хотя раньше охотно откликался на такие просьбы.

Он медленно брел по улице, не зная и не думая о том, куда идет. Около кинотеатра остановился, рассеянно посмотрел афиши, потом направился к автобусной остановке, решив съездить к сестре. Но, дождавшись автобуса, передумал. У нее сейчас забот без него хватает. Колька Хомяков развелся с женой, и Варюнька готовилась к свадьбе. Ванек снова вернулся к кинотеатру и взял билет на последний сеанс. А после фильма поехал на завод.

Маркин с Егоркиным пришли на участок, когда вторая смена закончила работу. В цехе было непривычно тихо. Ни суетливого перестука молотков не было слышно, ни сердитого шипения прессов. Тихонько посапывал сжатый воздух, выходящий из неплотно соединенных шлангов, слышалась какая-то возня, непонятные вздохи, словно цех, приустав за день, вздыхал, охал, кряхтел, располагаясь на ночлег.

Маленькая, сухонькая старушка в старом халате, тетя Дуся, подметала пол метлой на длинной ручке. Ванек прокатил мимо нее тележку к отделу механика, где они оставили в углу новые станки, чтобы Набоков ненароком не наткнулся на них.

Когда они вернулись на участок, Маркин вытащил из-под стола большой ключ, приготовленный днем, расшплинтовал гайки, которыми станок был прикреплен к стержню, приваренному к ленте конвейера, и открутил их. Краном снял станки с конвейера и отнес в сторону. Егоркин молча помогал ему. Маркин опасался, что стержень окажется слишком коротким для новых станков и на него нельзя будет надеть гайку. Волнуясь, поднял краном новый станок и насадил его на стержень. Конец стержня с резьбой выглянул наружу. Порядок. Маловат только немного, но должен удерживать приспособление, подумал Антон. Когда на всем конвейере менять станки будут, тогда и стержни заменят, подлиннее сделают. Маркин был уверен, что все станки на конвейере сделают такими, как их.

Егоркин надел две шайбы на стержень и неплотно закрутил гайку, чтобы она не мешала вращению станка вокруг стержня. Зашплинтовать гайку было невозможно, не хватало длины стержня. «Ничего, один день выдержит и не зашплинтованная!» – успокоил себя Маркин. Егоркин крутанул станок рукой. Он нехотя повернулся.

– Не смазанный еще! – ласково пошлепал Антон ладонью по станку. – Свеженький!

Он включил конвейер и откинул станок назад, проверяя, не будет ли он в таком положении упираться в борт конвейера. Станок боком ткнулся в ленту.

– Нормально! – Маркин вздохнул с облегчением. – Жаль, деталей нету, а то бы собрали парочку бортовых, посмотрели, как теперь работается... Ничего, завтра увидим!

Они заменили второй станок и, довольные, отправились переодеваться. Тетя Дуся все еще подметала участок.

## 5

Утром Маркина, как никогда, тянуло на завод, в цех, к новым станкам. Завтракая, он все думал о том, как сборщики будут сегодня работать, как отнесется Набоков к их самовольству, что начальство скажет. В цех пришел рано, но переодевался в раздевалке не спеша, поджидал. Он решил прийти на участок, когда все уже соберутся, и начнут обсуждать новшество. Подходя к участку, он увидел возле конвейера всех сборщиков. И среди них Егоркина. На новых станках стояли корпуса бортовых передач.

– Ну и бандура! – смеялся бригадир-инструктор Субботин так, чтобы его слышал подхлывший Маркин. Он повернулся к нему навстречу и весело проговорил: – Мастер как увидел станок, так сразу к начальнику цеха побежал. Ну, Маркин, держись!

– Разве мастер уже был?

– Не был еще, – ответил Егоркин.

– А-а! Наложил в штаны! – хохотал Субботин.

– Ну, давайте посмотрим, что получилось, – сказал Антон.

Он включил конвейер, и сборщики, сменяя друг друга, начали опробовать новые станки. Катерина тоже подошла к конвейеру и с интересом наблюдала за рабочими. «Тарелка» теперь легко вставала на свое место. Удобнее стало работать еще на двух операциях. Только один сборщик, маленького роста, остался недоволен. Станок стал выше.

– Рационализатор! – улыбаясь, хлопнула Катерина Егоркина по спине, когда все одобрили новые станки.

Ванек лишь грустно улыбнулся. Спал он плохо и чувствовал себя вялым. Вчера ему так хотелось рвануть в деревню, разобраться. И он бы уехал, если бы Маркин не ждал его в цехе.

– Мастер идет!

Рабочие притихли, поджидая Набокова. Что-то он сейчас скажет?

– Что за митинг? – спросил, подходя, мастер.

– А вот! – Антон с улыбкой показал на конвейер и приготовился защищаться.

– Сделал-таки, мудрец! – сказал неожиданно для Маркина спокойно Набоков и покачал головой. Увидев собранные на новых станках бортовые, он понял, что сборщики уже попробовали на них работать, и спросил у бригадира-инструктора Субботина: – Ну и как?

– Вроде неплохо, – ответил Субботин. – Но пока еще рано окончательно судить. Работа покажет!

– Ладно, посмотрим, – сказал мастер, – в случае чего – выкинем... Возились-то долго? – с усмешкой обратился он к Маркину.

– Да нет...

– Ну, смотрите. – Набоков отвернулся и, как обычно торопливо, ушел.

Сборщики заготовили детали и начали подходить к конвейеру. Лента ползла вперед и, изгибаясь, уходила в яму, чтобы сделать оборот и вынырнуть с другого конца. Ванек закрутил машинкой все болты на бортовой, стоявшей на новом станке, и попробовал докрутить их ключом, но все они были хорошо затянуты. Готовые бортовые передачи Субботин снял краном с конвейера и положил на площадку. Оба новых станка ушли в яму. Егоркин с нетерпением ожидал, когда они вынырнут с другого конца конвейера, и можно будет собирать на них бортовые. Инструктор успел снять только пять бортовых, как лента вдруг дернулась, под конвейером послышался стук, скрежет. Лента дернулась еще раз, с усилием проползла немного и замерла. Сборщики прекратили работу, не понимая, что произошло.

– Мотор сгорит! – вскрикнул Маркин и бросился к выключателю.

Сборщики собрались в кучу там, где лента уходила в яму. Некоторые посматривали на Маркина как на виноватого, хотя никто не знал, что же случилось. Антон чувствовал беспокойство.

– А если назад попробовать? – предложил Егоркин.

Маркин осторожно, опасаясь, как бы не ударило током, нажал пальцем на кнопку, включил задний ход. Конвейер дернулся и снова застыл. Антон быстро ткнул пальцем в красную кнопку: выключил.

– А вперед? Может, теперь вперед пойдет? – предложил кто-то.

– Не трогайте! Слесарей надо... – советовал другой.

– Мастер где? Мастера надо позвать!

– Я за слесарями! – крикнул Володя и побежал в отдел механика.

Кто-то пошел искать мастера.

Антон откинул крышку, под которую убегала лента конвейера, и обнажил большую яму. На дне валялись прокладки, болты, гайки, шайбы, забытые на конвейере сборщиками и оказавшиеся в яме, когда лента делала оборот. Маркин хотел было спрыгнуть вниз, но Субботин ухватил его за руку.

– Не лезь ты туда! Слесаря разберутся!

– Я только взгляну... Может, это из-за нашего станка?

Маркин на четвереньках полез под конвейер, низко пригибаясь, чтобы не выпачкать голову, под буграми станков, висевших на стержнях. Холодная капля масла упала ему за воротник. Антон поежился. Но оттого, что он увидел под конвейером, у него от волнения задрожали руки. Новый станок зацепился за одну из железных стоек, на которых держался конвейер. Маркин попытался освободить станок. Но он был крепко зажат. Ломиком надо, решил Антон, и пополз обратно.

– Ломик найдите!.. Валик дайте! Валик... – догадался он, чем можно заменить ломик.

– Что там? Что случилось? – теребили его.

– Станок за стойку зацепился. Сейчас освобожу, – ответил Маркин, принимая валик из рук Егоркина. – Субботин, как только я дам сигнал, ты сразу включай задний ход!

С этими словами Маркин, взглянув, не видно ли мастера, снова полез под конвейер. Ему хотелось освободить конвейер до прихода Набокова. Антон сунул валик в щель между станком и стойкой и нажал на него.

– Включай! – крикнул он, всей тяжестью налегая на валик.

Конвейер дернулся. Валик вдруг вырвался из рук Маркина, и он ударился головой о стойку. Потом его с силой швырнуло вниз.

Конвейер работал. Лента на повороте, переламываясь на стыках пластин, плавно выплывала из ямы.

Субботин выключил и крикнул:

– Маркин, все в порядке! Вылезай!

Под конвейером было тихо. Сборщики испуганно переглянулись. Егоркин первым слетел в яму, за ним Царев.

Антон лежал на полу. Левую руку его, ближе к плечу, и часть груди закрывал новый станок, сорвавшийся со стержня. Егоркин попытался сдвинуть его с тела Маркина, но не смог. Царев на коленях подполз к нему. Они, мешая друг другу, кое-как столкнули станок и, ухватив Маркина под мышки, поволокли к выходу. Лицо его было какого-то бледно-зеленого цвета, что особенно, до содрогания, поразило Егоркина.

«Скорая помощь» пришла быстро. Маркина, так и не пришедшего в сознание, положили на носилки и увезли в больницу.

Конвейер стоял часа два, хотя довольно быстро удалось установить, что гайки, удерживающие станок на стержне, открутились, когда сборщики поворачивали бортовую нужной им для работы стороной. Ванек признался, что гайки не были зашплинтованы: стержень слишком короткий.

## 6

Вечером в общежитие к Егоркину пришли Викентьев и Галя Лазарева. В комнате они застали только Володю.

– А Егоркин где? – спросил Викентьев.

– Нету Егоркина! – хмуро развел руками Володя. – Уехал...

– Куда?

– Домой уехал! В деревню. Собрал чемодан и тютю! Все равно, говорит, из цеха теперь выгонят. А если, говорит, суд будет, вызовут. Адрес в отделе кадров есть...

– Я же говорила! – сердито сказала Галя Викентьеву, будто бы он был виноват в том, что Егоркин уехал.

Секретарь взглянул на нее, но ничего не сказал и обратился к Володе:

– И ты его не удерживал?

– Ну да, не удерживал! Полчаса бился... У него и в деревне неладно. Девчонка загуляла с его же приятелем... Вчера письмо получил! Вот и удержи его...

– Давно он уехал?

– Минут двадцать назад.

– А поезд у него когда?

– В одиннадцатом тамбовский уходит... – Викентьев взглянул на часы и скомандовал: – Живо собирайся! Должны успеть...

На вокзале они быстро выяснили, что билеты на тамбовский поезд кончились еще днем. Значит, билет Ванек купить не мог. Если не передумал ехать, то где-нибудь здесь околачивается, надеясь уговорить проводников взять его без билета. Ребята пошли по залам ожидания, высматривая Егоркина среди сидящих людей.

– Вот он! – воскликнула радостно Галя, указывая на дверь.

Егоркин, сгорбившись, шел к выходу с вокзала. Лазарева рванулась к нему, но Викентьев удержал ее.

– Не торопись!

Ребята стали наблюдать за Егоркиным. Он вышел на улицу и побрел к метро.

– Не надо его трогать, – сказал Володя. – Он, видать, одумался. Пусть возвращается один! Я пойду за ним, послежу, куда он поедет. А вы домой езжайте!

– Ребята, может быть, я сяду с ним в один вагон, и мы с ним будто бы нечаянно встретимся? – предложила Галя.

– Не надо! Он догадается... Так все испортить можно.

И Володя побежал к метро вслед за Егоркиным.

В комнате Ванек разобрал чемодан, повесил рубашки в шкаф, на прежнее место, и прилег на кровать. Он решил, что Володя ушел к своей девушке. Но тот скоро появился и явно обрадовался ему.

– Ну и правильно! – бодро сказал Володя. – Сгоряча можно столько глупостей наделать!

Ванек ничего не ответил. Ему было неудобно за свое мальчишество. Натворил, и в кусты...

– На девчонку плюнь! – говорил Володя, раздеваясь. – И писем не пиши, не унижайся! Пусть себе гуляет... Тут их, девчонок, пропасть! Хотя бы та же Лазарева... Кстати, они с Викентьевым приходили к тебе...

– Приходили? Зачем?

– Так... Поболтать!

– О Маркине рассказывали?

– Говорили...

– Как он?

– Ничего, очухался! Перелом руки у него...

## 7

На другой день Егоркина приказом по цеху перевели в «подметалы», как выразился мастер Набоков. Ванек получил метлу, совковую лопату, двухколесную тележку и отправился подметать двор цеха.

Подметать двор было легче, чем работать на конвейере, но угнетенное состояние не покидало его. Здоровый малый – и с метлой!

Лазарева нашла его и рассказала, что в цехе все утро работала заводская комиссия: новый станок испытывали. Говорят, инженер из отдела главного конструктора Маркина хвалил. Предложение, мол, дельное! Зря, говорит, только он ни с кем из технологов не посоветовался. И теперь вот его вместо награды наказание ждет... Набокова уже наказали, приказ висит: строгий выговор, и ста процентов премии лишили.

Через неделю Егоркина вернули в цех, на конвейер. Начальство решило, что его не за что наказывать. К тому же сборщиков не хватает. А что касается Маркина, то неясно было: наказывать его надо или награждать, поскольку все станки заменили новыми.

Ванек работал старательно, словно боялся, что его снова в «подметалы» переведут. К концу смены он уже ставил восемьдесят вторую «тарелку». Столько на прежних станках никто не собирал. Набоков несколько раз останавливался возле, наблюдал за Егоркиным, прикидывал, нельзя ли теперь сократить число сборщиков. Конвейер без Маркина работал не останавливаясь. Значит, одного человека можно перевести на сборку главной передачи, где людей не хватает.

Лента конвейера плыла и плыла перед глазами Егоркина. От обкатываемых неподалеку передач в ушах стоял шум, который напоминал звук работающего комбайна. И вот уже лента конвейера превратилась в полосу пшеницы на скошенном поле. Вспомнилось, как подбирал он летом валки на поле возле фермы и, проезжая мимо коровника, посматривал, не видно ли Вали. А когда увидел, посигналил и помахал кепкой. Водитель самосвала, поджидавший на краю поля, когда он наберет полный бункер зерна, решил, что Ванек зовет его, чтобы пересыпать зерно из бункера, и подъехал. Егоркин включил транспортер, начал пересыпать зерно в кузов машины, хотя еще не набрал под завязку, а сам спустился к подбежавшей Вале.

– Ты уже сам подбираешь? – спросила она.

– Сам! – гордо ответил Ванек. – Скворец обедать пошел!

Они спрятались за машину. Там Егоркин попытался обнять девушку.

– Не надо! – выскользнула она из его рук.

– Давай сегодня в кино не пойдем? – предложил Ванек. – Встретимся и погуляем! А то ночи короткие...

От воспоминаний Егоркина отвлек голос Катерины. Она стояла возле конвейера с Викентьевым и Володей. Комсомольский секретарь, видимо, о чем-то просил Володю, а он отказывался, порываясь уйти. Викентьев и Катерина его удерживали, продолжая уговаривать. Наконец Володя вырвался и побежал к передаче, которая отползла от него метра на два. Секретарь с недовольным и растерянным видом повернулся к Катерине. Она взглянула на Егоркина и что-то сказала секретарю. Викентьев тоже посмотрел на Ваньку и двинулся к нему с какой-то заискивающей улыбкой на лице. Катерина следом.

– Здравствуй, тезка, – сказал Викентьев. – Ты в волейбол когда-нибудь играл?

– Играл... в школе.

– Объявление видел? Наш цех сегодня с экспериментальным играет. На кубок завода! Мы уже в полуфинал пробились. А самые лучшие игроки сегодня во вторую смену. Ты сможешь после работы часик поиграть?

– Егоркин парень хороший. Он сможет! Я за него болеть приду, – улыбнулась Катерина.

– А куда идти-то?

– Мы собираемся возле цеха. Сразу после работы! – быстро проговорил Викентьев.

– Я приду. Но вы поищите еще игроков, может, кого получше найдете?

– Я Лазареву болеть приведу! – засмеялась Катерина, уходя.

– Приводи, приводи! Если не приведешь, я играть не стану! – крикнул шутливо Егоркин вслед.

Катерина обернулась, улыбаясь. О чем бы ни разговаривали с Ваньком, разговор всегда заканчивался Лазаревой.

Викентьев сумел-таки набрать команду. Вместе с Егоркиным в ней оказался и Царев. Когда все направились к проходной, Ванек услышал, как Царев сказал Викентьеву раздраженно:

– Кого ты набрал? С кем тут играть? Да еще против экспериментального?! Тебе лишь бы команду привести!

– Чего ты ворчишь? – ответил Викентьев. – Мог бы сам команду собрать. Я же просил тебя!.. Не все ли тебе равно, с кем проигрывать?.. Или ты надеешься выиграть у экспериментального? Да они же шесть лет подряд кубок берут...

Ванек в волейбол играл неплохо. Но сейчас волновался, особенно после того, как узнал, что даже секретарь не надеется на победу.

– Егоркин! – услышал Ванек крик, когда они вышли на поле.

Ему махала рукой Катерина. Они с Галей сидели под окном. Егоркин смутился и, пригнувшись под сеткой, торопливо перешел на другую сторону поля, все больше волнуясь.

Первыми подавали сборщики. Но игра у них не пошла. Они начали проигрывать всухую. При счете восемь – ноль Ванек понял, что в первой партии их может спасти только чудо. Среди сборщиков выделялись Царев и незнакомый Егоркину длиннорукий парень. Экспериментальщики играли самоуверенно, даже ухарски, на публику. Их игра болельщикам нравилась. Это чувствовалось по тому, как шумно приветствовали они каждый удачный удар экспериментальщиков. Никто с самого начала игры не сомневался, что в финал выйдут прежние владельцы кубка. И первая партия подтверждала это: сборщики проиграли со счетом четыре – пятнадцать.

Перейдя на другую сторону поля, Царев собрал вокруг себя команду, попросил Викентьева отдохнуть, заменил его запасным игроком, потом обратился к сборщикам:

– Ничего, ребята, не тушуйтесь! Впереди еще две партии. Если хотите выиграть, играйте на меня и Егоркина. И уверенней, уверенней действуйте! Они сейчас расслабятся, вот увидите! И эту партию продуют!



Экспериментальщики начали партию небрежно. Вероятно, считали, что игра уже сделана. И тут же за это поплатились. Егоркин с Царевым мяч за мячом приземляли на их поле. И выиграли!

Егоркин забыл в азарте и о Катерине, и о Лазаревой, лишь в конце второй партии, когда у сборщиков игра наладилась, он вспомнил о них и стал изредка бросать взгляды в их сторону. Он видел, как бурно ликовала Катерина после удачных подач сборщиков. Галя выражала чувства сдержанней, но, вероятно, тоже здорово переживала за сборщиков. В третьей партии они, почувствовав уверенность, играли страстно, легко. Но и экспериментальщики опомнились. Счет рос медленно, по очку, то в одну, то в другую сторону. И вот счет четырнадцать – тринадцать. Впереди сборщики.

Ванек тяжело дышал. Волосы его прилипли к мокрому лбу, майка – к лопаткам. В голове гудело от прилившей крови. Все внимание его сосредоточилось сейчас на соперниках. Они в напряжении ожидали подачи. Царев ударил тихо, лишь бы мяч через сетку перелетел. «Не стал рисковать! Молодец!» – отметил про себя Ванек

– Страхуй! – вскрикнул Андрей, бросаясь к сетке.

Ванек отскочил на середину поля. И вовремя! Рослый экспериментальщик, отлично игравший все три партии, взлетел над сеткой, вскинул правую руку для удара и тут же левой легонько перебросил мяч через руки Царева, подпрыгнувшего рядом с сеткой одновременно с ним. Но Егоркин был на месте.

– Ну! – вскрикнул он, передав мяч Цареву и передвигаясь к сетке.

Андрей идеально принял и подал мяч. Егоркин в высоком прыжке врезал по мячу с полуоборота и сразу понял, что взять его нельзя. Победа!

Царев схватил Егоркина в объятия и запрыгал с ним по полю, что-то кричал. Перед глазами мелькали лица. В голове стоял шум. Андрей выпустил Ваньку и два раза радостно ударил его кулаком в плечо. Потом они, обнявшись, шли по полю к выходу из зала, и Егоркин кричал Катерине:

– Подождите у входа! Мы быстро!

Но в душевой ребята мылись долго, возбужденно обсуждая самые острые моменты прошедшей игры. Счастливо-возбужденное состояние Егоркина постепенно стало сменяться беспокойством. Дождутся ли девчата? А вдруг они ушли? Он все нетерпеливее поглядывал на приятелей. Не выдержал и первым выскочил из душевой.

Катерина и Галя с Викентьевым ждали на площадке у чаши фонтана недалеко от входа во Дворец культуры. С ними были еще две девушки. Их Егоркин видел в цехе, но знаком с ними не был. Сборщики гурьбой подошли к девушкам.

– Секретарь, командуй! – весело крикнул Царев – Что дальше?!

– Идемте ко мне! У меня родители на второй смене, – предложила одна из незнакомых Егоркину девчат.

– Аида, братва, пока Иринка не передумала! – воскликнул Царев.

Сборщики двинулись по большим квадратным плитам площади мимо пустой чаши фонтана, выложенной внутри цветной плиткой, которая кое-где выглядывала из-под снега, освещенного голубоватым светом фонарей. За углом Дворца культуры Галя стала прощаться.

– Ты что? – подхватила ее под руку Катерина. – На тебя это не похоже! Никуда я тебя не пущу!

– Нет, ребята, вы простите меня. Я маме обещала сегодня пораньше прийти. Не обижайтесь. До завтра!

Галя высвободила руку и пошла по дорожке меж высоких тополей, замерших в вечерней тишине.

Егоркин проводил взглядом тоненькую фигурку в осеннем пальтишке. Фонари освещали ее, как показалось Ваньку, каким-то грустным светом. Он сразу почувствовал, что прохладно, и застегнул куртку.

Ванек уже не принимал участия в оживленном обсуждении игры.

– Ты почему не пошел ее провожать? – тихо спросила Катерина, отстав вместе с Егоркиным. – Иди догони!

Ванек повернулся и побежал назад. Догнал он Галя еще в парке, окружавшем Дворец культуры, возле стоянки, где сиротливо приткнулось к бордюру одинокое такси. Лазарева шла неторопливо, накинув длинный ремень сумочки на плечо. Услышав шаги за спиной, она обернулась.

– А-а! Это ты, – улыбнулась девушка.

– На улицах никого нет. Я подумал, тебе страшно одной будет, – стараясь держаться непринужденно, заговорил Ванек, сам удивляясь, откуда у него слова берутся.

– Мне тут недалеко. Я рядом живу. Все об этом знают!

– А я не знал...

– Вот в этом доме... На четвертом этаже. Во-он тот тополь видишь, который верхушкой касается окна рядом с балконом? Это мое окно.

– А ты, правда, торопишься? Может, погуляем? Вечер такой хороший!

– Я тоже люблю такие вечера! Люблю, когда тихо, луна светит и тепло. В деревне вечера лучше, да?

– К деревенским вечерам я привык. Мне казалось, что по городским улицам гулять интересней. В кино насмотрелся!

Галя улыбнулась. Они подошли к подъезду. Навстречу им из-за угла дома выкатил велосипедист. Егоркин удивился: на лыжах пора гонять, а этот все на велосипеде. Правда, асфальт был еще чистый. Велосипедист подкатил к ним и остановился. Он был в шерстяном спортивном костюме, в шапочке и перчатках.

– Привет! – бросил он весело и насмешливо. Дышал он глубоко и часто. Вероятно, гнал сильно по улице. – Это любопытно... Знакомь!

– Это Алеша, – повернулась Галя к Егоркину. – Брат мой! Мы с ним близнецы.

Иван вспомнил, что Маркин говорил однажды в столовой, что у Гали брат-близнец, велосипедист.

Лазарева познакомила брата с Иваном и добавила:

– Погоди меня в подъезде. Я сейчас...

Алеша неторопливо, устало повел гоночный велосипед к двери.

– Летом он каждый день по двести километров накатывает, – сказала Галя, когда дверь захлопнулась за братом. – И сейчас все тренируется... На Московскую Олимпиаду попасть мечтает. В олимпийскую команду тренироваться его не включили, молод еще, а он говорит: выиграю гонку Мира, включат...

– У тебя еще есть братья?

– Сестра Наташка, акселератка. В восьмом классе, а меня переросла... Мне пора, – вздохнула Галя, и Иван понял, что ей не хочется уходить. – Я действительно обещала маме прийти пораньше...

«А завтра ты тоже будешь занята?» – чуть не вырвалось у Егоркина, но он удержался, вспомнив о Вале. Нет! Нужно все выяснить. Может, Скворец что-то не так понял? Обязательно в субботу в деревню съезжу, узнаю все толком...

## Часть вторая. Алёша

### Глава первая

#### 1

— К каждому столбу притуляется! — вздохнула хмурая пожилая женщина с усталым обветренным лицом. Сидела она, ссутулившись, напротив Егоркина у чисто промытого дождем окна.

Вагон проскрипел уныло, старчески, дернулся и замер, застыл, словно задремал. Косые дорожки от капель дождя на стекле стали выпрямляться, редеть. Егоркин смотрел на мокрые черные стволы деревьев лесопосадки, тянувшейся бесконечно вдоль железнодорожного полотна, на потемневшие, набухшие водой клочки таявшего снега на траве и представлял, как он будет добираться под дождем, ветром по раскисшей дороге в своих ботинках двадцать пять километров до Масловки. Автобус теперь наверняка не ходит. Дорога расплзлась. Вся надежда на трактор или шальную в такую пору попутку. До Чуево-Подгорного асфальт, допрыгать можно легко, а дальше семнадцать километров по грязи с тяжелой сумкой. Варюнька колбасы, мяса, вермишели разной накупила матери, масла, маргарина, даже курицу венгерскую сунула. Раньше из деревни продукты везли, теперь в деревню. Оттянет сумка руки за дорогу. Надо рюкзак купить, за плечами легче. Помнится, прошлой зимой по твердому снегу да налегке эти двадцать пять километров почти за три часа отмахал. Но то налегке да по ровной дороге, а сейчас дай бог часов за пять доползти.

Поезд, как всегда, опаздывал. К этому привыкли и не огорчались. Те, кого встречали, гадали, на какое время опоздает — на час, на три, сколько томиться близким на вокзале. Егоркин тоже поглядывал на часы, прикидывал, сумеет ли добраться до Масловки до темноты, представлял, как обрадуется мать: два месяца не виделись, два месяца жила она одна-одинешенька. Какие, наверное, длинные да тоскливые были осенние вечера. И телевизор не спасал. В одиночку его тоже невесело смотреть. Не думалось как-то в Москве об этом. Своя суета, свои проблемы! И какой черт в город потянул?.. Иван стал думать, вспоминать, когда он впервые решил уехать в город, и с удивлением понял, что никогда он и в мыслях не связывал судьбу свою с деревней. С тех пор как начал думать о будущем, всегда видел себя в городе. Как это случилось? Почему? Что за сила выдергивает из деревни? Театры, музеи сманили, дворцы культуры, как пишут газеты? Ерунда! За два месяца в Москве он ни в театре, ни в музее ни разу не был, и не тянуло туда, а в заводской Дворец культуры сунулся — оттуда сразу поперли: нечего, мол, болтаться. Тишина там полная. Гулко. Ни души. А дворец хороший. Действительно, дворец. Колонны мраморные, стены размаленные... А через неделю после того, как его поперли из дворца, Егоркин прочитал в «Комсомолке», как какой-то комсомольский работник удивлялся, почему такие дворцы красивые отгрохали, а молодежь не идет в них. Руки чесались тогда ответить, что не пускают в них, потому и не идут: у каждой двери по три злые бабы в синих халатах торчат. Не прорвешься. Ни театры, ни музеи, ни дворцы никого в город не сманивали. Вранье! А кино и телевизор и в деревне такие же кино и телевизор. И бесхозяйственность деревенская, как говорят некоторые, ни при чем. Бесхозяйственность в деревне появилась тогда, когда хозяева в город удрали. Да и столкнуться нужно прежде с бесхозяйственностью, а потом уж бежать от нее. Не здесь собака зарыта. Не здесь. Главное ведь то, что мы еще мальцами мечтали о городе, еще мальцами нас от деревни отрезали. Не могло же вдруг все поколение, как чумой, городом заразиться. Отцы, деды жили в деревне, не в слад-

кие годы жили и не тяготились, не тянуло их в неведомые дали. Конечно, и среди них были те, кто покидал деревню, уезжал за счастьем в город. Но массового бегства не было. Что же случилось? Кому это было нужно – деревню оголить? Не могло же это случиться ни с того ни с сего. Вспомнилось, как учительница литературы, которая все случаи жизни объясняла словами Маяковского, говорила, когда сталкивалась с чем-то непонятным: если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно. Нужно было кому-то выдернуть нас из деревни, разметать по земле, лишить корней.

## 2

Егоркин не заметил, как поезд тронулся, покатил, мягко постукивая на мокрых стыках, не заметил, как прекратился дождь. Когда он в Уварове вышел на перрон, было сыро, зябко и уныло. Иван поежился, тряхнул плечами, разминаясь, и огляделся. Народ, выйдя из вагона, понуро и молчаливо разбредался по сторонам – одни вдоль вагонов – к переходу, другие – на площадь к автобусной остановке. Иван увидел на площади одинокий грузовик с крытым кузовом, решил, что кого-то приехали встречать, и с надеждой двинулся к нему, обходя лужи. Номер машины был незнаком, но вдруг по пути хоть километров пять. Напрасно надеялся Иван, – не по пути. Постоял он рядом с грузовиком, поглядывая, как разбредаются немногочисленные попутчики, вздохнул и решительно двинулся по мокрой, но твердой дороге. Была она когда-то засыпана щебенкой, машины разбили ее, растолкли, и теперь рытвины, колдобины заполнены мутной водой.

Идти по щебеночной дороге легко, если бы не тяжелая сумка, даже приятно шагать, приближая встречу с матерью, Валею. А нужна ли эта встреча Вале? – вдруг пришла мысль. Ждет ли она его? Как встретит? А как он сообщит ей, что приехал? А если из девчонок никто в клуб не ходит? Иван расстегнул куртку. Ветер дул в спину, подталкивал сзади. И был он не такой промозглый, как показалось сразу.

Машины изредка обгоняли Егоркина, шли навстречу. Он отходил на обочину, чтобы не обдали грязью. Пока не пытался останавливать. Машины местные. Но за городом, когда проходил мимо длинных приземистых зданий свиноферм откормочного совхоза, стал посматривать назад, не догоняет ли попутка, но машины сразу исчезли. Дорога стала хуже. Нужно было выбирать, куда ступать ногой, чтобы не зачерпнуть ботинком. Спустился с бугра в село Подгорное и пошел по улице. Избы здесь добротные, ошелеванные, выкрашенные, с железными и шиферными крышами. Село в километре от города. Многие живут здесь, а работают в Уварове. Химзавод вот он, рядышком дымит, на бугре. Двадцать минут прогулки – и в цехе.

Тихо на улице. Даже кур не видно, собаки из-под веранд выглядывают. Гусей и тех слякоть во дворы загнала. Сидят, молча смотрят по сторонам или под крыло носы засунули, дремлют, вспоминают летние дни, когда ватаги их были большие, гоготали, когда вдоволь, гонялись друг за другом в теплой воде. Тишина. И людей не видать: кому охота таскаться по грязи.

## 3

Магазин в Подгорном в противоположном от города конце, на самом выезде из села. Возле него всегда торчат летом машины, а трактора зимой. От Подгорного двенадцать километров до следующей деревни, да и дорога в стороне от нее пролегла, заворачивать надо, если в магазин приспело, а тут рядом проезжаешь, почему не остановиться. И продавец здесь женщина приветливая. Нальет – кланчить не надо.

Егоркин издали увидел две машины. Обе стояли носом на выезд из села. По пути! Егоркин заторопился. Чем ближе он подходил, тем сердце радостней колотилось. Знакомые

машины. Номеров только не видно издали, грязью заляпаны. Близко уж совсем был Иван, когда из магазина вышел мужчина и направился к машине, сзади стоящей.

– Эге! – закричал Егоркин и замахал свободной рукой. – погоди!

Мужчина оглянулся, остановился, стал ждать возле кабины. Егоркин побежал. Он узнал шофера. Был он из центральной усадьбы, из Павлодара. Иван не знал, как зовут его, но то, что он павлодарский, это точно!

– погоди! – задыхаясь, радостно крикнул еще раз Иван.

– Жду! – откликнулся шофер.

Егоркин смотрел на него, радостно было, что не топать пешком до Масловки, и не заметил, как появился в дверях магазина Петька Чеботарев. Увидел он его только тогда, когда Петька заорал радостно:

– Ванек!

Спрыгнул с порога и побежал навстречу. Обнял, похлопал по плечам, радостно спрашивая:

– Сбежал? Нароботался? Я знал, что ты сбежишь!.. Ну и правильно!

От Чеботарева сильно несло водкой. Видимо, только что в магазине махнул стаканчик.

– Я на денек...

– А-а! – так же радостно протянул Петька. – Давай сумку!..

Он взял и понес сумку к своей машине, бросил на ходу пожилому шоферу, который ждал Егоркина:

– Погнали, Панкратыч!.. Это Любаньки Егоркиной сын, Ванек!

– Понятно, – сказал шофер и полез в кабину.

– Соскучился по матери? – взглянул Петька на Ивана, открывая дверь кабины.

– Как она там? – спросил Егоркин.

– А че ей... Живет...

Егоркин очистил ботинки от грязи о подножку и сел на мягко хрупнувшее под ним сиденье. Машина Панкратыча прогудела мимо и покатила, погромыхая кузовом, на бугор. Приятно было Ивану влезать в кабину, приятно ощущать, что повезло сильно – до самого дома доставят. Бросок по асфальту до Чуево-Подгорного, а там за час доползут по грязи. Но как было бы приятней, если бы сидел он сейчас в кабине незнакомого ему Панкратыча. Петька завел мотор, выехал на асфальт и покатил вслед за машиной Панкратыча.

– Тут не дорога, а песня! – взглянул Петька на Егоркина. – А после Чуево-Подгорного поинему запоем... Говорят, возле Масловки у Киселевского бугра аммиачную станцию ставить будут, дорогу к ней заасфальтируют. Вот жизнь начнется!

Егоркин слышал об этом еще в Масловке, ничего не ответил Петьке, спросил о другом:

– В клубе-то как, бывает что?

– А что там бывает, режемся в домино да картишки... Чо там еще может быть?.. Сегодня школьники привалят из интерната. Набегутся! Галдеть будут...

– А Валька приходит? – спросил вдруг Егоркин и замер, ожидая ответа.

– Валька? – Петька чересчур внимательно смотрел да дорогу. – Ты, это самое... не огорчайся!.. Подумай сам... Армия... туда-сюда... Вечность! Ты жениться на ней сейчас не собираешься, нет! Ты в городе, она здесь! Ты же без девки сидеть не будешь?.. Она тоже человек... Поэтому не огорчайся и не осуждай ее... А я женюсь... Я в город не собираюсь. Нам здесь хорошо!.. До армии я хотел в город, но послужил – плюнул. Где родился человек, там и...

– Значит, правда? – перебил Иван.

Мокрый асфальт шипел под колесами. Кое-где он износился, потрескался. Машину трясло, когда колеса попадали в выбоины. Кузов погромыхивал. Видно было, как впереди грузовик Панкратыча притормозил, свернул и спустился на грунтовую дорогу, в грязь.

– Колька Скворец мне писал... – проговорил Иван после долгого молчания.

- А-а!
- А я думаю, почему она не пишет...
- А зачем? Оправдываться?
- Ну да!

Петька мягко свернул с асфальта, сменил передачу. Мотор завыл напряженной, машину стало водить по грязи из стороны в сторону, но все-таки двигались довольно быстро.

– погоди! – сказал Иван.

Чеботарев взглянул на него.

– Остановись!.. Передашь матери моей сумку с продуктами, ладно?

– А ты? – выключил скорость Петька, глядя на Ивана.

– Я вернусь... Скажи матери, на вокзале встретил... Скажи, на Новый год приеду, а сейчас... на одну ночь... нечего... А Вальке... Вальке... Ладно, пусть у вас все будет хорошо... Ты прав, у меня в Москве девчонка есть... Галя, Галя Лазарева! Ну, счастья вам! – Иван улыбнулся Петьке жалко и побито, выбрался из кабины и быстро пошел, утопая в грязи, к асфальту, не выбирая дороги.

Вышел на шоссе, оглянулся. Машины медленно удалялись. Разбитая черная дорога тянулась к серому горизонту, к дальней лесопосадке, темневшей рядом с бесконечной цепью телеграфных столбов. Горько было, обидно, стыдно... Ну да, все это он предчувствовал. Внезапно за болью и обидой почудилось ему неясное облегчение, освобождение. Не ехал ли он в Масловку с тайной надеждой убедиться в том, что Валя гуляет с Петькой? Машины удалялись... Вспомнилась мать. Застонал Иван. Она-то ждет, а он... Повернул назад, без сумки быстро дотопает до деревни. Сердце колотилось: Ва-ля! Ва-ля! Иван сел на пучок влажной соломы на обочине и ткнулся лбом в поднятые колени.

## 4

Галя слышала шаги матери и Наташи в коридоре. Мать сердилась. Она не могла что-то отыскать и ругала Наташу. Сестра отказывалась, громко говорила, что она не брала. Мать заглянула в комнату и спросила у Гали, не видела ли она платок.

– На кой он мне...

Галя вспомнила, что мать с отцом вчера вечером договорились съездить в Клин к двоюродной сестре отца.

Мать, ворча на свою память, вышла, но появилась Наташа. Она была моложе Гали, но выше ростом, плотнее, крепче. И характером сильнее, энергичней. Галя иногда дразнила сестру акселераткой, а Наташа в ответ обзывала заморышем.

– Ты долго валяться будешь?

– Иди отсюда! – нарочно сердито схватила Галя с пола тапок и замахнулась.

Наташа исчезла за дверью. Галя засмеялась, Наташа высунула голову из-за двери.

– «Утреннюю почту» проспичь!

Галя снова опустила руку с постели к тапкам, и голова Наташи скрылась.

Настроение у Гали было невеселое. Оттого-то и вставать ей не хотелось. Лежала, чувствовала себя больной. Вечером легла она рано, но заснуть не могла. В большой комнате долго смотрели телевизор родители с Наташей. Алеша, когда пришел с тренировки, заглянул к ней, спросил:

– А где твой баскетболист? Сегодня же суббота... Вы что, поругались?

Алеша с детства привык опекать сестру. Мать частенько говорила ему раньше, что он мужчина, а сестра его хрупкая, следить он должен, чтоб никто не обидел ее, защищать. В школе одноклассники, видя, как он коршуном налетает на того, кто дернет Галю за косу или поддразнит, скоро перестали ее трогать. А когда стали взрослеть и ровесники Алеши все чаще начали

поговаривать о девчонках, он просто взбесился, как говорила Галя, злясь на него. Увидит, как она разговаривает с кем-нибудь из парней, так чуть ли не в морду к тому лезет. Может быть, из-за этого Галя не встречалась ни с кем до Егоркина. А Иван Алеше понравился. Сначала, правда, прежняя ревность в нем всколыхнулась, но, увидев застенчивую улыбку Егоркина, когда Галя знакомила их возле подъезда, почувствовал почему-то, что Иван не сможет обидеть сестру, что он надежный, свой парень. Почему он решил, что Иван надежный, он объяснить себе не мог, но поверил этому ощущению. И в этот день, возвращаясь с тренировки, он искал глазами Галю с Иваном возле дома, но не увидел, потому-то и спросил ее о Егоркине.

– Иди ты, – буркнула Галя. – Спать хочу!

Но не спалось. Как только она вспоминала, что сейчас Егоркин, может быть, обнимается со своей деревенской девчонкой, ее охватывал озноб. Она сжимала зубы, боялась, как бы они не начали стучать. «А мне-то что? Мне-то что за дело? – спрашивала она себя в тысячный раз, чувствуя, как слезы щекожут щеку. – Ну и пусть!.. Я-то при чем? Что я для него значу?.. Помог у Царева деньги взять! Ну и что? Он справедливый, добрый! Он и Катерине бы помог... и любой другой! Провожал до дома? Но он же ясно сказал, что не знал, что я рядом живу... А если бы знал, пошел бы? Пошел бы или нет?.. У, длинноногий! – Галя всхлипнула и испугалась, прислушалась. За стеной по-прежнему спокойно мурлыкал телевизор. – Придет, не взгляну на него! – думала Галя. – И разговаривать не стану!.. Какая же я дура, дура! Реветь из-за деревенского жирафа... Ну, дура!» Страдала, казнила себя долго. Прикинулась спящей, когда пришла сестра и зашуршала платьем, раздеваясь.

– Наташ, – позвала она ее неожиданно для себя. – Иди ко мне!

– Ты чего? – Наташа испугалась, услышав необычный, наполненный страданием голос Гали.

– Иди...

Наташа подошла, белея в темноте длинной ночной сорочкой. Галя взяла горячей рукой сестру за локоть и легонько потянула к себе.

– Ложись ко мне... Иди... поплачем... – всхлипнула она.

Наташа притихла, поняла, что случилось что-то серьезное. Молча забралась к ней под одеяло.

– Ой, у тебя подушка вся мокрая! – шепнула она.

Галя, всхлипывая, перевернула подушку другой стороной, обняла сестру и уткнулась ей в плечо. Наташа гладила ее по волосам, по спине, а когда Галя затихла, шепнула:

– Ты что, влюбилась?

– Ага... – качнула головой Галя.

– А почему плачешь?.. Я, когда влюблюсь, все время смеяться буду...

Галя фыркнула, засмеялась, спросила:

– Даже... когда он к другой уедет?

– Зачем ему к другой уезжать? Я же его любить буду!.. А-а, вот ты из-за чего? Он что, к другой уехал? А зачем же ты его полюбила, раз у него другая есть?

– Не знаю...

– Ну, я в такого влюбляться не буду... На кой он мне... – В коридоре послышались чьи-то шаги, и Наташа замолчала. Когда дверь ванной стукнула тихонько, Наташа снова зашептала: – А кто он?

– Тоже сборщик... У нас работает... – Галя стала рассказывать о Егоркине.

Рассказала, как он из-за нее с Царевым подрался, как конвейер вместе с Маркиным переделал, как провожал ее из Дворца культуры.

Утром Наташа обращалась с сестрой как с больной, но, увидев, что Галя не думает подниматься с постели, не встала даже к завтраку, начала покрикивать на нее. Она вдруг ощутила себя старше и опытней Гали.

После ночного разговора с Наташей Галя чувствовала некоторое умиротворение, и хотелось длить, длить такое ощущение. О Егоркине вспоминала без боли, с грустью. Прислушивалась, как мать с отцом одеваются в коридоре возле двери ее комнаты. Когда входная дверь захлопнулась за ними, Галя сказала себе: «Надо встать!» – опустила ноги на мягкий ворс прохладного паласа и поднялась. Голова у нее легонько кружилась. Мышцы расслаблены, будто она действительно проболела, провалялась в постели неделю. «Так нельзя! Надо быть бодрей!» Галя еле оторвала ногу от паласа, пытаясь пробежаться на месте. Голова кружилась, перед глазами – круги. В коридоре звякнул телефон и умолк. Через мгновение задребезжал снова и дребезжал долго, длинно. Галя почему-то забеспокоилась, напряглась в ожидании. К телефону никто не подходил.

– Алешка, ты что, оглох?! – раздался крик Наташи.

– А ты?!

– Это тебя, мне некому звонить...

Телефон дребезжал. Кто-то прошлепал тапками к телефону.

## 5

Вернулся Егоркин в Москву рано утром. Ехал в общем вагоне, лежал на третьей полке, положив голову на теплую, обмотанную какой-то мягкой клеенкой трубу, ворочался, думал, заставлял себя вспоминать вечера с Валькой, но то и дело воспоминания эти размывались и всплывал недавний вечер, когда шли они с Галей по белой улице, и снег под фонарями поблескивал, светился, и голубые тени двигались рядом, удлиняясь, когда они отдалялись от фонаря.

Снега в Москве не было, дождь слизнул его мигом. Асфальт был в лужицах, мокрый и скучный. Ветви деревьев густо увешаны каплями. Машины шипели колесами. Водяная пыль сопровождала их.

Володя спал. Он поднял голову, когда Егоркин вошел в комнату, взглянул и снова уткнулся в подушку. Не удивился, не спросил, почему Иван вернулся. Видать, ночью наработался. Возле стола под лампочкой стоял чертежный станок с приколотым кнопками листом ватмана. Володя притащил станок из учебной комнаты общежития и, вероятно, чертил допоздна. Иван разделся и с наслаждением влез под одеяло, думая, что непременно позвонит днем Гале и пригласит ее... А куда он ее пригласит? В кино? А может, куда-нибудь поинтересней? А куда? В парке сейчас делать нечего. На хороший концерт надо билеты заранее покупать. В театр тоже... А что он наденет в театр? Свитер да джинсы, в которых он ночью катался по пыльной полке в поезде да таскался по грязи? Иван открыл глаза и взглянул на штанины. Джинсы висели на спинке стула возле кровати. Были в засохшей грязи. Ткань на стигах вытерта до белизны. В такой одежде по театрам не ходят, подумал Егоркин. Костюм надо покупать... А на него надо месяца два работать, пальто зимнее нужнее... Мать на свадьбу Варюньке поистратится сильно... При мысли о матери и сестре защемило сердце. Снова стал укорять себя за то, что вернулся, не доехал. И Варюнька ругать будет, когда узнает. Думая о сестре и матери, Иван уснул.

Проснулся от стука в дверь. Володя стоял у чертежной доски с карандашом.

– Сейчас! – хмуро откликнулся он и пошел к двери.

Недоволен, что оторвали от доски. Чертеж, наверно, требовался срочно. Иван отвернулся к стене, натянул на ухо одеяло и закрыл глаза. Он никого не ждал.

– Спит? – услышал Егоркин голос Андрея Царева, когда захлопнулась дверь за вошедшим. – Так всегда: мы спим, а где-то решаются наши судьбы!



Иван повернулся на спину, все равно теперь не уснуть, и кивнул Андрею. Царев направился к нему, держа в руке серый клочок бумаги. Он был немного возбужден, как всегда бывает, когда человек приносит необычное известие.

– В руках повестка, в сердце – грусть! С тобой прощался я! – пропел Царев и протянул листок Ивану.

Это была повестка в военкомат.

– Труба зовет! – продолжал Царев, улыбаясь. – Пора в поход, дружина в сборе!

Егоркин сел на кровати, сунул ноги в тапки.

– Труба зовет, – повторил он, соображая, что делать: к сестре ехать или позвонить Гале.

## 6

Трубка в руке Егоркина подрагивала. Он крепко прижимал ее к уху, с напряжением слушал протяжные гудки. Дома ли Галя? Что скажет? Как встретит? В первый раз он звонил по телефону Гале и вообще в первый раз звонил девушке. Трубку наконец-то сняли. Иван ждал этого с нетерпением, но от щелчка вздрогнул.

– Алло, вам кого? – Голос мужской.

Отец или Алеша?

– Галя можно?

– Сейчас... – Потом послышался отдаленный крик: – Галька, тебя!

– Кто? – совсем издали донеслось.

– Жених.

Сердце захолонуло. Может, его с кем-то спутали? Ждали звонка от другого человека? Захотелось бросить трубку...

А Галя, с бьющимся сердцем слушавшая разговор, замерев посреди комнаты, сорвалась с места и выхватила трубку у брата.

– Я слушаю!

– Галя, это я!

– Ты?! – радостный выдох.

И снова показалось, что его принимают за кого-то другого, и он уточнил:

– Я... Егоркин!

– Ты где?! Ты вернулся? – радость в голосе Гали не убавилась. – Когда?

– Утром... Я уже выспался...

– Как съездил?! Все в порядке?

– Как сказать... Это... как посмотреть! Думаю, в порядке... – Он засмеялся, и смех получился нервный.

– Ты где? Приезжай ко мне!

– К тебе?! – испугался Егоркин. – Сейчас?.. Я приду... Через полчаса приду...

Егоркин повесил трубку, вспомнил, что забыл сказать, что его призывают в армию. Ничего, там скажу. Он вытер пот со лба, пытаясь разглядеть лицо свое в стекле телефонной будки. Отражение смутное, расплывчатое. Брат у нее дома, родители тоже, наверно. Цветы надо бы купить. Но где их сейчас взять? Торт, лучше всего торт!.. Кулинария неподалеку от дома, где живет Галя. Иван выскочил из будки и побежал к магазину, думая, что по закону мировой подлости тортов там не должно быть. Но у закона этого были исключения.

Галя осторожно опустила трубку на аппарат и, улыбаясь, посмотрела на сестру, которая стояла у двери в кухню и глядела на нее.

– Он вернулся! – засмеялась Галя и вскрикнула, увидев себя в зеркале в ночной сорочке со спутанными волосами на голове: – Ой, он сейчас придет, а я – клуня!

Галя кинулась в комнату приводить себя в порядок. Алеша присвистнул, глядя ей вслед, и покрутил растопыренными пальцами у виска.

– Подрастешь, поймешь! – многозначительно сказала ему Наташа и пошла на кухню.

– Брысь, акселератка!

## 7

Егоркин поднимался по лестнице на четвертый этаж с тортом в руке и представлял с волнением, как он сейчас будет знакомиться с родителями Гали, вспоминал фильмы, в которых парни, придя в первый раз в дом родителей девушки, деревенели, слова вымолвить не могли, и подбадривал себя, готовился быть естественным и свободным.

Открыла Галя. Была она в розовом платье, волосы рассыпаны по плечам. Взглянула на него, блеснула глазами, отступая, чтобы он вошел. Он почувствовал жар на щеках и, немея от смущения, шагнул через порог, держа впереди себя торт. Галя взяла торт и сказала:

– Хочешь, разувайся, хочешь, так входи! – И указала на дверь комнаты.

Возле порога слева стояли тапки, вероятно, приготовленные для него.

– Я разуюсь! – пробормотал Иван.

Он скинул туфли, прислушиваясь, стараясь понять, где родители: на кухне или в комнате. Голосов не было слышно. В комнате, куда приглашала Галя, работал телевизор, Галя ждала с тортом в руке, когда он поменяет туфли на тапки и снимет куртку.

– Привет! – услышал Иван за своей спиной.

Егоркин выпрямился, сунул руку навстречу Алеше.

– Галя, я убываю! – Алеша снял свою куртку с вешалки.

– Счастливо...

– Наташка! – вдруг крикнул Алеша в сторону комнаты, где работал телевизор. – Ты сестру не смущай сильно!

– Молчал бы лучше! – донеслось оттуда. – Топай давай! Тренируйся!

Появилась девушка. Ростом она была выше Гали, но лицо детское. Наташа взглянула на Егоркина с любопытством и проговорила почему-то со снисходительной усмешкой:

– Здравствуйте.

Иван закивал растерянно.

– Вот уже и смутила! – засмеялся Алеша.

– Иди, иди! – насмешливо махнула рукой Наташа и взяла торт из рук Гали. – Я чай поставлю... – И пошла на кухню неторопливо и важно.

Алеша подмигнул сестре и выскочил из квартиры. Вся жизнь его была подчинена одному: Московской Олимпиаде. Сколько раз он видел себя в мечтах на пьедестале! Сколько раз слышал гимн Советского Союза в честь его победы! Но лишь один раз мелькнуло его имя в печати, когда он выиграл юношескую велогонку в ФРГ. Тогда, наверно, и специалисты не заметили. Никто не знает, что это была лишь первая ласточка, маленькая первая ласточка. В следующем году будут журналы на обложках печатать его портреты. Будут! Непременно будут! Будут его узнавать всюду, любить будут, указывать на него, когда он будет идти по улице, шептать: Алеша Лазарев! Алеша Лазарев!

Галя с Иваном направились в комнату. Галя впереди, Егоркин за ней, с нежностью глядя на ладно сидевшее на девушке платье, на мягкие русые волосы. По телевизору, вероятно, шла передача «Клуб путешественников».

– Чуть пораньше приехал бы, «Утреннюю почту» посмотрел... Сегодня хорошая была... Песен много... Садись! – указала Галя на кресло и вышла из комнаты.

Егоркин оглядел комнату, полированную стенку, знакомую, стандартную. Посуда под стеклом в серванте, книжный шкаф рядом. Коричневый палас на полу. Знакомая люстра боль-

шим желтоватым блюдцем с красными цветами. Иван стал глядеть на экран телевизора, прислушиваясь к тому, что происходит на кухне. И так мирно, покойно Егоркину, будто он был в этой комнате тысячу раз.

Услышав, как тихонько заскрипела дверь, Иван оглянулся и увидел большую голову пушистого серого кота. Кот, не мигая, смотрел на Егоркина своими зелеными глазами из сумрака коридора в щель приоткрытой двери, потом он, как показалось Ивану, подмигнул одним глазом и ухмыльнулся. Егоркин тоже подмигнул ему в ответ и засмеялся. Кот обернулся в коридор, словно проверяя, не наблюдает ли кто за ним, и решительно толкнул дверь головой. Она снова скрипнула, открылась шире. Кот поднял хвост вверх и, шевеля кончиком в такт своим шагам, важно и неторопливо двинулся к Егоркину. Весь вид кота: пушистая грудь, поднятая голова с длинными усами, взгляд, медлительные важные движения – были наполнены таким высоким кошачьим достоинством, что Егоркин едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Не засмеялся потому, что подумал, что кот обидится и вернется. Кот дошел до середины комнаты и сел, глядя с прежней усмешкой на Егоркина.

– Ну что? – спросил Иван у него дружелюбно. – Знакомиться будем? Я Иван Михалыч, а ты?

Кот снова оглянулся на дверь, поднялся, подошел к ноге Ивана и потерся ухом о штанину.

– Ну, вот и познакомились. Теперь давай дружить.

Егоркин взял кота с пола, посадил на колени и погладил по полосатой спине. Кот улегся у него на коленях и стал смотреть на экран телевизора. Показывали какую-то тропическую страну то ли в Африке, то ли в Южной Америке. Группа людей продиралась в джунглях сквозь заросли. Слышались резкие и тонкие крики птиц.

– Вот так, – одобрительно гладил кота по спине Иван. – Давай посмотрим, может, старшего брата твоего, тигра, покажут.

– Галя! – в коридоре раздался громкий вскрик Наташи. – Иди сюда, скорей!

Наташа распахнула дверь и смотрела на Ивана. Егоркин растерянно недоумевал: чего она уставилась? Он ничего не делал, сидит, как усадили.

Галя выбежала из кухни и тоже остановилась в двери.

– Смотри! – восхищенно указала ей Наташа на кота, который смотрел на них с удивлением.

«Что за переполох? – говорил его взгляд. – У нас тихо. Ждем, когда покажут моего брата».

– Он чужих не признает, – пояснила Галя Ивану с одобрительной улыбкой.

– Кот понял, что я не чужой, – засмеялся Егоркин и сказал, обводя взглядом комнату. – Как хорошо у вас.

– А что именно? – поинтересовалась Галя.

– Не знаю, – смутился он. – Все... Просто хорошо.

За чаем он сказал, что через десять дней уходит в армию. Галя онемела, растерянно глядела на него, словно ожидала, что он скажет, что пошутил, но Иван показал повестку.

С какой томительной нежностью, с каким счастьем и грустью вспоминал Егоркин под стук колес по пути в далекую Среднюю Азию, эти десять дней, проведенные с Галей. Счастливей не бывает человека! – думал он.

Разве есть на свете радость выше радости, которую дает взгляд, улыбка, прикосновение руки любимого человека?

## Глава вторая

### 1

Всю зиму восьмидесятого года Алеша Лазарев готовился к олимпийскому сезону, не жалел себя, времени, сил. Каждый день тренировки, тренировки, тренировки! Он верил, что наступает его время, верил, что попадет на Олимпиаду, верил, что выиграет шоссейную гонку. Но сначала нужно было выиграть отборочные соревнования на гонку Мира и стать ее победителем. А уж победителя велогонки Мира непременно возьмут на Олимпиаду. Так говорил Истомин, тренер Алеши. И Лазарев видел себя на гонке Мира, видел на олимпийской трассе в Крылатском.

И вот апрель, солнце, Сочи, глянцева зелень листьев магнолий, запахи моря, цветущей белой акации, выхлопных газов судебных машин, «техничек», автобусов, сбившихся в плотный ряд на площади перед квадратной громадой городского театра с тяжелыми колоннами со всех четырех сторон, и над слитным возбужденным гулом предстартовой круговерти спокойный голос радиоинформатора.

Алеша неторопливо крутил педали, катил по шоссе к площади со стороны гостиницы «Жемчужина», возвращался с разминки. Он слышал, как радиоинформатор называл имена знаменитых гонщиков. Алеша знал, что своего имени не услышит. «Ничего, через год назовут среди первых! – подумал он. – Непременно назовут!» Чувствовал он себя бодро, хотя волнение холодило грудь и ноги подрагивали от нетерпения, от жажды тяжелой и долгой работы, а в голове, как всегда от волнения, крутились беспрерывные одни и те же слова песенки: «Белой акации гроздь душистые спать не давали всю ночь напролет». Шоссе на повороте к площади выходило на крутой берег моря, поросший белой акацией. Сквозь редкие пока листья и цветы мелькнуло море. Вчера вечером, проезжая здесь, Алеша слышал, как волны шумели, накатываясь на берег, а сейчас шум волн заглушали голоса, музыка. Лазарев слез с велосипеда и покатил его по площади, придерживая одной рукой за руль, лавируя среди толпы гонщиков в разноцветных майках, корреспондентов, увешанных фотоаппаратами, любопытных болельщиков. Направлялся он к «техничке» команды, за которую выступал. Никто на Алешу внимания не обращал, никому он еще не был известен.

– Аркадий! – услышал он впереди себя радостный возглас и вздрогнул.

Голос был знакомый.

Алеша вскинул голову, остановился. Навстречу Аркадию Володину, капитану сборной СССР сквозь толпу пробиралась девушка в сером вязаном платье. Видел ее Алеша со спины и не мог понять, кто это. Он двинулся следом.

– Ты как сюда попала? – расслышал он среди гула толпы голос Аркадия Володина.

– В командировку... от журнала, – ответила девушка радостно. Она по-прежнему стояла спиной к Алеше.

– Да-а! Как же ты сумела? – голос у Аркадия сразу приобрел нежные и ласковые нотки, и Алеша подумал, не очередная ли это деваха Аркаши, но почему голос такой знакомый и почему он так взволновал его? Где он ее видел?

Лазарев слышал множество легенд о любовных приключениях Володина. Аркаша славился этим среди гонщиков. И тренеры не раз наказывали его за нарушение режима.

– Алеша! Алеша! – донесся крик.

Лазарев с досадой оглянулся и увидел возле «технички» сестру Галю рядом с белоголовым тренером Истоминим и механиком сборной Юрием Михайловичем Пухначевым, плечистым, высоким человеком. Галя махала обеими руками над головой и подпрыгивала, чтобы

обратить его внимание. У сестры был отпуск, и Алеша уговорил ее поехать с ним в Сочи, быть свидетелем его триумфа. Лазарев поднял руку, помахал сестре, показывая, что он слышит и сейчас подойдет, и направился к Володину и девушке. Он слышал, как она спросила торопливо:

– Где Шадров?

Володин указал в сторону радиофургона, туда, где были судьи. Среди них выделялся своей крупной фигурой и светлым костюмом главный тренер сборной страны Шадров Владимир Петрович.

– С тобой вечером поговорить можно? Я в тактике шоссейной гонки совсем не разбираюсь... – быстро проговорила девушка и, не оглядываясь, двинулась среди толпы к радиофургону. Алеша так и не увидел ее лица.

Володин смотрел блестящими глазами вслед девушке, улыбался. Алеше показалось, что сейчас он спросит: «Хороша бабенка, а?»

– Кто это? – Лазарев тоже взглянул в след девушке, которая подходила к радиофургону.

Аркадий повернулся к нему и, не гася улыбки, ответил:

– Журналистка... С ее мамашей года три назад... Экзотическая бабенка ее мамаша! Мальчиков любит до потери пульса... Но хороша собой, хороша. И дочка, ишь, какая уже! – Он задумчиво потер лоб. – Тоже хороша!

– Алеша, – подошла к ним Галя. – Тебе Истомин что-то сказать хочет.

– Лиса! – воскликнул радостно Аркаша, глядя на Галя.

Лазарева взглянула на него удивленно. Высокий белолицый парень со светлыми короткими волосами был ей незнаком. Но откуда он знает, что ее в детстве Лисой звали?

– Это сестра моя, Галя, – сказал Алеша Володину с каким-то неприятным ощущением. Не хотелось, чтобы Володин смотрел на сестру такими глазами, не хотелось знакомить их. – А это Аркаша Володин... Я тебе говорил о нем! – быстро добавил он, надеясь, что Галя вспомнит его рассказы о гонщике-бабнике, который никогда спокойно мимо девок не проходит.

– А мне ты не говорил, что у тебя такая сестра! – с упреком произнес Аркаша, растягивая слова и с особенным значением выделяя слово «такая». – И так на тебя похожа! Вы что, одногодки?

Алеша не ответил. Галя не заметила, что брат помрачнел, смотрела она на Володина. Ей было приятно слушать его. Во всей ладной, мускулистой фигуре Аркаши чувствовались спокойствие и уверенность в себе. И когда Володин спросил, не одногодки ли они, а Алеша не ответил, Галя не выдержала, засмеялась, говоря:

– Нет, хуже! Одночасовки!

Алешу неприятно поразил показавшийся ему неестественным смех сестры. «Закудасала, насадка!» – подумал он.

– Близнецы! – воскликнул Володин. – Вот это да! А ты молчал!

Алеша поморщился. Он понимал, что слова и изумленные вскрики Володина наигранны, и поражался, почему не видит этого Галя.

– Пошли! – взял он за локоть сестру.

– До вечера! – крикнул им вслед Аркаша.

«Ну, бабы! Ну, дуры!» думал Алеша с негодованием. Хотелось сказать сестре: Володин перед всеми рассыпается, каждой встречной лапшу на уши вешает, но только морщился, не зная, как поудобнее начать. А Галя испытывала почему-то такое же радостное чувство, какое бывало у нее, когда она вынимала из почтового ящика конверт, весточку от Ивана Егоркина: хотелось читать и читать бесконечно его ласковые слова. Служил он в пустыне, писал часто, но перед отъездом в Сочи от него девять дней не было вестей. Так долго он молчал впервые за полгода. Не случилось ли что с ним? Не в Афганистан ли отправили?.. С каким страхом ждала она письма, когда узнала, что по просьбе афганского правительства ограниченный кон-

тингент наших войск введен в Афганистан. Ведь городок-то, где служил Иван, был близ границы с Афганистаном. Но писал Егоркин из этого городка, и она успокоилась. Сейчас при мысли об Иване тревога шевельнулась в груди: почему так долго не пишет? Позвонить надо сегодня домой, нет ли письма. Двенадцатый день сегодня. А может, забывать стал, местная приглянулась? – с обидой мелькнуло в голове. И Галя неожиданно для себя поставила рядом Егоркина и Володина. Егоркин нескладный, застенчивый, угловатый, а Володин ловкий, литой, уверенный, в красной майке с гербом Советского Союза на груди, вспомнилось, каким особенным тоном он произнес: такая сестра. И почему он воскликнул: лиса?

– Почему у вас майки разные? – спросила Галя.

– С кем?

– С Аркашей...

– У него майка сборной... – буркнул Алеша.

– Алеша, ты что хмуришься? – встретил его Истомин возле «технички», на которой стояли гоночные велосипеды. Седые волосы Истомина, зачесанные назад, были взъерошены. Гляди бодрей.

– Я о другом... дела житейские...

– Все житейское вон!.. Важнее дела есть... Шадров заинтересовался тобой. Будет наблюдать... Действуй с умом!.. Знаю, как это важно – на первом же этапе обратить на себя внимание... и не разочаровать!..

А над площадью гремели слова:

– Товарищи водители! Напоминаем: судейские машины, пресса, медпомощь должны занимать левую сторону трассы, машины техпомощи – правую. Осевая линия должна быть свободна.

## 2

Ноги чуть подрагивали в ожидании выстрела. Алеша, пригнувшись к рулю, смотрел вниз, видел колеса, спицы, ноги гонщиков и почему-то остро чувствовал запах цветов белой акации. «Белой акации гроздь душистые...» Был Лазарев в самом центре группы, и главная задача для него на первых километрах этапа – пробиться в первые ряды. Иначе лидеры уйдут в отрыв, и будешь тащиться в хвосте до финиша.

Хлопнул выстрел. Дернулись, замелькали ноги, черные туфли, белые носочки. Поворот налево под уклон мимо мощных дубов, сквозь жиденькую весеннюю листву которых показалось на мгновение дымчатое зеркало моря. Зашипел асфальт. «Белой акации гроздь душистые...» Только бы не столкнулись впереди. Завал страшное дело! Ага, просвет! Алеша кинул велосипед между двух гонщиков, проскочил. Шоссе обогнуло здание гостиницы «Жемчужина» и круто свернуло направо к берегу моря. Гонщики на повороте, на спуске начали растягиваться, пошли не так плотно, обходить их стало легче. Скорость все возрастала. «Ничего, на подъеме буду в первых рядах!» – подумал Алеша. Шоссе выпрыгнуло на берег. Море ослепительно блеснуло в глаза, заискрилось, заблестело рябью волн. В белесой дымке на горизонте застыл белый пароход, замерла лодка с красным флагом на корме неподалеку от берега. Несколько человек в плавках стояли на пляже и глядели на гонку.

– О море в Сочи! – озорно выкрикнул кто-то из гонщиков.

– О Сочи в море! – отозвался другой.

Шоссе потянулось по берегу, отдаляясь от моря медленно. Лазарева обогнал гонщик в синей майке. Шел он, привстав на педали. Алеша узнал Трошина, известного спортсмена. Он однажды был победителем гонки Мира, не раз побеждал на других, но в этом году в сборную не попал. Возраст. Алеша кинулся за ним, пристроился сзади. Трошин оглянулся, улыбнулся, подбадривая. Лазарев обрадовался неожиданной помощи. Вдвоем они быстро выйдут

вперед. Трошин устал, опустился в седло, оглянулся и кивнул Алеше, показывая головой вперед. Алеша поднялся на педали. Теперь Трошин пристроился к нему сзади. Так, меняясь, прячась от ветра друг за друга поочередно, они минут через десять оказались в передней группе.

– Привет... Аркаша!.. – крикнул, тяжело дыша, Трошин Володину.

Алеша тоже запыхался и отдыхал за спинами, жадно хватая воздух ртом.

– А-а! Привет! – отозвался Володин, оглянувшись. Он дышал ровно, словно катил на прогулке.

– Бросить хотели... старых да малых... – проговорил Трошин. – Но нас из седла... не выбить... – Он подмигнул Алеше.

Лазарев промолчал. Не до шуток. Отдышаться надо, отдохнуть – и вперед. Километров через тридцать в горы сворачивать, неплохо бы еще до поворота в отрыв уйти с кем-нибудь вдвоем. Гонщики впереди все мощные подобрались, знают друг друга вдоль и поперек, а он новичок, неопасный. Отпустить должны!

Алеша отдышался, отдохнул и стал медленно выползать из середины, выбирая позицию для атаки. Глядел он на асфальт, опасался, как бы глаза не выдали его намерение. Ему не раз говорили, что все его переживания, желания отражаются на лице. Скрывать, сдерживать эмоции он еще не научился. За поворотом, очередным на длинном подъеме, Алеша рванулся, выскочил из группы и, пригнувшись к рулю, помчался вперед. Устав, оглянулся. На колесе сидел незнакомый Лазареву гонщик, за тем пристроился Аркаша, за ним еще и еще. Вся группа вытянулась в цепочку, но никто не отстал. Алеша разочарованно сбавил скорость. Через мгновение цепочка стянулась, и гонщики снова пошли плотной группой. Рядом с Алешей оказался Володин. Лазарев взглянул на него и огорченно улыбнулся.

– Не дергайся! – сказал Аркаша. – Силы в горах пригодятся, а то сдохнешь раньше времени...

– Пошли вдвоем... – предложил Алеша.

– У меня задачи другие, – усмехнулся Володин.

– Уйду один! – упрямо сказал Лазарев.

– Не рвись, говорят! – вмешался Трошин.

– Пусть гонит, – засмеялся Володин. – Ему сейчас все в новинку. Петушок!

Алеша стал пробираться вперед.

### 3

Судейская «Волга» свернула в горы, заплетая меж густых деревьев по серпантину шоссе наверх. Скорость гонки сразу упала. Шипенье асфальта под колесами перешло в шуршание. Громче стало дыхание гонщиков. Слышнее сердитое урчание судейской машины впереди, чириканье воробьев в кустах да шелканье соловья где-то в ущелье. «Пора!» – решил Алеша. Шел он третьим и рванулся из-за спины, встав на педали. Бросок его то ли был неожиданным, то ли никто не захотел рваться за ним, и Алеша один стал уходить вверх, отрываться от группы. Временами оглядывался, видел, как гонщики один за другим исчезали сзади за деревьями. И он остался в одиночестве, только судейская машина маячила впереди. Лазарев рвался за ней, но она не подпускала его близко. Захотелось отдохнуть, сбавить скорость, но Алеша не стал делать себе поблажки, знал, что тотчас его настигнут. Второй раз уйти будет труднее. Сзади послышался шум мотора. Догоняла черная «Волга». Догнала, из окошка выглянул Шадров. Он был за рулем. Выглянул, крикнул:

– Молодец, Алеша! Давай, не щади себя!

Лазарев попытался улыбнуться, радостно стало оттого, что Шадров имя его знает, и оттого, что сумел обратить на себя внимание главного тренера. Алеша, улыбаясь Шадрову, увидел мельком лицо девушки, сидевшей рядом с тренером, той самой, которая разговаривала

с Володиным. Она пыталась из-за Шадрова сфотографировать его. Лазарев успел заметить узкий шрам на ее подбородке с левой стороны возле уголка губ. И снова чем-то знакомым, родным пахнуло на него. Кто же это? Где же я ее видел? Не одноклассница ли бывшая? Алеша учился до седьмого класса в обычной школе, а потом перешел в спортивную. Но вспомнить кого-либо из знакомых девчонок со шрамом на подбородке Алеша не смог. «Волга» фыркнула и полезла выше. Заднее стекло отсвечивало бликами, по нему бежали тени ветвей. Ничего в машине разглядеть было нельзя.

С гор спустаться по бесконечному серпантину шоссе одному удобнее. Не нужно следить за гонщиками, опасаться, как бы кто не грохнулся на крутом повороте тебе под колеса, как бы кто на тебя не налетел, не сладив со скоростью. Одному хорошо! Ты – и мчащийся под колеса асфальт! Скорость, скорость!! Следи, чтоб на поворотах не слететь с дороги. Скрипели тормоза у судейской машины впереди, скрипели тормоза у «технички» сзади. Догнала она Алешу почти на перевале. Судьи разрешили идти за Лазаревым. Он – лидер! Мало ли что может случиться с велосипедом на спуске. И молил теперь Алеша об одном: как бы прокола не было либо другой поломки. Остановишься – мигом настигнут гонщики. Кажется, море синим пламенем блеснуло, скоро дорога ровная. Последний поворот. Уф, пронесло! Теперь выдержать, выдержать одному! Не сбавлять скорости! Ветер цеплялся за майку, давил в голову, сдерживал. Сейчас бы вдвоем, передохнуть бы малость за спиной. Алеша оглянулся. Может, кто идет за ним. Тоже мучается – подождать; но шоссе сзади было пустынным. «Техничка» подошла к нему вплотную, и Истомин крикнул:

- Еще тридцать километров! Выдержишь?
- Не знаю! – выдохнул Алеша.
- Потерпи – и ты лидер! Лидер! Понимаешь?!

Алеша привстал на педали, снова попытался прибавить скорость. Мелькали деревья, дома, мелькали люди, стоявшие на тротуаре. В ушах у Алеши шумело. «Белой акации. Белой акации...» Ох, и длинен же ты, город Сочи!

Снова догнала «техничка», снова Алеша услышал крик Истомина:

- Догоняют! Прибавь!

«Прибавь! Куда же прибавлять!.. Тебя бы на мое место!» – подумал Алеша с обидой и вспомнил, что был на его месте Истомин, да еще как был. Оглянулся. Действительно вдали на шоссе маячили гонщики, алели майки. Снова поднялся на педали. «Белой акации гроздь душистые...» Но ноги стали деревянными, и ветер злой давил на голову, в живот. Откуда он взялся, тихо было с утра. И листья на деревьях вроде не колышутся. Пот заливал глаза. Майка к спине еще на горе прилипла. Опять оглянулся Алеша. Гонщики ближе. Как электричка идут. Неумолимо! Не уйти от них! Не уйти! Но давил, давил Алеша на педали. Не сдамся! Не сдамся! – стучало в голове.

- Алеша! – кричал Истомин. – Отдохни! Не уйти одному! Сбавь! Отдыхай!

Опустился Алеша на сиденье, стал медленнее давить на педали. То ли пот лился по его щекам, то ли слезы. Вытер он тыльной стороной ладони лицо и больше не оглядывался, вслушивался в шум по сторонам дороги. По крикам болельщиков догадывался, как настигает, накатывается на него караван. Накатил, проглотил... Лазарев пристроился сзади. По сторонам не глядел, опасаясь увидеть насмешку на лицах гонщиков. «Ну что, мол, сопляк, допрыгался?»

Перед финишем бросился за рванувшимися из группы гонщиками, но силы не те, порасстратил: не удержался, отстал и, огорченный, финишировал одним из последних в группе. Остатившаяся, видел, как обнимали Володина.



## 4

К вечеру пришел в себя Алеша, успокоился малость. Истомин убедил его, что главную задачу он выполнил: обратил на себя внимание специалистов. Пусть первым не пришел, но лидировал-то в одиночку пол-этапа, а это под силу не каждому, пять этапов впереди, надо не расстраиваться, а думать, как завтра победить.

Алеша стоял на просторном балконе, облокотившись о перила, с грустью смотрел с высоты четвертого этажа гостиницы на тускнеющее море, смотрел, как медленно меркнет солнце, опускаясь к туманному горизонту, как медленно ползет по тихой воде пароход, смотрел на пальмы внизу, на молодые банановые деревца, листья которых были похожи на листья хрена, на отдыхающих, прогуливающихся по тротуару на высоком берегу. Людей было мало, не сезон. До купания в море еще далеко, месяца полтора ждать, пока вода прогреется. Гуляли, сидели на скамейках пожилые люди. Молодежи среди них почти не было. Если где увидишь парня или группу парней, то без труда узнаешь своих братьев гонщиков. Но вот парочка вышла из гостиницы и направилась к спуску на набережную. Алеша замер, узнал Володина и ту девушку. Аркадий в своем ладном голубом спортивном костюме. Алеша знал, что на груди футболки герб Советского Союза под широкой белой полосой, наискось пересекающей грудь от плеча к животу.

В костюме этом Аркаша был особенно хорош: настоящий спортсмен, мужественный герой с экрана. Володин знал это и на сборах ли, на соревнованиях всегда выходил в нем к девушкам. Спутница Володина платье свое шерстяное сменила, была теперь в джинсовой юбке и кофте, как и платье, серенького цвета. Алеша проследил за ними, и когда они скрылись, спускаясь по ступеням к морю, бросился к телефону. Он знал, что Галя сейчас в своем номере. Она только что звонила домой и рассказывала ему по телефону, какие в Москве дела.

– Галя! – крикнул он в трубку. – Собирайся!

– Куда? – удивилась его напору сестра. – Что случилось?

Алеша понял, что выдал свое волнение, и уже спокойнее, сдерживая себя, проговорил:

– Ничего не случилось... Просто погулять захотелось возле моря! Нервы успокоить под плеск волн... Собирайся!

– Я готова. Заходи...

Спускались к морю. Алеша еле сдерживал себя, чтобы не броситься на поиски Володина и девушки. Хотелось скорее узнать, что это за журналистка, где он ее видел, но не хотелось выдать возбуждение свое. Он похлопывал рукой по бетонному парапету, зорко вглядывался в гуляющих по набережной и думал, в какую сторону пошли Аркаша с девушкой – к центру или из центра, а то ведь разминуться можно. Вдоль дорожки росли невысокие южные деревья: шар с острыми листьями на ножке, Галя прикоснулась к кончику листа и отдернула руку.

– Ой, как иголка!.. Это пальма?

– Кто ее знает, – ответил Алеша и радостно дрогнул, увидев голубой костюм Володина.

Аркаша и девушка шли тихонько вдоль пляжа по направлению к центру города.

«Теперь можно не торопиться!» – вздохнул про себя Алеша.

– Смотри! – показала Галя рукой вперед.

Алеша решил, что она увидела Володина. Он с девушкой повернули назад и шли теперь навстречу. Но Галя показывала на деревянного Нептуна. Он стоял у парапета, отделяющего пляж от тротуара. Мастерски сделанная из корневищ деревьев огромная бородастая голова с железной короной, вытянутая в сторону рука с большим железным трезубцем.

Аркадий с девушкой приближались. Володин слушал спутницу: она ему что-то оживленно рассказывала, а он как всегда мило улыбался, чуть наклонив к ней голову и поглядывая

вперед. Галя при их приближении как-то замерла, притихла. Аркаша увидел их, улыбнулся шире, воскликнул радостно:

– А-а! Гуляем. Добрый вечер!

А Лазарев смотрел на девушку. Он узнал ее и прошептал тихо:

– Света... Светка!

– Алешка! Соня! – вскрикнула девушка. – Это же Соня! – дернула она за руку Володина. – Это он мне шрам посадил! – схватила она себя за подбородок. – Он! Я тебе только что рассказывала!.. Понимаете, я только что Аркаше про шрам рассказывала! Он спросил, а я рассказывала! А тут он... ты... – возбужденно взглядывала Света то на Галю, то на Алешу. – Это он твой брат? Да?.. Как здорово!

Алеша растерянно посмотрел на сестру:

– Вы знакомы?!

– Да, мы в одном номере... – все так же возбужденно и громко, захлебываясь, говорила Света. Она повернулась к Аркадию. – Я тебе говорю, знаешь ты Соню, – и снова Алеше: – А он вспомнить не может. А я фамилию твою не знала... А Лазарев это ты! Мне Шадров уши прожужжал: Лазарев, Лазарев! А это ты!

## 5

Лето после седьмого класса Алеша провел в спортивном лагере. Прозвали его там Соней: он в первый же день, устав на тренировках, уснул во время отдыха на берегу озера.

В лагере к нему впервые пришло чувство, которое не минует ни одного человека. Он полюбил. В какой она школе училась, он не знал, да и неважно это было тогда ему. Знал, что зовут ее Света, знал, что гимнастка. Впрочем, то, что она гимнастка, да и не особенно перспективная – тринадцать лет для гимнасток возраст солидный, – тоже ему было неважно. Важно было видеть ее в столовой, на озере во время отдыха, а особенно вечером на танцах, которые устраивались иногда прямо на улице. Танцевать ее приглашать Алеша не решался, танцевал с другими, но, танцуя, искал ее глазами, мучился, ревновал, когда кто-нибудь из парней слишком вольно обращался с ней, и она не сердилась. Взглядами встречались часто и в столовой, и на танцах. Он вспыхивал, опускал глаза и никогда не видел, не знал, как смущают ее его взгляды. Однажды, когда все были на пляже после обеда, а Света дежурила по столовой, убирала и мыла посуду, он собрал в лесу кулечек земляники и принес ей. Шел по столовой, ступая сделавшимися вдруг непослушными ногами. Она вытирала столы. Он подошел, положил на влажный стол кулек. Из него выкатились две неестественно алые от белизны стола ягодки и покатались на пол. Алеша буркнул хрипло, голос пропал: «Земляника!» – и нырнул в распахнутую дверь из душной столовой. До вечера мучился, что неловко вышло с земляникой, мучился, не зная, как отнеслась к его подарку Света, представлял, как она швырнула кулек в помойное ведро, куда смахивала крошки со стола, и не знал, показываться ему сегодня на танцы или нет. Но пришел. Пришел, увидел, как радостно заалели щеки Светы, как смутилась она, когда он взглянул на нее, а когда объявили белый танец, она вдруг подошла к нему...

Но на другой день на тренировочной гонке на лесной дороге на спуске Алеша, мчавшийся с огромной скоростью, врезался в Свету. Она скатилась с высокого бугра на шоссе и попала под его велосипед. Он сломал ключицу, она – ногу, разбила лицо... и больше он ее не видел.

Схлынули первые, обычные при такой встрече вопросы и восклицания, улеглось немного возбуждение, и все четверо двинулись по набережной дальше. Аркаша коснулся легонько руки Гали, качнул головой: отстанем, мол, оставим их вдвоем, не будем мешать! Они замедлили шаг. Алеша со Светой не заметили, что они отстали, не до них было.

– А как же ты приехать смогла корреспондентом, учишься на журналистку? – спрашивал Алеша.

– Мать организовала! – засмеялась Света. – Она у меня что хочешь устроит... Спит и видит меня журналисткой... Я в МГУ пыталась, но не удалось... Да ладно обо мне, еще наговоримся. Мне кучу материала нужно собрать о гонке, а я в ней ничуть не разбираюсь!.. Расскажи: почему ты в гору ушел от всех легко, а на ровной дороге тебя догнали?

– На подъеме сильному гонщику уйти проще. В горах командная борьба бесполезна... Надежда только на себя, на свою силу! А на равнине уйти одному нельзя. Вся команда должна на лидера работать! Гонку контролировать... – Алеша замолчал, вспоминая неприятные минуты, когда он бессилён был уйти от настигающего его каравана.

– А как контролировать?

– Допустим, мы с Аркашей в одной команде. Он атаковал и ушел. Я тут же занимаю место впереди группы и снижаю скорость, а сам слежу за соперниками. Им-то хочется догнать Аркашу! Как только кто-нибудь рванется догонять, я к нему на колесо и прячусь за его спиной от ветра. Он рассекает воздух, мучается, а мне легко за спиной. Он устал, уступил мне место, и я снова еле кручу педали, сдерживаю его, а Аркаша уходит и уходит...

– Почему же тогда тебе не помогали? – удивилась Света.

– Из нашей команды никого в первой группе не было... Да и уметь нужно контролировать, ведь рядом-то едут тоже не дураки. Если бы Аркаша был со мной, меня бы не догнали. Он мастер контролировать! Большой мастер!

На причале, мимо которого они проходили, на самом конце, далеко выдающемся в море, сидели рыбаки. Один из них, видимо, поймал хорошую рыбку. Его окружили, и что-то говорили громко. Голоса их доносились сквозь шум моря. Света посмотрела в сторону рыбаков, потом оглянулась на Аркадия с Галей и, понизив голос, спросила:

– Слушай, а почему его капитаном выбрали? Он же, я знаю, ни одной крупной гонки не выигрывал?

– Ну и что? Он командный боец. Он не финишер, да и в горах не силен. А это совсем разные грани... Кстати, я тоже финиширую слабо, я горный боец и темповик... Я же говорил тебе, что одному выиграть гонку нельзя, каким бы ты сильным ни был. Это все равно как, ну, например, один бы футболист играл против целой команды. Выигрыш невозможен! Вся команда должна быть сильной, и главное в гонке, наверное, работать на команду, поэтому его и капитаном выбирают. – Алеша замолчал, улыбаясь, и спросил: – Что тебя еще интересует?

– Мамаша моя у Аркаши дома была. Говорит, у него полно лавровых венков. Откуда же они у него, если он их не выигрывал?

– У команды все призы общие... После гонки их делят поровну. Кто их выигрывал – все равно! Собираются гонщики с призами в одной комнате. Один к стене отворачивается, другой указывает на приз и спрашивает: кому?

– Значит, кто выиграл венок, может его и не получить?

– Конечно! Бывает, что венка меньше всего заслуживает тот, кто выиграл... Я однажды видел, как гонщики ЦСКА наказали своего. Он весь этап в хвосте отсиживался, к финишу свеженький пришел, а там в атаку, за венком! Его свои же догнали, окружили и задержали! Другая команда выиграла, но для всех урок...

Они прошли мимо Нептуна. Алеша кивнул в его сторону с улыбкой. Света ответила.

– Я уже видела! – и спросила: – А сколько гонщиков в команде?

– Шестеро. Сейчас просто отборочные. И командная борьба не так сильна. Каждый хочет себя показать. А на гонках, где есть командный зачет, там – страсти!.. В зачет идут результаты не всех шестерых, а только трех гонщиков из команды, тех, кто первым пришел на этапе. Там, как в шахматах, тысячи вариантов. Вот где борьба!

– Значит, скажем, в гонке десять этапов. Кончается она, результаты первых троих складывают и выясняют, какая команда победила?

– Нет, – улыбнулся Алеша. – После каждого этапа считают. Сегодня я пришел третьим в нашей команде, мой результат засчитывается, завтра – четвертым, не считают ни мой, ни пятого, ни шестого, а только первых трех. Нужно, чтобы побыстрее пришли три гонщика, а другая тройка команды хоть в последних рядах, это для команды не важно, важно только для самого гонщика, для его личного результата. А те, кто последними пришли, бывает, больше сил тратят в борьбе, готовят победу, чем те, кто первыми пришли, потому-то и делят призы поровну...

– А ты завтра снова будешь атаковать?

– А как же. Может, с кем из сильных вдвоем-втроем уйдем. Иначе мне не выиграть отборочных. Не выиграю здесь, на гонку Мира не попаду. Гонку Мира не выиграю, на Олимпиаду не попаду. Видишь, как все взаимосвязано. Мне непременно нужно завтра выиграть! И я выиграю!

## 6

Ночью в номере своем девушки долго не спали, разговаривали. Света возбужденно, прерывая себя то смехом, то восклицаниями, рассказывала, как она, тринадцатилетняя девчонка, влюбилась в Алешу. Они вместе были в спортлагере. Влюбилась потому, что он с нее глаз не спускал. Подружки это сразу заметили. Она тоже стала искать его глазами, думать о нем и влюбилась. Страстно мечтала, чтобы он ее пригласил танцевать, а он не подходил, танцевал с другими. Но когда она была дежурной по столовой, он принес ей кулек земляники, принес и убежал. От счастья она не удержалась, рассказала подружкам, а те заставили ее вечером пригласить его на белый танец. Они молча танцевали весь вечер, а потом она от счастья всю ночь не спала.

Утром гонщики тренировались в лесу. Девчата были свободны, сидели возле лесной дороги на бугре, почти отвесно спускавшемся к асфальту. Ей не терпелось увидеть Алешу, узнать, впереди ли он, не обогнали его? Она тянулась, стараясь увидеть, как появятся из-за деревьев гонщики. А когда они появились, стремительно приближаясь под горку, она не удержалась, свалилась с бугра и надо же – прямо под колеса Алешинного велосипеда. Ногу сломала. Спорт после этого побоку, да и гимнастика была никудышная. Месяц в больнице пролежала, а потом в школу.

Галя ее не перебивала, поддерживала, где смешком, а где восклицанием. «Да! Неужели! Да ты что!» Но слушала вполуха. Мучило свое. Вечером звонила домой, письма от Егоркина все нет, двенадцатый день. Но не только это было причиной беспокойства: гуляя с Аркадием, она чувствовала, что нравится ему. Восхищенные глаза его, интонация, с которой он обращался к ней, говорили об этом. Да он и не пытался скрыть своего очарования. Рядом с ним Галя почувствовала себя уверенней, впервые почувствовала, что она хороша, что ею можно любоваться, что она, если пожелает, сведет с ума даже такого красавца и уверенного в себе человека, как Аркадий. Ей льстило его внимание, и она даже пыталась кокетничать. И теперь ей было стыдно. «А как же Ваня? – думала она о Егоркине. – Ведь я забыла о нем!» И тут же успокаивала себя: какая беда в том, что она погуляла часик с другом брата. Ведь не на свидание же к нему она пришла? Случайно встретились на набережной. Если бы Света с Алешей не знали друг друга, они бы прошлись вчетвером, поговорили и разошлись. И все!.. «Нет! Нет! Напрасно я лгу себе! Зачем себе-то лгу? Ведь мне было хорошо с Аркадием не как с другом Алешки. Не как с другом!.. Господи, меня так любит Ваня!.. Где он теперь?.. Почему от него нет писем? Может, я здесь мучаюсь, а он загулял? Гуляет с девчонкой, посмеивается надо мной, а я разнюнилась...» Гале стало жалко себя. Она почувствовала, как слеза защекотала щеку, медленно сползая на подушку. В комнате был полумрак. С улицы доносился шум машин. Изредка под окнами останавливалось такси. Хлопала дверца, слышались голоса. Внизу была стоянка.

– Свет, а ты была хоть раз потом счастлива вот так, как в ту ночь... после танцев с Алешей? – спросила Галя

– Счастлива?... Я как-то не думала... А ты знаешь, действительно со мной никогда ничего подобного больше не было! Да, не было!

Они замолчали и молчали долго, пока Галя не спросила о другом:

– Ты давно с Володиным знакома?

– С того как раз дня, когда я под Алешин велосипед попала... Аркаша тоже в лагере был. Я и раньше видела его, но он старше нас лет на пять. Тогда он школу закончил и тренировался у Истомина, в институт готовился. Володин с Истоминным меня в больницу сопровождали, Аркаша за мамашей ездил. А потом он с мамашей сдружился... Почти год неразлучными были. Он часто к нам приезжал, подарки привозил... А что ты о нем спрашиваешь? Понравился? Он всем нравится, – засмеялась Света, делая ударение на слове «всем».

И по тому, что Света выделила это слово, Галя решила, что словом «всем» Света заменила слова «и мне», и сказала поспешно:

– Ну что ты! У меня парень есть! Я люблю его, и он меня любит. Ты почитала бы его письма, его слова... А что Аркадий? Аркаша не по мне... Мне такие совсем не нравятся...

– А где он, парень твой?

– В армии...

– А-а! Ты знаешь, Галь, у меня тоже парень есть. И он мне предложение сделал. Замуж зовет!

– Да-а? – удивилась Галя. Она подняла голову над подушкой и посмотрела в сторону кровати Светы. – А как же Алеша? – вырвалось у нее. Она сама поняла нелепость вопроса.

– Это же давно было! – Света засмеялась. – В детстве. Я уж и забыла об Алеше... Нет, не забыла! – добавила она поспешно. – Вспоминала иногда... Но я не думала, что увижу его когда-нибудь.

– И ты согласилась... замуж?

– Нет еще. Сказала, подумаю.

– А кто он?

– Журналист. Редактор отдела в молодежном журнале. Это он с мамашей командировку мне сюда организовал... – Света о любви своей к Алеше рассказывала эмоционально, играла голосом, а сейчас говорила без интонаций, говорила, как о каком-то скучном предмете. И тон ее сказал Гале больше, чем слова – Он вообще-то хороший. Мамаша говорит, перспективный, с ним, говорит, мне забот не знать... Жених он завидный. Зарплата хорошая, машина, квартира, дача, не жених – мечта!..

– Да-а! – удивилась Галя. – А сколько же ему лет?

– Тридцать.

– Смотри-ка, не старый еще, а все есть.

– Он коренной москвич. Родители помогали.

– Чего же ты не соглашаешься?

– Да ну его! Какой-то он занудливый... и скользкий...

Они снова замолчали надолго.

– Свет, ты не против, если я настольную лампу включу?. Письмо напишу! – спросила Галя.

– Включай! Все равно не усну... Столько впечатлений за день! Обдумать надо... Ты своему писать хочешь?

– Ему, – улыбнулась Галя смущенно.

– Только об Аркаше не пиши – заревнует...

– Непременно напишу! Он у меня понятливый.

– А вообще-то пиши! Ревность иногда полезна... Я вижу, на тебя Аркаша впечатление произвел. Смотри поосторожней, парень он – угар!

Алеша тоже не сразу уснул. Смутно было на душе, не выходил из головы совет Аркаши: вечером Володин отозвал Алешу в сторону и сказал – если помощник тренера сборной Янов предложит помочь пробиться в сборную на гонку Мира, а за это попросит половину выигранных в гонке денежных призов, нужно соглашаться, не пожалеешь. Лазарев ничего Володину не ответил. Стыдно сейчас было, и Алеша твердо решил отказаться от помощи Янова, если он предложит. Думал Алеша и о проигранном этапе, переживал заново. Хорошо ведь складывалось поначалу, потерпеть бы немного. Потом стал думать о Свете. Он вспоминал ее девчонкой в спортлагере, вспоминал радость ее при встрече, вспоминал, как она говорила, что Шадров ей уши прожужжал: Лазарев! Лазарев! Значит, Шадров оценил его, верит в него, нужно только хорошо показать себя в следующих этапах, и без помощи Янова он на гонке Мира. А там уж судьба покажет! И снова мысли возвращались к Свете. «Все-таки день сегодня здорово прошел! Хороший день! Хорошее начало!» – думал Алеша.

Уснул сразу только Аркадий Володин. Перед сном он позвонил в Москву жене, рассказал ей, как он победил на этапе, послушал агуканье в трубку восьмимесячной дочери, поагукал в ответ, пожелал жене спокойной ночи и с удовольствием нырнул в прохладную постель. Стал думать о дочери, потом вскользь мелькнула мысль о жене. Она была красива, но как-то быстро стала для него никакой. Умом он понимал, что его жена женщина красивая, нравилось, когда знакомые говорили ему об этом, но сам не замечал ее красоты, не трогала она его. Красива – и хорошо. Возникала иногда мысль, что за женой во время частых и долгих отлучек его на сборы и соревнования могут ухаживать мужчины, и что нет гарантий, что она не ответит на ухаживания. Но мысль эта не волновала почему-то. Потом стал думать о Гале: недурна, но, как все бабы, глупа. Любит, когда на ее ушах лапшу развешивают. Заняться, что ли, ею? Жаль, что сестра Алешки! А при чем здесь Алешка? Вспомнилась вечерняя прогулка по набережной, о Свете подумал с сожалением: теперь Алешка помешает. Ничего, утешусь сестренкой. С этими мыслями Володин уснул.

## 7

Гонщики плотной группой идут по извилистому шоссе под уклон. Мелькают придорожные кусты, скалы, груды камней.

Поворот, поворот.

Скрипят тормоза у «техничек», летят камешки из-под колес.

Шипение, свист.

Алеша в середине группы, пытается выбраться на простор, но велосипеды спереди, сбоку, сзади. Нырнет вправо, а на пути велосипед, влево – то же самое. Руки, ноги, глаза напряжены.

Поворот, шипение асфальта, поворот...

Скорость, скорость!

И вдруг треск впереди, упал кто-то.

Завал!

Не успел тормознуть Алеша, кто-то шарахнулся от завала в сторону, врезался в него. Кувыркнулись деревья, клочок синего неба.

Хруст, боль, вскрики, хрипы.

Кто-то тащит велосипед с Алешки, рвет майку педалью. Майка треснула, расползлась. Царапнул грудь велосипед. Кто-то на ногу наступил. В глазах красные пятна от боли...

Шум вокруг, крики.

Попытался вскочить Алеша с асфальта и чуть не взвыл. Рука, словно чужая, повисла безжизненно. Алеша сел на асфальт. Рядом гонщики злобно рвали сцепившиеся велосипеды, раз-

махивали погнутыми колесами, подзывая механиков. Машины неподалеку в пробке застряли, сигналили, пытались поближе к завалу прорваться. Бежали механики с новыми колесами.

Нога у Лазарева начала лихорадочно дрожать. По бедру кровь текла и капала на асфальт. И понял Алеша: все! Прощай, гонка, прощай, Олимпиада, прощай, мечта! Понял и заплакал. Он пополз с дороги, упираясь в асфальт здоровой правой рукой и оставляя за собой кровавый след. Отполз и уткнулся лицом в траву, чтобы слез не показывать и не видеть, как проносятся мимо гонщики, которым механики заменили колеса.

– Алешка! Алеша! – услышал Лазарев женский крик и суетливо вытер, размазал по лицу слезы.

Трава на обочине была пыльная, лицо стало грязным, страшным.

– Алеша! – подскочила Света к Лазареву и ухватила его за плечи, чтобы к себе повернуть.

Чуть не взвыл он от боли. Лицо перекошилось, побелело.

– Рука! – успел он выдохнуть и потерял сознание.

Увидела Света бедро разодранное, след кровавый на асфальте, зеленое, под цвет травы безжизненное лицо Алешки и закричала истошно, опустилась рядом, решив, что он умер. А к ним уже бежали с носилками от «скорой помощи».

– Не ори! – рывкнул на Свету один из тех, что был с носилками и в белом халате, и сунул под нос Алеше кусочек ваты.

Лазарев замычал, дернул голову в сторону от руки врача. Лицо его стало розоветь. Врач потрогал осторожно Алешу за руку, помял и буркнул:

– Ключица! – Потом приказал: – В больницу!

Алешу уложили на носилки, понесли к машине. Света брела следом, всхлипывала, терла щеки, глаза ладонью.

– Света! – крикнул Шадров из машины, высунув свою крупную голову в окошко. – Садись!

Он даже из машины не вылезал, а может, вылезал и опять сел, только Света не видела, но все же она с неприязнью взглянула на Шадрова и махнула рукой: уезжай!

– Сумку возьми! – сердито крикнул Шадров, высунув руку с сумочкой в окно и кинул.

Света не поймала ее. Шмякнулась сумочка рядом на асфальт. Света подняла и побежала к машине «скорой помощи».

Галя, как и все болельщики, которые были возле театра напротив финишной черты, когда слышались возгласы: «Идут! Идут!» – тянулась, высматривала на шоссе гонщиков, а когда увидела надвигающуюся лавину, пыталась разглядеть среди первых майку Алешки, но майки всех цветов рябили в глазах, и непонятно было, кто впереди сейчас и кто будет впереди у черты. Гонщики надвинулись, налетели на черту, виляя колесами, промелькнули мимо. Кто победил – не понять! Кажется, первой мелькнула майка зеленая с белыми полосами. Значит, опять не Алеша и... не Володин. Галя искала среди остановившихся гонщиков брата, но не видно его было. Заметила улыбающегося Аркадия в желтой майке лидера, тяжело дышавшего, подошла к нему и спросила тревожно:

– А Алеша где?

– Алеша? – переспросил Аркадий и стал осматривать гонщиков. – Тут должен быть...

– Алешка?.. Лазарев, что ли? – оторвался от пластмассовой белой фляжки с соком один из гонщиков и взглянул на Галю.

– Да! – закивала она с надеждой.

– Он в завал попал... В больницу увезли...

В больнице напротив операционной у окна Галя увидела Свету и бросилась к ней.

– Где Алешка?!

Света молча указала на дверь. Галя взглянула на табличку, прочитала и воскликнула испуганно:

– На операции!

Дверь распахнулась, появился мужчина в белом халате и белой шапочке, взглянул на девушек и передразнил ворчливо:

– На операции! Скажут же. Оцарапается человек, косточку сломает, и сразу – операция. Спортсмены, называется...

Мужчина тянул за собой медицинскую тележку на колесиках. Сзади ее подталкивал другой. На тележке лежал Алеша с рукой и плечом в гипсе и с забинтованной ногой. Увидев заплаканные, искаженные страданием лица девушек, он подмигнул им и попытался улыбнуться бледными губами. Мужчины покатали тележку по коридору. Девчата пошли следом.



## Часть третья

### 1

Легкое, едва ощутимое движение воздуха приносило в лагерь душный тревожный запах цветущего миндаля. Тревогой веяло и от тускло-синего неуютного неба, от слишком жгучего для апреля солнца, особенно от голых, каких-то унылых зеленовато-дымчатых гор. Роман Палубин почувствовал тревожную неуверенность и в излишне бодром голосе Кости Никифорова. Хрипотца в нем слышалась сильнее, когда Костя попросил Ивана Егоркина принести гитару. И в том, что Егоркин с готовностью вскочил, оставив свой автомат на камне в тени палатки, и как-то суетливо побежал, громыхая ботинками по шуршащим камешкам, чувствовалось что-то неестественное, натянутое. Роман знал, что Иван не любит, когда им помыкают. Десантники сидели возле длинной палатки на прохладных, остывших за ночь камнях. Палубин смотрел, как рослый, худой Егоркин, гибко пригнувшись, нырнул в палатку, исчез в ней. Вспомнилось, что полгода назад, в первые дни службы в Чирчике, Иван Егоркин был нескладный, неуклюжий и какой-то хрупкий, как ветка зимой, чуть согни – сломается, а теперь хоть и длинный и худой по-прежнему, но гибкий, ловкий, уверенный.

Появился Егоркин из палатки со старой гитарой с облупленной декой, появился, театрально откинув полог, брякнул пальцами по струнам и, дурачась, захрипел, подражая Косте Никифорову:

– Где же ты, Маруся? С кем теперь гуляешь?

Длинный, худой, он стоял у входа в палатку в мятой солдатской панаме, сдвинутой на затылок, щурился на ослепительном солнце и качал головой в такт ударам, глядя на Костю. Плохо настроенная гитара глухо и коротко бренькала.

– Ох, Маруся! Стройная красуля! – бил по струнам Егоркин. – Ждешь ли ты, Маруся, Никифора-салагу?

Десантники засмеялись недружно, как бы вынужденно. Только Роман Палубин не улыбнулся. Иван отметил, что сидел он бледный, прижимал обеими руками автомат к животу и напряженно думал о чем-то.

Ждать вертолетов, ждать боя с душманами томительно и тоскливо даже таким бойцам, как Никифоров. В Афганистане он с того дня, когда ограниченный контингент советских войск введен в страну по просьбе ее правительства, имеет орден Красного Знамени и медаль «За отвагу». Никифоров роста маленького, и плечистым назвать его нельзя. Быстрый, легкий, юркий, две минуты в строю спокойно постоять не может. Поэтому он всегда в задних рядах, подальше от командиров.

– Рядовой Егоркин, не вижу уважения к деду! – сердитым басом, подражая лейтенанту Желтову, командиру взвода, крикнул Никифоров. Он сидел на высоком камне, раскинув вытянутые ноги. На коленях небрежно лежал автомат. – Доложить о выполнении приказа!

– Есть! – гаркнул Егоркин, брякнув по струнам, и, держа обеими руками гитару на груди, словно автомат, двинулся к Никифорову строевым шагом. Он резко выбрасывал длинные ноги вверх и грохал об землю ботинками так, что пыль поднималась и камешки летели в стороны. Подойдя вплотную к сидящему Никифорову, Иван пристукнул ботинками, выпучил глаза, набрал в грудь воздуха, приготовившись рывкнуть, но Никифоров опередил его. Томно отогняя ладонью поднятую Иваном пыль от своего лица, он, капризно морщась, проговорил:

– Ванька, не пыли! – и добавил: – Разрешаю доложить!

Десантники снова засмеялись, на этот раз оживленнее, веселее. Егоркин шумно выдохнул и нежным голосом заговорил:

– Дорогой Никифорчонок! Я бесконечно счастлив исполнить любой приказ, произнесенный твоими сладчайшими облезлыми губами, высушенными афганским солнцем и длительной неустанной болтовней. Прошу принять сей сладкоголосый инструмент и огласить окрестные горы меднонапевными звуками!

Егоркин упал на одно колено, склонил голову и протянул гитару Косте Никифорову, держа ее обеими руками. Никифоров, прежде чем взять гитару, толкнул локтем своего соседа, веснушчатого десантника, и сказал:

– Учись, студент, как к деду обращаться надо! Запиши, я отредактирую, и перед сном учи наизусть.

Роман Палубин смотрел на все это с презрительной усмешкой. Нелепо, глупо, невпопад, как в дрянном провинциальном спектакле. Что смешного?

Егоркин поднялся, отряхнул пыльную штанину, подхватил свой автомат и направился к Роману. Они вдвоем неделю назад прибыли в десантный батальон после обучения в Чирчике и еще ни разу не сталкивались с душманами.

– Что ты мрачный такой?

– Ломаться, что ли, как ты, перед этим шутом, – вяло кивнул Роман в сторону Никифорова, который отставил в сторону автомат и подтягивал струны.

– Он хороший мужик.

– Да ну вас... Душно...

– Помните Васильева? – обратился к ним сидевший слева десантник, смуглый, с надвинутой на блесевшие глаза панамой. Он слышал разговор. – Того, что три дня назад погиб? Он тоже перед боем мрачный ходил, томился... Чуял, наверно...

Егоркин и Палубин молча смотрели на соседа. В груди у Ивана снова заныло. И раньше было тоскливо. Он шутками пытался взбодрить себя, не показать десанникам своего состояния. Понимал, что от того, как он поведет себя в первом бою, зависит их отношение к нему.

– Ну и язык у тебя, – буркнул Егоркин и отвернулся. – Только унитаз чистить.

Никифоров, тихонько трогая пальцами струны, запел песню, которую Иван слышал однажды. От того, что Костя запел именно эту песню, Егоркин почувствовал к нему благодарность, показалось, что Никифоров понял его состояние и поет для него одного:

В этой деревне огни не погашены,

Ты мне тоску не пророчь...

Егоркину вспомнилась Масловка, мать, Валька. Мать писала, что свадьба у нее с Петькой была в феврале. Вспомнилось, как однажды после встречи Нового года в клубе провожал он Вальку домой, шли по сыпучему свежему снегу. Фонари горели на столбах, освещали избы с темными окнами. Глухая тишина. Снег потихоньку сыпался из темноты, искрился, мягко хрумкал под ногами... Потом вспомнилась Галя Лазарева. Шел мокрый снег, когда прошлой осенью стояли они у ворот военкомата. Большие хлопья падали на плечи, на грудь Гали и, тихонько шурша, скатывались вниз по болоньевой куртке, рассыпались. Верх шерстяной шапочки был в снегу, а по бокам на ворсинках дрожали капли воды. И лицо у девушки мокрое... Последнее письмо от Гали Егоркин носил в кармане. Были в нем нежные слова, было и то, что тревожило. Галя писала, что собирается с братом Алешей в Сочи на соревнования велогонщиков. Иван представил девушку в окружении спортсменов на берегу моря, и печально стало. И теперь думал о Гале с грустью и непонятной тревогой.

Кто мне сказал, что во мгле заметленной

Глохнет покинутый луг?

Кто мне сказал, что надежды потеряны?

Кто это выдумал, друг?

Егоркин ждал этих слов песни. И, как и в прошлый раз, когда он услышал их, какая-то горькая тошнота сжала горло, и подступили слезы. «Кто мне сказал, что надежды потеряны? – повторил он про себя. – Кто это выдумал, друг?» Галя теперь в Сочи, у моря. Там хорошо! Егоркин никогда не был у моря, видел его только в кино. Может, теперь купается, если там такая же жара, и не представляет, что, может, через час-другой его не станет! Нет, как же так? Сердце заколотилось сильнее. Егоркин поднял панаму на затылок и вытер пот... Я буду! Не может быть! Но и Васильев, наверное, думал, что он будет вечно? И все, наверное, так думают? Егоркин окинул взглядом десантников: Костю Никифорова, склонившегося к гитаре, Романа. Но боя без жертв не бывает... Я не хочу быть жертвой! Иван вздохнул глубоко. Палубин вскинул голову и глянул на него.

– Воздух хороший, – улыбнулся Егоркин. – Пахнет как!

– Это миндаль... Цветет миндаль.

– А тюльпаны, ишь, как хороши, – указал глазами Иван на пологий склон горы.

– Они мне кровь напоминают...

В Чирчике Роман с Иваном спали на одной двухъярусной кровати: Егоркин наверху, а Палубин внизу. И после службы Роман собирался ехать с Иваном в Москву на машиностроительный завод, о котором много хорошего рассказывал Егоркин. Роман вырос в детском доме. Мать младенцем оставила его в роддоме. И никто о ней ничего не знал.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.